

Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (49)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2018

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (49). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 156 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

- Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф.
(НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН
(Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледаева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof.
(Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф.
(Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф.
(НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (49)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2018

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 1 (49). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2018. – 156 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof. ;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof. ; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy),
Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva –
D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences
(Economics); O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Болдыревский П.Б., Игошев А.К., Кистанова Л.А.</i> Анализ основных факторов экономической устойчивости промышленных предприятий России.....	7
<i>Захарова С.Г., Борисов С.А.</i> Оценка условий формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством жизни населения.....	14
<i>Мизиковский И.Е.</i> Терминологическая идентификация и критерии выбора калькуляционных единиц продукции кузнечного производства предприятий автомобильной промышленности.....	25
<i>Чиркова Е.В.</i> Анализ основных подходов к определению термина «управление» (на примере сферы образования).....	32

Социологические науки

<i>Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В.</i> Профессионально ориентированные аспирантские программы: взаимодействие университетов и индустрии.....	37
<i>Овчарова Т.Н., Овчаров А.О.</i> Профессиональное саморазвитие человека как эволюция его субъектного потенциала.....	43
<i>Казаков М.А.</i> Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия.....	54
<i>Полянина А.К.</i> Управление информационной безопасностью детей как системой социальных взаимодействий.....	62
<i>Сагитов С.Т.</i> Социальная структура сферы культуры: социально-профессиональный подход.....	68
<i>Михайлова Е.В.</i> Beauty blogging на YouTube как новая медиасреда, опосредующая потребление.....	75
<i>Плотичкина Н.В.</i> Мифология электронного фронта.....	80
<i>Короленко А.В.</i> Факторы общественного здоровья: опыт социологического исследования (на материалах Вологодской области).....	89
<i>Курникова М.В.</i> Интегративная модель физической активности как ресурс социального самочувствия семьи с ребенком-инвалидом.....	103
<i>Красуцкая О.В.</i> Доступность социальных услуг для инвалидов: информационный аспект.....	111
<i>Лисовская И.В., Галкин К.А.</i> Есть такие профессии – людям помогать: к вопросу о профессиональной идентичности педагогов и врачей.....	117
<i>Тюрина Н.И.</i> Теоретические аспекты неформальных отношений и практик в деловых компаниях.....	124

Педагогические науки

<i>Власова И.А.</i> Организационно-педагогические проблемы дополнительного образования взрослых.....	133
<i>Румянцева И.Б., Целищева И.И.</i> Развитие гибкости мышления младших школьников на внеурочных занятиях по программе «Занимательная комбинаторика».....	138
<i>Шарина А.В., Николина В.В.</i> Определение структуры предпринимательской активности обучающихся методом факторного анализа.....	147

CONTENTS

Economic sciences

<i>Boldyrevsky P.B., Igoshev A.K., Kistanova L.A.</i> Analysis of the main factors of economic stability of industrial enterprises in Russia	7
<i>Zakharova S.G., Borisov S.A.</i> Evaluation of the conditions for middle class formation in Russia from the perspective of the factor model for quality of life management.....	14
<i>Mizikovskiy I.E.</i> Terminology identification and choice criteria for calculation units of forging in the automotive industry	25
<i>Chirkova E.V.</i> Analysis of the main approaches to the definition of the term «management» (on the example of the field of education)	32

Sociological sciences

<i>Bednyi B.I., Mironos A.A., Rybakov N.V.</i> Profession-oriented postgraduate programs: the interaction between universities and industry.....	37
<i>Ovcharova T.N., Ovcharov A.O.</i> Professional self-development of a person as the evolution of one's subjective potential	43
<i>Kazakov M.A.</i> Personification as a trend of modern political leadership: some characteristics of its manifestation and perception.....	54
<i>Polyanina A.K.</i> Management of children's information security as a social interactions system.....	62
<i>Sagitov S.T.</i> Social structure of the culture sector: social and professional approach.....	68
<i>Mikhailova E.V.</i> Beauty blogging on YouTube as a new consumption-mediating media environment.....	75
<i>Plotichkina N.V.</i> The mythology of the electronic frontier	80
<i>Korolenko A.V.</i> Factors of public health: experience of sociological research (on the materials of the Vologda region).....	89
<i>Kurnikova M.V.</i> Integrative model of physical activity as a social well-being resource for a family with a handicapped child.....	103
<i>Krasutskaya O.V.</i> Accessibility of social services for the disabled: the informational aspect	111
<i>Lisovskaya I.V., Galkin K.A.</i> A profession destined to help: on the issue of professional identity of teachers and doctors.....	117
<i>Tyurina N.I.</i> Informal relationships in modern business companies	124

Pedagogical sciences

<i>Vlasova I.A.</i> Organisational and pedagogical problems of supplementary education for adults	133
<i>Rumyantseva I.B., Chelysheva I.I.</i> Development of primary school students' flexibility of thinking in extracurricular lessons on the program «Entertaining combinatorics»	138
<i>Sharina A.V., Nikolina V.V.</i> Determining the structure of students' entrepreneurial activity by using the factor analysis method.....	147

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.45

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ

© 2018 г.

П.Б. Болдыревский, А.К. Игошев, Л.А. Кистанова

Болдыревский Павел Борисович, д.ф.-м.н., проф.; заведующий кафедрой математических и естественно-научных дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bpavel2@rambler.ru

Игошев Андрей Константинович, к.э.н.; доцент кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
akigoshev@iee.unn.ru

Кистанова Людмила Анатольевна, старший преподаватель кафедры математических и естественно-научных дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lakistanova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.11.2017

Статья принята к публикации 30.01.2018

С использованием многомерного статистического факторного анализа исследуется динамика показателей экономической устойчивости промышленных предприятий Российской Федерации с 2010 по 2015 год. Предложена модель, позволяющая оценить влияние изменения факторов инновационной и коммерческой деятельности на изменение основного обобщающего фактора экономической устойчивости промышленных предприятий. Приведены уравнения и графическая интерпретация взаимосвязи факторов экономической устойчивости. Показано, что фактор инновационной устойчивости усиливает свое влияние в данном временном интервале. Представленные результаты исследований могут представлять интерес для экономистов и предпринимателей, занимающихся изучением аналогичной или схожей проблематики.

Ключевые слова: промышленные предприятия, факторы экономической устойчивости, многомерный факторный анализ.

Введение

Экономическая устойчивость является необходимым фактором конкурентоспособности и успешного развития любого промышленного предприятия. Только при наличии экономической устойчивости промышленное предприятие может развиваться и сохранять свою структурную целостность в изменяющихся условиях внешней среды. Для определения уровня жизнеспособности предприятия в существующих условиях необходимо выявить факторы экономической устойчивости, которые не только способствовали бы поддержанию уровня жизнеспособности, но и повышали бы эффективность работы предприятия. При этом надо иметь в виду, что экономическая устойчивость предприятия тесно связана с финансовой устойчивостью отрасли, к которой по виду экономической деятельности относится само предприятие. Значение данного факта было учтено нами в исследовании факторов экономической устойчивости промышленных предприятий – экономическая устойчивость пред-

приятий анализировалась в разрезе видов экономической деятельности [1–6].

Одним из необходимых условий принятия оптимальных решений, направленных на обеспечение экономической устойчивости, является количественная оценка, которая имеет большое значение для разработки стратегий в развитии предприятий и прогнозирования их производственной, коммерческой и финансовой деятельности, а также для анализа коммерческих рисков, поскольку деятельность промышленных предприятий осуществляется в условиях неопределенности, при наличии рискованных хозяйственных ситуаций. Очевидно, что риск и неопределенность выступают неотъемлемыми чертами процессов управления и финансово-хозяйственной деятельности. В этом случае наличие неопределенности создает ситуацию, в которой нельзя оценить вероятность потенциального результата. Такая ситуация может появиться, когда воздействующие факторы являются достаточно новыми и о них нельзя получить достоверную информацию. Поэтому результаты принятия управленческого решения

сложно предусмотреть, особенно в быстро меняющихся условиях. Допустимый уровень риска оценивается путем качественного и количественного анализа внешней и внутренней среды предприятия, характеризуемой системой соответствующих факторов [7, 8].

Факторный анализ: методика и результаты

Для определения количественной оценки наиболее значимых факторов экономической устойчивости промышленных предприятий нами были проведены статистические исследования, охватывающие период с 2010 года по 2015 год. Были выбраны показатели, отражающие финансовую, производственно-техническую и инновационную деятельность предприятий. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [9], которые были проанализированы с помощью многомерного статистического метода – факторного анализа. Задачей факторного анализа является объединение большого количества показателей, характеризующих объект, в меньшее количество при помощи искусственно построенных на их основе факторов, чтобы полученная в итоге система факторов была наиболее удобна с точки зрения содержательной интерпретации [10–12].

При проведении факторного анализа экономической устойчивости промышленных предприятий в данной работе основывались на алгоритме, включающем следующие основные этапы исследования:

1. Постановка цели анализа исходя из современной экономической ситуации, характерной для промышленных предприятий Российской Федерации.
2. Определение факторов, влияющих на исследуемые результативные показатели.
3. Систематизация и классификация факторов для обеспечения комплексного анализа и системного подхода к исследованию влияния факторов на результаты хозяйственной деятельности.
4. Выявление формы зависимости между результативным и факторными показателями.
5. Построение модели взаимосвязей между факторами и результативным показателем.
6. Оценка и расчет влияния факторов в изменении величины результативного показателя.
7. Работа с факторной моделью (выработка рекомендаций по практическому использованию построенной модели для управления экономическими процессами).

Факторный анализ был проведен с использованием пакета прикладных программ STATISTICA [13]. Данные предприятий имели

различные по своей величине показатели, поэтому предварительно нормировались.

Приведем систему основных показателей, характеризующих состояние промышленных предприятий России по видам экономической деятельности: X_1 – число предприятий и организаций по видам экономической деятельности; X_2 – сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций по видам экономической деятельности; X_3 – выручка от продажи товаров, продукции (работ, услуг) организаций по видам экономической деятельности; X_4 – рентабельность активов организаций; X_5 – рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций; X_6 – оборотные активы организаций; X_7 – коэффициент текущей ликвидности; X_8 – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами; X_9 – дебиторская задолженность организаций; X_{10} – суммарная задолженность по обязательствам организаций; X_{11} – среднегодовая численность работников организаций; X_{12} – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций; X_{13} – коэффициент обновления основных фондов в организациях по видам экономической деятельности; X_{14} – степень износа основных фондов; X_{15} – инвестиции в основной капитал; X_{16} – удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций; X_{17} – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций; X_{18} – затраты на технологические инновации организаций по видам экономической деятельности; X_{19} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами; X_{20} – индекс производства, в процентах к предыдущему году; X_{21} – затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) по видам экономической деятельности.

При помощи метода выделения факторов формируются *главные компоненты*, в которых содержится определенное число факторов. Нами выделено три главные компоненты, которые объясняют более 74% полной дисперсии. Чтобы улучшить результаты факторного анализа и получить интерпретируемое решение, произведем вращение факторов. Выполним вращение по методу *варимакс* (*Varimax*) [14]. Это метод ортогонального вращения, предназначенный для максимизации дисперсий квадратов исходных факторных нагрузок по переменным для каждого фактора. Сформированные главные компоненты факторов показаны в таблице 1. Выделе-

ны факторные нагрузки, имеющие коэффициент корреляции больше 0.7.

В соответствии с выделенными факторными нагрузками объединим переменные в следующие группы.

Фактор 1. К первому основному фактору (F1) относятся переменные $X_2, X_3, X_6, X_9, X_{10}, X_{12}, X_{15}, X_{18}, X_{19}, X_{21}$, то есть этот фактор характеризует финансовую и производственно-техническую устойчивость. Фактор 1 выделен как основной обобщающий фактор, имеющий наибольшую долю дисперсии в 2010 году – 0.43, а в 2015 году – 0.44. Значение этого фактора объясняется тем, что в современных условиях экономически устойчивые предприятия – это предприятия, в которых наблюдаются ежегодная прибыль, высокие объемы реализации, значительная среднемесячная заработная плата работников, растущие затраты на технологические инновации, высокие объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, возрастающий индекс производства, при этом присутствуют инвестиции в основной капитал.

Фактор 2. Ко второму фактору (F2) относятся переменные X_4, X_5, X_7 в 2010 году и X_7, X_{16}, X_{17} в 2015 году. Следовательно, этот фактор характеризует в 2015 году инновационную устойчивость. Инновационная устойчивость определяется способностью предприятия к внедрению новых технологий, новых способов организации и управления производством, к выпуску новых видов товаров и оказанию новых видов услуг.

Фактор 3. В третий фактор (F3) входят переменные X_{14}, X_{16}, X_{17} в 2010 году и X_4, X_5, X_{17} в 2015 году, значит, этот фактор характеризует в 2015 году коммерческую устойчивость, которая определяется уровнем деловой активности, надежности экономических связей, конкурентным потенциалом промышленного предприятия, его долей на рынках сбыта.

Рассмотрим изменение факторов в динамике с 2010 по 2015 год.

Первый фактор в динамике достаточно устойчив (таблица). Собственное значение фактора незначительно увеличилось с 9.01 до 9.26 и доля в общей дисперсии возросла на 1%.

Состав переменных, входящих в этот фактор (F1), стабилен в динамике, и переменные имеют высокие факторные нагрузки, к ним относятся такие экономические переменные, как затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) по видам экономической деятельности и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами.

У второго фактора (F2) в динамике собственное значение уменьшилось с 4.16 до 2.87 и доля в общей дисперсии уменьшилась на 6%. Фактор по значению с 2015 года переместился со второго места на третье. Переменная X_7 – коэффициент текущей ликвидности по факторным нагрузкам перестала оказывать влияние на фактор. Переменные X_4, X_5 свое влияние на фактор сохранили.

Третий фактор (F3) по значению в общей дисперсии увеличился с 2.97 до 3.09 и переместился со третьего места на второе с 2015 года. Переменная X_{14} – степень износа основных фондов – вышла из состава основных переменных фактора. В то же время переменная X_{16} – удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций – увеличила свое влияние на данный фактор.

Результаты факторного анализа позволяют утверждать, что нами выявлено три фактора, оказывающих заметное влияние на экономическую устойчивость промышленных предприятий. При этом первый фактор оказывает более сильное влияние на устойчивость, чем два последующих, поэтому важно выяснить, как факторы F2 и F3 влияют на фактор F1. Исследуем отклик *Фактора 1 (F1)*, названного *обобщающий фактор, характеризующий производственную и финансовую устойчивость*, на изменение *Фактора 2 (F2) – фактора, связанного с инновационной деятельностью*, и *Фактора 3 (F3) – фактора, связанного с коммерческой деятельностью*. Результаты исследования приведены на рисунках 1 и 2. Наблюдается заметное отклонение *Фактора 1* от линейности, что отражено в построенной эконометрической модели [15], которая имеет характер полинома второго порядка:

$$F1 = 0.8496 - 0.2472F2 + 0.1258F3 - 1.4677 \times F2^2 + 0.1502F2 \times F3 - 1.2213F3^2.$$

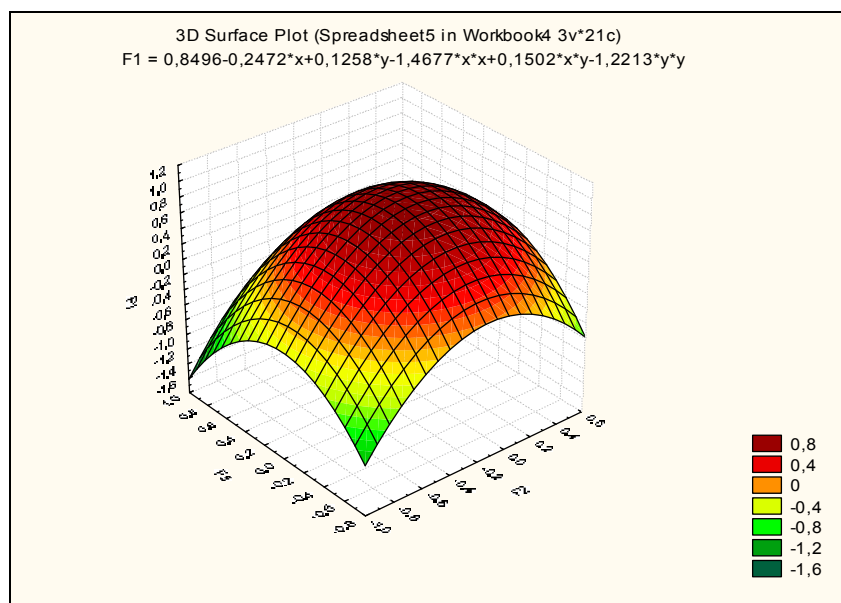
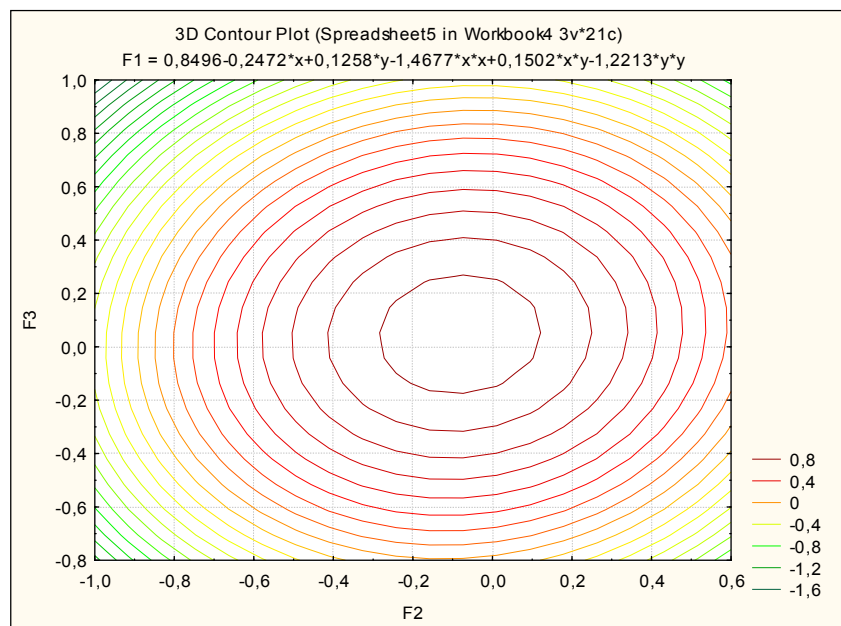
На поверхности отклика имеется зона максимального значения фактора F1, которая находится в пределах от 0.6 до 0.8. Используя необходимое условие экстремума функции нескольких переменных, найдем максимальное значение F1, которое составляет 0.696.

В зоне максимального значения фактора F1 среднее значение сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) организаций по видам экономической деятельности равно 588027 млн рублей; среднее значение выручки от продажи товаров, продукции (работ, услуг) организаций по видам экономической деятельности равно 6744620 млн рублей; удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, находится в пределах

Таблица

Факторные нагрузки экономических переменных (нормализованные, вращение *варимакс*)

Переменные	2010 г.			2011 г.			2012 г.			2013 г.			2014 г.			2015 г.		
	F1	F2	F3	F1	F2	F3	F1	F2	F3	F1	F2	F3	F1	F2	F3	F1	F2	F3
X ₁	-0.10	-0.50	-0.31	-0.18	-0.65	-0.11	-0.19	-0.64	0.01	-0.23	-0.28	-0.43	-0.32	0.58	-0.11	-0.22	0.50	-0.38
X ₂	0.78	0.53	-0.05	0.74	0.56	-0.04	0.74	0.57	0.01	0.75	0.53	-0.01	0.83	-0.28	0.01	0.77	0.09	0.46
X ₃	0.98	0.12	-0.04	0.99	0.05	-0.03	0.97	0.13	0.06	0.98	0.01	0.09	0.98	0.12	-0.03	0.97	0.04	-0.01
X ₄	0.27	0.89	-0.02	0.21	0.88	0.01	0.15	0.88	0.20	0.40	0.78	-0.01	0.72	-0.33	0.15	0.29	0.13	0.70
X ₅	0.18	0.88	-0.14	0.11	0.73	-0.16	0.10	0.83	-0.17	0.07	0.86	-0.19	0.08	-0.65	-0.08	-0.02	0.12	0.85
X ₆	0.95	0.17	0.14	0.96	0.16	0.13	0.96	0.14	0.19	0.98	0.06	0.11	0.96	0.01	0.21	0.95	-0.24	-0.01
X ₇	0.20	0.92	0.00	0.08	0.92	0.01	0.14	0.93	0.17	0.04	0.75	0.14	0.17	-0.59	0.56	0.03	-0.67	0.52
X ₈	0.37	0.16	0.51	0.16	0.38	0.52	0.04	0.37	0.51	0.29	-0.44	-0.42	-0.23	0.35	0.64	-0.18	-0.17	-0.21
X ₉	0.98	0.09	0.01	0.98	0.01	-0.02	0.98	-0.07	-0.04	0.99	-0.05	-0.01	0.99	0.09	0.10	0.98	-0.14	0.04
X ₁₀	0.95	0.16	0.13	0.98	0.05	0.11	0.98	0.01	0.10	0.95	-0.01	0.24	0.92	-0.13	0.10	0.98	0.01	-0.07
X ₁₁	0.60	-0.55	0.04	0.51	-0.66	0.22	0.53	-0.59	0.13	0.50	-0.46	-0.36	0.31	0.73	0.06	0.45	0.34	-0.58
X ₁₂	0.71	0.62	0.09	0.76	0.56	0.05	0.74	0.58	0.13	0.78	0.46	0.25	0.87	-0.39	0.11	0.80	-0.29	0.36
X ₁₃	0.05	0.32	0.13	0.14	0.53	-0.57	0.30	0.46	0.10	0.24	0.31	0.32	-0.14	-0.64	-0.12	0.02	-0.64	0.07
X ₁₄	0.29	-0.08	0.74	0.33	-0.04	0.80	0.34	-0.08	0.57	0.34	0.44	-0.09	0.41	0.08	0.50	0.58	0.09	0.26
X ₁₅	0.86	0.09	-0.20	0.86	-0.03	-0.13	0.85	0.09	-0.28	0.84	0.21	-0.34	0.85	0.09	-0.15	0.83	0.18	0.27
X ₁₆	0.12	0.28	0.81	0.21	0.39	0.62	0.22	0.25	0.78	0.20	-0.06	0.81	0.11	-0.15	0.76	0.08	-0.86	-0.11
X ₁₇	-0.07	-0.20	0.90	0.04	-0.10	0.93	0.15	0.02	0.87	0.28	-0.05	0.76	0.20	0.05	0.88	0.15	-0.76	-0.32
X ₁₈	0.76	0.15	0.31	0.74	0.26	0.24	0.84	0.14	0.32	0.78	0.01	0.59	0.86	-0.17	0.25	0.83	-0.52	-0.06
X ₁₉	0.97	0.16	0.02	0.98	0.08	0.06	0.96	0.15	0.09	0.97	0.14	0.02	0.97	0.11	0.10	0.98	0.03	0.07
X ₂₀	-0.43	-0.37	0.61	-0.46	-0.09	0.67	-0.14	0.01	0.72	-0.14	0.47	0.34	0.36	-0.09	0.42	0.45	0.10	0.51
X ₂₁	0.99	0.11	0.02	0.99	0.02	0.05	0.99	0.09	0.09	0.98	0.06	0.14	0.98	0.10	0.05	0.99	0.02	-0.02
Общая дисперсия	9.01	4.16	2.97	8.94	4.36	3.11	8.85	4.27	2.86	9.05	3.49	2.63	9.71	2.66	2.73	9.26	3.09	2.87
Доля общей дисперсии	0.43	0.20	0.14	0.43	0.21	0.15	0.42	0.20	0.14	0.43	0.17	0.13	0.46	0.13	0.13	0.44	0.15	0.14

Рис. 1. Поверхность графика функции $F1(F2, F3)$ Рис. 2. Линии уровня функции Фактора 1 ($F1$)

12%; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг равен 9.1%; среднее значение рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций равно 11.8%. В пределах этой зоны (от 0.6 до 0.8) значения $F2$ и $F3$ близки к средним показателям (рис. 1). Оба фактора в итоге усиливают значение первого фактора, при этом влияние второго фактора в два раза сильнее. Можно сделать вывод, что грани экономической устойчивости (коммерческая, производственно-техническая, финансовая и инновационная) взаимосвязаны и взаимозависимы. Уровень развития каждой оказывает свое

влияние на общую экономическую устойчивость предприятия.

Приведенную модель можно интерпретировать следующим образом – на повышение экономической устойчивости промышленных предприятий положительное влияние оказывает увеличение их инновационной и коммерческой деятельности, при этом наиболее сильное влияние имеет динамика инновационной деятельности [16–18]. Адекватность модели подтверждается тем, что анализ подобранной поверхности фактора $F1$ адекватен анализу современной реальной экономической системы, где инноваци-

онная активность промышленных предприятий занимает ведущее место в оценке их экономической устойчивости и конкурентоспособности. Инновации являются одним из определяющих факторов перспективного экономического развития предприятия на любом уровне хозяйственной иерархии [19]. Главным условием для этого является целенаправленное формирование и эффективное функционирование инновационной системы, которая должна разрабатываться на национальном и региональном уровне. Основная задача любого предприятия в этом случае – поддерживать конкурентоспособность как можно дольше и обеспечивать уровень финансово-экономических показателей не ниже среднеотраслевых. Это даст возможность сформировать стратегическую устойчивость предприятия и в результате развить и сохранять длительное время конкурентные преимущества, обеспечивая высокое качество продукции и спрос на нее.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что в современных условиях экономическая устойчивость предприятия формируется под воздействием сложного комплекса факторов. При всем многообразии конкретных хозяйственных ситуаций, по нашему мнению, наблюдается определенное единство, характеризующее экономически устойчивые предприятия. Это единство проявляется в наличии предпринимательского подхода к организации производственной, финансовой, маркетинговой деятельности; умении улавливать «слабые» сигналы о негативном изменении среды и быстро реагировать на них посредством приспособления, активного противодействия; способности руководства предприятия эффективно использовать «человеческий капитал» посредством гармонизации интересов предприятия и отдельных работников; постоянном обновлении технологий, динамизме и инновациях.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант №17-06-00089 А.

Список литературы

1. Шермет А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. М.: ИНФРА-М, 2009. 380 с.
2. Крейнина М.Н. Оценка финансовой устойчивости предприятий // Финансовый менеджмент. 2001. № 2. С. 6–11.
3. Розенберг Г.С., Черникова С.А., Краснощекова Г.П., Крылова Ю.М., Гелашвили Д.Б. Мифы и ре-

альность «устойчивого развития» // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2. С. 130–154.

4. Осипова М.Ю. Теория и методология исследования устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 4 (25). С. 81–88.

5. Багриновский К.А., Никонова А.А., Соколов Н.А. Методы технологической трансформации производственной системы // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 3–19.

6. Бодров О.Г., Мальгин В.А., Тимирясов В.Т. Экономическая свобода и устойчивость предприятия. Казань: Изд-во «Таглитат», 2000. 208 с.

7. Болдыревский П.Б. Основные элементы системы управления рисками промышленных предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(3). С. 31–33.

8. Бланк И.А. Управление финансовой безопасностью предприятия. Киев: Эльга, 2009. 250 с.

9. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 22.11.2017).

10. Баженов О.В., Галенкова А.Д., Косова Е.С., Сафронов А.А., Сутормина М.А. Эконометрическая оценка факторов, влияющих на размер финансового сектора экономики // Экономика и математические методы. 2017. 53 (2). С. 40–49.

11. Балдин А.В., Борисевич В.Б., Нестеренко В.И. Факторный и кластерный анализ основных показателей производственной деятельности предприятий транспортного комплекса // Российское предпринимательство. 2006. № 1 (73). С. 56–58.

12. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / Дж.-О. Ким, Ч.У. Мьюллер, У.Р. Клекка и др.; пер. с англ.; под ред. И.С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989. 215 с.

13. Боровиков В. STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере: для профессионалов. СПб.: Питер, 2003. 688 с.

14. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.

15. Болдыревский П.Б., Зиминова С.В. Эконометрика. М.: Кнорус, 2017. 178 с.

16. Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Математико-статистическая модель инновационной деятельности промышленных предприятий // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 15. С. 8–12.

17. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Королев Д.С. Экономический анализ возможностей технологического развития России (на примере нанотехнологий) // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 9. С. 2–11.

18. Макаров В.Л. Обзор математических моделей экономики с инновациями // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 3–14.

19. Теплых Г.В., Галимарданов А.Ш. Моделирование инвестиций в инновации в российских регионах // Прикладная эконометрика. 2017. Т. 46. С. 104–125.

20. Вертакова Ю.В., Симоненко Е.С. Управление инновациями: теория и практика. М.: Эксмо, 2008. 432 с.

**ANALYSIS OF THE MAIN FACTORS OF ECONOMIC STABILITY
OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN RUSSIA***P.B. Boldyrevsky, A.K. Igoshev, L.A. Kistanova*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, we use multivariate statistical factor analysis to explore the dynamics of economic sustainability indicators of industrial enterprises in the Russian Federation over the period from 2010 to 2015. The proposed model allows one to estimate the influence of changes in the factors of innovative and commercial activity on the change of the main generalizing factor of economic stability of industrial enterprises. Equations and graphical interpretation of the interrelation of economic stability factors are presented. The influence of the innovative stability factor is shown to increase during the time interval under study. The research results may be of interest to economists and entrepreneurs engaged in studying similar problems in this field,

Keywords: industrial enterprise, economic stability factors, multivariate factor analysis.

УДК 338.24

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2018 г.

С.Г. Захарова, С.А. Борисов

Захарова Светлана Германовна, к.э.н., доц.; доцент кафедры менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
svetlana-nngu@mail.ru

Борисов Сергей Александрович, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ser211188@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.01.2018**Статья принята к публикации 29.01.2018*

Исследуются современные проблемы, связанные с формированием среднего класса в России, с позиции факторной модели управления качеством жизни населения. Цель статьи – определить ключевые факторы, влияющие на формирование среднего класса в России, и рассмотреть условия, при которых становится возможным увеличение доли населения, соответствующего его уровню. Для осуществления комплексной оценки условий, необходимых для формирования среднего класса в России, использованы следующие методы: анализа и синтеза, системный подход, метод экспертной оценки, методы социально-экономической статистики. На основании проведенного социологического опроса с использованием разработанных авторами методик, а также применения методов социально-экономической статистики установлены факторы, оказывающие косвенное негативное воздействие на формирование среднего класса в России. Среди количественных параметров отмечается низкий средний уровень доходов в нестоличных регионах, а среди качественных параметров – низкий уровень активной жизненной позиции населения и недостаточный уровень развития инфраструктуры сельских территорий. Установлено, что оценка условий формирования среднего класса возможна только с позиции комплексного факторного подхода. Обоснованы выводы, что для формирования среднего класса и расширения его доли среди населения в Российской Федерации необходимо создание особых условий, включающих, в том числе, существенное улучшение названных выше параметров. Кроме того, использование факторной модели управления качеством жизни населения дает возможность сформировать методы и технологии управления комплексом мероприятий, позволяющих воздействовать на величину среднего класса.

Ключевые слова: качество жизни населения, факторная модель управления качеством жизни населения, средний класс, доходы населения, уровень жизни, дифференциация доходов, статистические методы анализа.

Введение

Согласно новой концепции развития страны, целевой установкой, определяющей ее развитие, является качество жизни населения, которое может соответствовать повышению отдельных количественных социально-экономических показателей. Однако рост значений социально-экономических показателей не может являться конечной целью управления [1]. В большинстве случаев учеными различных научных школ оценка «качества жизни населения» предполагает оценку иерархической системы факторов, критериев и показателей, всесторонне характеризующих экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и культурно-духовного благосостояния населения [2]. Однако определять «качество жизни населения» может лишь степень соответствия совокупности присущих характеристик жизнедеятельности определенным требованиям со стороны населения

[3]. Связь между высоким уровнем социально-экономических показателей и качеством жизни населения изучается учеными различных научных школ. С помощью экономико-математических методов исследуются вопросы, связанные с проблемой преобразования экономического подъема в соответствующий процесс повышения качества жизни населения [4]. Важность понимания глубины данных преобразований и управляющих воздействий со стороны управляющей системы обозначается в Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. [5], что является одной из наиболее сложных задач управления. Факторы, влияющие на качество жизни населения, можно рассматривать как условия формирования среднего класса в России.

Теоретико-методологические подходы

Сравнивая различные подходы к анализу факторов, повышающих качество жизни насе-

Рис. 1. Факторная модель управления качеством жизни населения [14]

ления, следует выделить модель факторных доходов (рис. 1), которая позволяет объяснить многие вопросы периода глубоких институциональных преобразований в России [6]. Модель предусматривает цикличность социально-экономического развития, динамичность взаимосвязанных систем управления и дает возможность выявить условия формирования среднего класса через социологическую оценку основных его компонентов. Проблема России заключается в огромном разрыве между уровнем и качеством жизни высокообеспеченного и бедного населения, причем процент высокообеспеченного населения равнозначен данному показателю большинства стран. Существенное различие заключается в том, что в России не сформирован средний класс, соответствующий характеристикам среднего класса наших зарубежных партнеров, и большинство населения среднего класса России, по западным меркам финансового состояния, относится скорее к малообеспеченным слоям, при высоких социальных характеристиках. Это имеет особое значение, так как именно средний класс отличается более высокой социальной устойчивостью, являясь основой стабильности экономического развития страны. Средний класс, в силу того, что благосостояние, которым он располагает, достаточно для обеспечения высокого качества жизни, может быть гарантом сохранения основных направлений развития страны, а потребительские запросы среднеобеспеченных слоев населения во многом определяют развитие экономики. Но главным фактором, определяющим его важность для общества, является наличие четких общекультурных и общечеловеческих устоев. Именно средний класс

является основным хранителем общественных отношений, носителем господствующей идеологии, всей системы ценностей, представляя собой как бы экономическую и социально-политическую медиану общества [7]. Стратегическая нацеленность среднего класса на сохранение сложившихся социально-экономических отношений служит основой общественного и политического равновесия. Глубокие институциональные преобразования российской экономики в первую очередь связаны с открывающимися возможностями получения новых источников доходов. Согласно факторному подходу к управлению качеством жизни населения, уровень благосостояния населения в современных условиях экономического развития должен формироваться не столько из оплаты труда, а, главным образом, за счет реализации других факторов производства, находящихся в собственности, в социально-экономических процессах. С позиций факторного подхода к доходам населения, институциональные реформы предполагают возможность получения доходов за вложенные капиталы в виде дивидендов, процентов, доходы от собственности и широкие возможности использования предпринимательских способностей [1]. Формирование доходов населения и, как следствие, принадлежность к тому или иному классу зависит от экономической отдачи использования соответствующего ресурса в качестве фактора производства [6]. Возможность получения высокого уровня доходов, безусловно, зависит от уровня образования, профессиональной осведомленности и многих других характеристик самого населения, которые формируются под влиянием экономической, медико-экологической

и культурно-духовной среды, а также управляющей институциональной системы.

Понятие «средний класс» не однозначно, имеет много подходов и характеристик. Большинство ученых придерживаются мнения, что к среднему классу можно отнести социальную группу людей, имеющих устойчивые доходы, достаточные для удовлетворения широкого круга материальных и социальных потребностей [8].

Результаты исследования

Оценить прямыми количественными показателями управляющее воздействие, связанное с развитием инфраструктуры, институциональной среды и инвестиционного климата, весьма сложно. Но именно управляющее воздействие создает условия экономического, медико-экологического и культурно-духовного развития территории.

Факторная модель управления качеством жизни населения наглядно позволяет понять, что для формирования среднего класса в России, сравнительно недавно сменившей свой институциональный строй, должны быть созданы вполне определенные предпосылки. Однако неравномерность распределения собственности на факторы производства лишает среднестатистических россиян с высоким уровнем образования и квалификации возможности изменить свой общественный статус. В связи с этим продолжаются научные и общественные дискуссии о количественных и качественных показателях, позволяющих осуществить распределение населения по классам, особое внимание уделяется оценке уровня и качества жизни высокообразованного населения.

Весьма интересна теория определения среднего класса американских ученых Уильяма Томпсона и Джозефа Хики, представленная в книге «Общество в фокусе» [9]. Они сформулировали теорию определения среднего класса, разделив все общество на три основных категории, согласно уровню образования, квалификации и дохода.

Высшая категория (около 15% населения США) – население с высшим образованием, занимающие должности специалистов и руководителей высшего звена управления, с доходом свыше 100 000 долларов в год. Средняя категория (около 32% населения США) – население, имеющее высшее и среднее профессиональное образование, занимающие должности специалистов и руководителей среднего звена управления и высококвалифицированные рабочие, имеющие широкие возможности самостоятельности в работе, с доходом от 35 000 до 75 000 долларов в год.

К той же средней категории (около 32% населения США) относится население, имеющее среднее образование, занимающие должности специалистов и рабочих высокой квалификации, с доходом от 16 000 до 35 000 долларов в год.

Таким образом, по мнению авторов, 79% населения Соединенных Штатов Америки представляют высокообеспеченный и средний класс, а 21% населения относится к малообеспеченным. Исходя из представленной теории, ключевую роль при отнесении человека к среднему классу играет образование, которое определяет высокий социальный статус и соответствующий уровень оплаты, позволяющий успешно подняться на социальных лифтах. Квалифицированный специалист всегда может рассчитывать на достойную работу и зарплату, при этом получая дополнительные доходы от других факторов производства, в том числе капитала, природных ресурсов, с использованием разнообразных информационных каналов. Предпринимательские способности реализуются в малом бизнесе и поддерживаются дотациями и низкими процентными ставками, а также высокими правовыми гарантиями со стороны государства.

Существенным затруднением, стоящим перед российскими исследователями, является то, что единая система определения среднего класса в стране отсутствует. В связи с существенными отличиями в научных подходах к критериям отнесения граждан к категории среднего класса имеется большой разброс результатов исследований ученых и специалистов-практиков.

Среди них следует выделять следующие подходы к определению среднего класса:

- объективный подход, основанный на уровне материального благосостояния;
- субъективный подход, основанный на самоотнесении людей к среднему классу;
- комбинированный подход, основанный на комбинации объективного и субъективного подходов [10].

Необходимо отметить, что подход, основанный на оценке уровня материального благосостояния, дает достаточно объективные характеристики социального субъекта. При рассмотрении совокупности таких показателей, как душевой доход, наличие определенного дорогостоящего имущества (например, бытовая техника, автомобиль), возможность приобретения платных образовательных и медицинских услуг, возможность путешествовать и отдыхать с комфортом, безусловно, удастся идентифицировать людей, обладающих сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления.

Субъективный подход также имеет ряд преимуществ. Он основан на самоидентификации

людей с представителями среднего класса и включает набор социально-психологических характеристик индивидов. Одними из наиболее результативных методов, применяемых для определения среднего класса, являются социологические методы опроса населения. Данный подход характеризует внутреннее отношение людей к уровню обеспеченности жизни и возможностей социально-экономического потребления. Сочетание характеристик, используемых в субъективном подходе, также позволяет выделить средний класс.

Комбинированный подход используется для использования преимуществ как объективного, так и субъективного подхода. Он использует для установления принадлежности человека к среднему классу такие параметры, как профессиональные характеристики, образование, имущественно-доходные характеристики, в том числе и самоидентификацию.

В соответствии с опросом граждан РФ, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), выяснилось, что более 80% россиян считают бедными тех, кому едва хватает средств на еду и одежду. В марте 2017 года данная группа составила 35%, причем 6% респондентов отметили, что для них затруднительна даже покупка продуктов [11].

Необходимо отметить, что численность населения России, обладающего сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления, соответствующим среднему классу развитых стран мира, невелика. По результатам исследований, лишь 13 млн человек (9% от общей численности населения) можно отнести к среднему классу, которые имеют в собственности соответствующие квартиры, дома, машины, значительные сбережения, возможности комфортабельного отдыха с лечением, в том числе за границей.

Согласно оценке, данной Всемирным банком, российский средний класс определяется как домохозяйства, чей уровень потребления в полтора раза превышает уровень национальной шкалы бедности. Национальная шкала бедности, в свою очередь, определяется доходами ниже прожиточного минимума.

В 2014 году специалистами Всемирного банка было отмечено, что благодаря росту зарплат и пенсий в РФ с 2001 по 2014 год доля среднего класса в общей численности увеличилась с 27% до 60%, уровень бедности сократился с 35% до 10% [12]. Вместе с тем положительные тенденции в первую очередь связаны с заниженным уровнем точки отсчета и с ограниченными возможностями исследования класса очень богатых людей. В исследовании не берётся во внимание существенное различие в

доходах малообеспеченных и высокообеспеченных людей, также не объясняется рост неравенства доходов, соответствующих факторам производства.

Из результатов данного исследования можно сказать, что расширение среднего класса в России главным образом зависит от трудовых доходов в частном и государственном секторе. Таким образом, рост зарплаты и величины социальных выплат является основным фактором роста доходов среднего класса в России, в 2001 году на их долю приходилось 73% доходов, а в 2010 году уже 64% при значительном росте доли пенсий.

Согласно оценке Института современного развития, в развитых странах к критериям отнесения населения к среднему классу относятся: совокупность постоянного месячного дохода на каждого члена семьи в эквиваленте 2–2.5 тысячи долларов, не менее 40 квадратных метров общей площади на каждого члена семьи и 2–3 легковые машины на семью. В России лишь 7% россиян можно отнести к среднему классу, который соответствует перечню столь высоких характеристик [13].

В соответствии с точкой зрения швейцарского банка Credit Suisse, согласно отчету «Global Wealth Report 2015», к среднему классу в России можно отнести не более 5 млн человек, т.е. лишь 4.1% взрослого населения, имевшего доход от 18 000 долларов в год. При этом исследователи отмечают, что в 2016 году ситуация еще больше ухудшилась – благосостояние российских домохозяйств в среднем снизилось с 12 000 до 10 300 долларов на человека, а дифференциация населения, характеризующаяся разрывом доходов между наиболее богатыми и наиболее бедными россиянами, усугубилась. В исследовании отмечается, что на 10% самых обеспеченных российских семей в 2016 году приходилось 89% всех активов. При этом число представителей среднего класса в России снизилось с 22.86 млн человек в 2010 году до 5.6 млн человек в 2016 году [12].

Как мы видим из приведенной статистики, некоторые эксперты говорят о росте среднего класса в РФ, однако при детальном рассмотрении факторов и тенденций можно сделать вывод, что реальный средний класс в России постоянно сокращается, и в качестве основной причины обозначаются экономические кризисы и спад в развитии экономики РФ.

По мнению авторов, главной причиной значительного разрыва в доходах населения и низкого процентного соотношения среднего класса и других групп населения является значительная концентрация собственности на факторы производства в руках незначительной части населе-

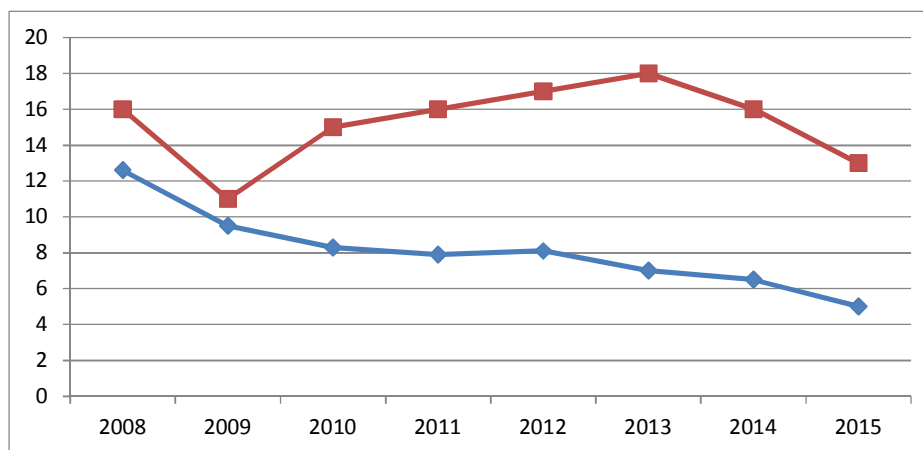

Рис. 2. Доля среднего класса в населении России по уровню дохода по результатам исследований ЦСИ «Росгосстраха» (красная линия) [5] и Института современного развития (синяя линия) [8]

ния. Это наглядно объясняется факторной моделью управления качеством жизни населения [6].

Весьма интересным исследованием последнего времени является исследование Центра стратегических исследований «Росгосстраха», проведенное на основе методологии субъективного подхода [14].

Исходя из самооценки уровня дохода населения, в 2015 году в России к среднему классу относились 13% населения, а в 2003 году численность этой группы составляла 5% от общего числа жителей страны. Также исследователями ЦСИ отмечается, что в августе 2016 года доля граждан, способных купить новый автомобиль, составила в среднем по России 12%, что ниже уровня августа 2012 и 2013 годов. Результаты исследования ЦСИ «Росгосстраха» представлены на рис. 2 линией красного цвета.

Как видно из рисунка 2, по исследованиям ЦСИ, общая картина процентного соотношения численности населения среднего класса с точки зрения доходов существенно отличается от результатов исследования Института современного развития.

Анализируя рис. 2, можно видеть, как сильно чувствителен российский средний класс к любому экономическому изменению. Такие факторы, как экономические кризисы, колебания валютного курса и другие, сильно отражаются на развитии страны и ее территорий, а также на качестве жизни населения [3].

Интересным исследованием является работа В.В. Колбановского, в которой автор пытается ответить на вопрос, является ли средний класс реально существующим явлением или он существует на бумаге, но в российской реальности отсутствует как таковой [15]. Заслуживает также внимания работа В.Н. Бобкова, посвященная социальным структурам, вопросам среднего класса и наемным работникам [16]. Вопросам

определения критериев для формирования среднего класса посвящена работа А.В. Цимбалюта [17].

Таким образом, мнения ученых в области оценки уровня и качества жизни населения, а также выделения среднего класса не совпадают, в первую очередь по причине отсутствия общепринятой методологии расчета данных, весьма важных показателей. На наш взгляд, как было описано ранее, наиболее подходящим для целей анализа данного вопроса является факторный подход к управлению качеством жизни населения [10].

В рамках факторной модели управления качеством жизни населения, автором которой является С.Г. Захарова, в 2015–2016 гг. был проведен опрос жителей Нижегородской области [6]. Респондентам предлагалось оценить процентное соотношение компонентов качества жизни населения в соответствии с их значимостью. Сумма значений компонентов качества жизни населения должна составлять 100%, характеризую тем самым качество жизни в полном объеме. В опросе участвовали более 1300 респондентов различных возрастных групп Нижегородской области. Социологическая оценка качества жизни населения репрезентативной группы с высшим и неоконченным высшим образованием Нижегородской области за 2016 год может характеризовать самоидентификацию людей с частью населения среднего класса.

Данные, полученные при опросе населения муниципальных районов сельского и городского типа, были разделены. Результаты опроса сведены в таблицу 1.

На основании разработанной методики и проведенных исследований, ранее опубликованных в работах [1, 4, 6], получены результаты, которые представлены на рис. 3. Оценка качества жизни населения проводилась по деся-

Таблица 1

Оценка компонентов качества жизни населения за 2010–2016 гг.

Показатели, характеризующие качество жизни населения	Оценка качества жизни населением по 10-балльной шкале			
	2010	2012	2014	2016
Уровень общеэкономического развития района	6.6	6.02	5.76	6.78
Уровень материального благополучия населения	6.36	5.98	5.86	6.41
Уровень медико-экологического обслуживания	5.98	5.94	5.90	5.67
Уровень культурно-духовного развития	6.38	5.74	5.72	7.04
Средний балл	6.33	5.92	5.81	6.48

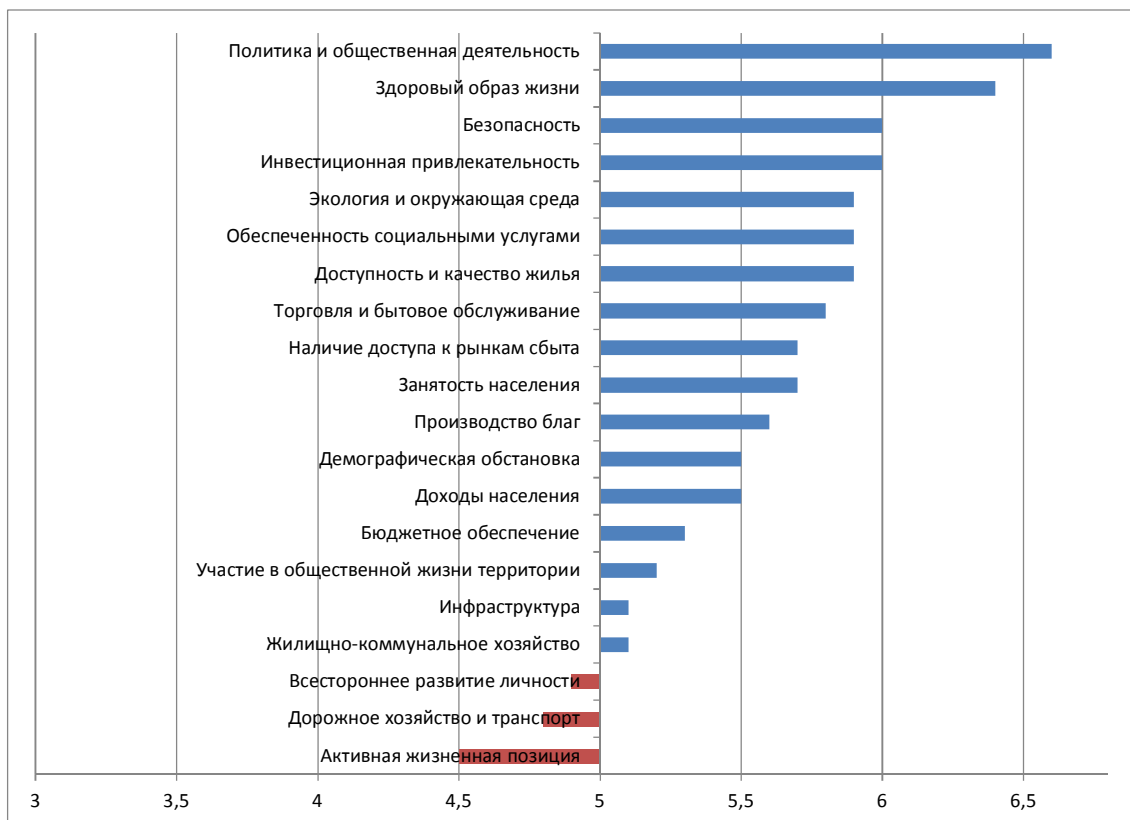

Рис. 3. Результаты анкетирования по отнесению респондента к среднему классу (значение параметра, соответствующее среднему классу, начинается с 5 баллов)

тибалльной шкале, с шагом в 1 балл. Значения выставлялись от 1 балла (очень плохо) до 10 баллов (очень хорошо), при этом значение параметра, соответствующее среднему классу, начинается с 5 баллов.

В соответствии с рисунком 3 факторы, оцененные менее чем в 5 баллов, свидетельствуют о том, что, по мнению респондентов, данный параметр не соответствует требованиям среднего класса. Для тех факторов, которые получили более 5 баллов, респонденты относят себя к среднему классу. Социологический опрос населения, имеющего высшее образование в России, как основы среднего класса, показал, что хотя часть параметров находятся выше нижней границы среднего класса в 5 баллов (выделено синим цветом на графике), качество жизни людей, относящих себя к среднему

классу, в целом, невысоко, а по некоторым параметрам (выделены на графике красным цветом) ниже среднего порога социального статуса. На наш взгляд, низкий уровень жизни населения среднего класса можно рассматривать в качестве одной из важнейших характеристик рецессии российской экономики, так как именно средний класс является опорой текущего государственного строя, основой стабильной и развитой экономики, гарантией будущего развития страны [18].

Уровень самоидентификации как субъективный критерий отнесения индивида к российскому среднему классу, как отмечается в работах российских ученых [19], заставляет задуматься о репрезентативности выборки респондентов, соответствующих статистическим показателям.

Рис. 4. Оценка качества жизни населения Нижегородской области, в разрезе воздействующих факторов

Для наглядного представления и более подробного анализа экспертной оценки факторов, определяющих качество жизни населения, используем лепестковые диаграммы по факторам, сгруппированным в отношении четырех субъектов социально-экономического взаимодействия: население, бизнес, исполнительные органы и представительные органы. Результаты исследования представлены на рис. 4. Согласно представленной на рисунке группировке, необходимо отметить, что в группу «Население» входят такие факторы, как здоровый образ жизни, всестороннее развитие личности, доходы населения, активная жизненная позиция, доступность и качество жилья. В группу «Бизнес» входят: производство благ, занятость населения, торговля и бытовое обслуживание, наличие доступа к рынкам сбыта, участие в общественной жизни территории. В группу «Исполнительные органы» включаются следующие компоненты: дорожное хозяйство и транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, обеспеченность социальными услугами, экология и окружающая среда, бюджетное обеспечение. В группу «Представительные органы» включаются: инвестиционная привлекательность территории, инфраструктура, демографическая обстановка, безопасность и политика и общественная деятельность.

Как видно из представленного рисунка, наиболее позитивное влияние оказывают стремление населения к ведению здорового образа жизни, относительная доступность и качество жилья. Размер доходов оценивается большинством

респондентов как средний, что соответствует представлению о среднем классе. Наиболее негативной составляющей качества жизни населения, по его собственным оценкам, является недостаточно активная жизненная позиция, слабое участие в выборах и создании политических партий, борьбе за свои права. В последние годы многие потенциальные избиратели не используют свое право голосовать.

Наибольшее положительное влияние в области оказания бизнесом услуг населению оказывает уровень торговли и бытового обслуживания. Это связано с тем, что сегодня распространены различные виды магазинов и супермаркетов с большим ассортиментом товаров по различным ценам, соответственно, покупатели имеют возможность выбора наиболее привлекательных с их точки зрения товаров и услуг по соотношению цены и качества. Следовательно, сегодня практически любое предприятие может найти «своего» потребителя, и это является весьма существенным толчком развития бизнес-структур. Самый низкий балл, характеризующий группу «Бизнес», говорит об отсутствии экономических рычагов взаимодействия предприятий и организаций с интересами населения, соответственно определяя слабую заинтересованность организаций в общественной жизни территорий. По мнению опрошенных, относительно небольшое количество организаций участвуют в культурных и политических мероприятиях города. Вместе с тем влияние этого фактора является положительным, так как его

оценка выше среднего (по результатам опроса она составляет 5.2 балла по десятибалльной шкале) [18].

В рамках рассмотрения вопроса предоставления исполнительными органами услуг населению необходимо отметить, что наибольшее положительное влияние на качество жизни населения оказывают два фактора. Одним из них является высокий уровень социальных услуг населению, к числу которых относятся услуги здравоохранения, образования, культуры и спорта. Однако повышение уровня данного показателя возможно только в случае высокой обеспеченности спортивными сооружениями, учреждениями науки и культуры. С другой стороны, как видно из рисунка, доля населения, занимающего активную жизненную позицию, невелика, и, как следствие, наблюдается низкий уровень вовлеченности населения в культурно-досуговые мероприятия. По мнению респондентов проведенного авторами социологического опроса, оценка данного показателя находится на уровне выше среднего (5.9 балла). На таком же уровне была оценена экология и степень охраны окружающей среды. Это означает, что жители городов, муниципальных районов и сел отмечают усилия властей и волонтерских организаций в области защиты окружающей среды, но считают, что этот уровень далек от оптимального. Наиболее серьезной проблемой в области услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, является ситуация с дорожным хозяйством и транспортом: уровень оценки этой составляющей в 2016 году составил 4.8 балла (ниже среднего). Вместе с тем необходимо отметить, что, например, в Нижнем Новгороде и области городскими властями предпринимаются значительные усилия по улучшению дорожно-транспортного хозяйства: производится ремонт и строительство новых дорог, дублеров мостов, осуществляется ремонт и закупка новых автобусов и других видов городского и пригородного транспорта. Ситуация, пусть и не так быстро, изменяется в лучшую сторону. Проведение в Нижнем Новгороде чемпионата мира по футболу в 2018 году заставляет органы исполнительной власти и подрядные организации в более быстром темпе решать вопросы, связанные с дорожной инфраструктурой.

Уровень доверия респондентов к органам власти и органам местного самоуправления достаточно высок, что характеризуется наибольшим среди всех баллов в рамках данной группы: показатель составляет 6.6 балла, что характеризует его как «выше среднего». Наименьшее, но, тем не менее, положительное влияние оказывает уровень развития инфра-

структуры, включающий взаимодействие между внутрифирменными факторами развития производства, условия развития действующих и создания планируемых предприятий и организаций, создание благоприятной инновационной среды. Как видно из анализа факторов, влияющих на качество жизни населения, обеспечиваемых со стороны представительных органов власти, Нижегородская область обладает достаточно высоким уровнем инвестиционной привлекательности территории. Согласно опросу респондентов, данный показатель составляет 6 баллов. В то же время для привлечения инвесторов на ту или иную территорию требуется совершенствование ее инфраструктуры, инновационной среды. Необходима разработка грамотных бизнес-планов для привлечения дополнительных бизнес-инвестиций, что, в свою очередь, требует участия в их разработке представителей научного сообщества и развития бизнес-инкубаторов, научно-технологических центров и т.п.

В связи с тем, что Нижегородская область имеет среднестатистические социально-экономические показатели, можно считать, что ее население отражает обобщенную оценку социально-экономического развития России. Соответственно, результаты, полученные в ходе социологического опроса населения Нижегородской области, могут рассматриваться как репрезентативные для России в целом.

В результате проведенного анализа можно сказать, что оценка факторов качества жизни населения в России оценивается респондентами в целом как средняя, что свидетельствует о возможности выделения в стране среднего класса. В то же время отдельные низкие оценки (ниже среднего) по таким факторам, как уровень активности жизненной позиции населения, состояние дорожно-транспортного комплекса, недостаточный уровень развития инфраструктуры (чуть выше среднего), говорят о том, что для формирования полноценного среднего класса в РФ государству, бизнесу и самим гражданам требуется приложить определенные усилия, причем не только в области повышения доходов населения, но и в развитии перечисленных ранее направлений.

В соответствии с результатами опроса можно сделать вывод, что России предстоит преодолеть множество социально-экономических барьеров по повышению социально-экономического статуса среднего класса и обеспечению необходимой стабильности общества.

По мнению авторов, эффективным инструментом анализа качества жизни населения и выделения среднего класса может служить ме-

Таблица 2

Интервалы для группировки доходов в РФ по регионам в 2016 году, руб.

Интервал группировки	Верхняя граница интервала	Количество регионов	Накопленная частота	Частоты
8417–14034	14034	1		0.0122
14034–19651	19651	9	10	0.1098
19651–25268	25268	32	42	0.3902
25268–30885	30885	21	63	0.2561
30885–36502	36502	7	70	0.0854
36502–42119	42119	6	76	0.0732
42119–47736	47736	2	78	0.0244
47736–53353	53353	1	79	0.0122
53353–58970	58970	1	80	0.0122
58970–64587	64587	1	81	0.0122
64587–70204	70204	1	82	0.0122
				1

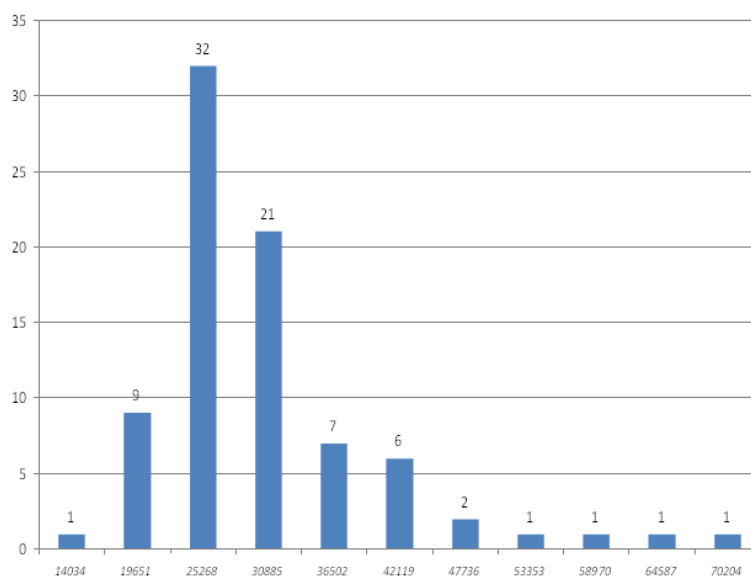

Рис. 5. Гистограмма распределения доходов населения субъектов РФ в 2016 году, руб.

год анализа иерархий (метод парных сравнений), который позволит определить веса различных качественных и количественных факторов при формировании комплексной оценки уровня качества жизни населения. В работе С.А. Борисова, посвященной выбору предпочтительной корпоративной информационной системы для предприятий, представлена методика подхода, базирующегося на методе анализа иерархий, которая может быть применена и к определению весовых коэффициентов для факторов, формирующих уровень качества жизни населения [20].

Важным аспектом выявления среднего класса является статистическое исследование доходов населения как одного из системообразующих факторов.

Для оценки уровня доходов рассмотрим группировку доходов субъектов Российской

Федерации в 2016 году по интервалам, представленным в табл. 2. Максимальный денежный доход на душу населения в субъектах Российской Федерации за 2016 год составил 70204 рубля (Ненецкий автономный округ), минимальный уровень составил 14034 рубля (Республика Тыва), соответственно разница между наиболее и наименее доходным регионом составила 56170 рублей. Для исследования генеральная совокупность была разделена на 10 интервалов длиной 5617 рублей. Среднее значение дохода составляет 28201.77 рубля.

На основании таблицы 2 построим график распределения в виде частотной диаграммы (гистограммы). Полученный график представлен на рис. 5.

В соответствии с рисунком мы можем установить, что получившееся распределение не

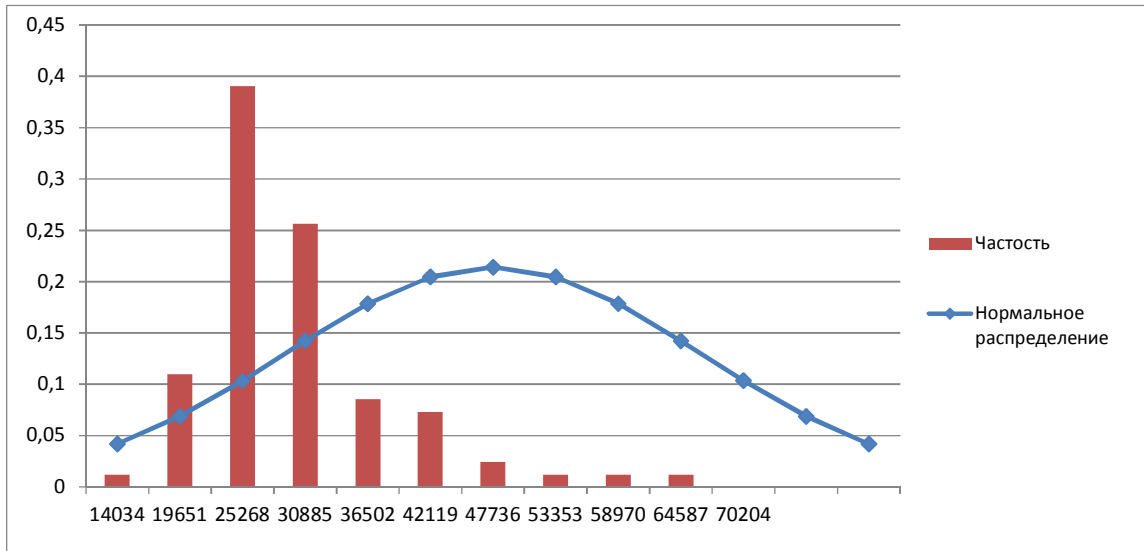

Рис. 6. Сравнение эмпирических данных с нормальным распределением

является нормальным: сумма частот до самого высокого столбца составляет 10 единиц, а сумма частот после самого высокого столбца составляет 40 единиц, что говорит о ярко выраженной правосторонней асимметрии. Это означает, в свою очередь, что медиана такого ряда меньше, чем среднее значение. Таким образом, количество регионов, получающих среднюю заработную плату, в действительности меньше, чем это дают результаты описательной статистики.

Для сравнения с нормальным распределением также была построена кривая Гаусса и соотнесена с данным распределением (рис. 6). Для построения используем частоты, то есть относительные частоты, представленные в табл. 2.

Для расчета моды и медианы данного интервального ряда применим формулы структурных средних. Мода определяется наибольшей частотой. В интервальном ряду мода находится следующим образом:

$$M_o = x_0 + h \frac{f_{M_o} - f_{M_o-1}}{(f_{M_o} - f_{M_o-1}) + (f_{M_o} + f_{M_o+1})},$$

где M_o – мода, x_0 – значение начала модального интервала, h – размер модального интервала, f_{M_o} – частота модального интервала, f_{M_o-1} – частота интервала, находящегося перед модальным, f_{M_o+1} – частота интервала, находящегося после модального. Расчет по формуле дает значение:

$$M_o = 19651 + 5617(32-9)/((32-9)+(32-21)) = 23451 \text{ руб.}$$

Медианный интервал определяется на основании накопленной частоты (табл. 2). Медиана рассчитывается по следующей формуле:

$$M_e = x_{M_e} + i_{M_e} \frac{\sum f - S_{M_e-1}}{f_{M_e}},$$

где x_{M_e} – нижняя граница медианного интервала; i_{M_e} – ширина медианного интервала; $\sum f/2$ – количество всех значений, деленное на 2; S_{M_e-1} – суммарное количество наблюдений, которое было накоплено до начала медианного интервала, т.е. накопленная частота предмедианного интервала; f_{M_e} – число наблюдений в медианном интервале. Расчет дает значение:

$$M_e = 19651 + 5617(82/2-10)/32 = 25092 \text{ руб.}$$

Расчетные данные подтверждают, что полученное по результатам анализа распределение является асимметричным, так как в симметричном распределении значения средней величины, моды и медианы совпадают. Данное различие в статистических характеристиках показывает, что в реальности уровень жизни населения с точки зрения доходов хуже, чем это можно представить по результатам собранных, но не обработанных должным образом статистических данных. Средний доход по регионам на душу населения (28202 руб.) оказывается выше, чем значение медианы (25092 руб.).

Заключение

Полученные результаты исследования свидетельствуют, что выделение среднего класса в РФ по показателю среднего душевого дохода с использованием статистических методов расчета, в том числе нормального распределения, оказывается практически невозможным вследствие их противоречивости. Необходимы более глубокие методологические подходы к выявлению населения, относящегося к среднему классу. Научно обоснованные исследования позволят создать основу для разработки эффективных управленческих решений по социально-экономическому развитию страны, характеризующемуся высоким уровнем качества жизни населения.

Список литературы

1. Захарова С.Г. Факторный подход к управлению качеством жизни населения: социологический аспект // Экономические исследования и разработки. 2017. № 1. С. 70–77.
2. Садыков Р.М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. Ч. 1. С. 201–205.
3. Голубева Н.В. Проблемы повышения уровня и качества жизни населения Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61821> (дата обращения: 11.10.2018).
4. Захарова С.Г. Социально ориентированное управление человеческими ресурсами сельских муниципальных районов и его влияние на качество жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 7–16.
5. Концепция социально-экономического развития России до 2020 г. [Текст]: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145824/ (дата обращения: 11.10.2017).
6. Zakharova S.G. Factorial approach to population life quality management // International Journal of Professional Science. 2017. № 1. P. 33–40.
7. Шаповалов А. Средний класс требует новой работы // Газета «Коммерсант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2438702> (дата обращения: 11.10.2017).
8. Лавриненко В.Н. Социология: Учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2012. 448 с.
9. Thompson W., Hickey J. Society in Focus. Boston, MA: Pearson, 2005.
10. Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge: Policy Press, 1987. 285 p.
11. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116154> (дата обращения: 11.10.2017).
12. Отчет «Global Wealth Report 2015» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/corporate/en/research/research-institute/global-wealth-report.html> (дата обращения: 11.10.2017).
13. Официальный сайт Института современного развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.insor-russia.ru/ru/news/about_insor/377 (дата обращения: 11.10.2017).
14. Центр стратегических исследований (ЦСИ) Росгосстраха. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rgs.ru/pr/csr/index.wbp> (дата обращения: 11.10.2017).
15. Колбановский В.В. Средний класс – социальная реальность, «класс на бумаге» или «обман трудящихся»? // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 42–57.
16. Бобков В.Н. Социальные структуры: средние классы и наемные работники // Народнонаселение. 2014. № 1 (63). С. 81–93.
17. Цимбалист А.В. Критерии отнесения групп населения к среднему классу // Вестник Омского регионального института. 2014. № 1. С. 141–146.
18. Захарова С.Г., Мальцев А.Н. Оценка системы управления муниципальных районов по критерию качества жизни населения // Власть. 2016. № 8. С. 67–73.
19. Слепухин А.Ю., Чаплыгин А.Э. Уровень самоидентификации как субъективный критерий отнесения индивида к российскому среднему классу // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2 (60). С. 309–312.
20. Борисов С.А., Усов Н.В., Новикова В.Н. Применение метода анализа иерархий при выборе наиболее предпочтительных решений для совершенствования информационного обеспечения управления предприятием // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2–2 (79–2). С. 552–559.

**EVALUATION OF THE CONDITIONS FOR MIDDLE CLASS FORMATION
IN RUSSIA FROM THE PERSPECTIVE OF THE FACTOR MODEL
FOR QUALITY OF LIFE MANAGEMENT**

S.G. Zakharova, S.A. Borisov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

We examine some current problems of middle class formation in Russia from the perspective of the factor model for quality of life management. The aim of the article is to identify the key factors that influence the middle class formation in Russia and to determine the conditions under which the expansion of the middle class becomes possible. The following methods were used: analysis and synthesis, systems approach, expert evaluation method, and methods of socio-economic statistics. Based on the results of a poll and the use of socio-economic statistics methods, the authors have found that the following factors have an indirect negative impact on the formation of the middle class in Russia: lower average wages in non-capital regions, insufficiently active life position of the population, insufficient level of infrastructure development in rural areas. It is concluded that special conditions should be created for the formation and expansion of the middle class in the Russian Federation, including, in particular, a significant improvement in the parameters presented above. Besides, the use of the factor model for quality of life management makes it possible to develop methods and technologies for managing a set of measures that can affect the size of the middle class.

Keywords: quality of life, factor model for quality of life management, middle class, income of the population, standard of living, income differentiation, statistical methods of research.

УДК 657

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И КРИТЕРИИ ВЫБОРА КАЛЬКУЛЯЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ПРОДУКЦИИ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2018 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 19.12.2017**Статья принята к публикации 25.01.2018*

Целью статьи является повышение качества учета затрат и калькулирования себестоимости продукции кузнечного производства, учетно-калькуляционной модели и бухгалтерского учета предприятий автомобилестроения. Предметом исследований, базирующихся на применении как теоретических методов (анализ, синтез, конкретизация, обобщение, формализация, классификация, сравнение), так и эмпирических (наблюдение, описание, измерение), является выпуск продукции кузнечного производства. Результатами исследования стали формулирование понятия калькуляционной единицы; формирование набора критериев ее выбора, подхода к созданию и ведению массива нормативных данных кузнечного производства, составлению нормативных калькуляций и смет (бюджетов) производственных затрат. Полученные результаты позволяют улучшить качество учетно-калькуляционной работы, упорядочить экономические расчеты и повысить точность их результатов.

Ключевые слова: учет, калькулирование, калькуляционная единица, себестоимость, кузнечное производство, автомобилестроение, ресурсы, объективизация, терминологическая идентификация.

Введение

Определяющим фактором системы учета затрат и калькулирования себестоимости продукции является калькуляционная единица, что подтверждается многочисленными исследованиями и практикой предприятий обрабатывающих отраслей. Структурирование набора объектов учета затрат и калькулирования себестоимости продукции невозможно без тщательного, комплексного и максимально точного технико-экономического обоснования единиц измерения их объемов производства и выпуска. Реализация данного процесса является не только одним из ключевых факторов успеха построения эффективной учетно-калькуляционной модели предприятия (УКМП), но и важным элементом системы производственного менеджмента. В кузнечном производстве выбор калькуляционной единицы тесно связан не только со структуризацией учетно-калькуляционного инструментально-информационного пространства, но и с оптимизацией всей системы производственного планирования (в том числе составления производственной программы), объективной и полезной в принятии решений экономической оценкой работы кузнечных цехов предприятий автомобильной промышленности.

Ключевым объектом бухгалтерского учета затрат и результатов кузнечного производства

является вырабатываемая продукция путем реализации технологических процессов, относящихся к подклассу 25.5 «Ковка, прессование, штамповка и профилирование; изготовление изделий методом порошковой металлургии» класса ОКВЭД 25 – «Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования» [1]. В сложной ткани технологического пространства изготовления изделий данного вида задействована многоуровневая и многофункциональная система взаимосвязанных процессов и процедур, предполагающая использование значительного объема материальных, трудовых, финансовых, информационных, интеллектуальных и иных ресурсов формирования себестоимости продукции, следовательно, оказывающих существенное влияние на конечный финансовый результат хозяйственной деятельности.

Центральной проблемой учетно-калькуляционного инструментально-информационного пространства кузнечного производства автомобилестроительных корпораций является отсутствие как таковой методики выбора калькуляционных единиц, адекватных калькуляционному процессу и наиболее полно характеризующих выпуск изделий с технико-экономических позиций, учитывая их индивидуальные параметры. На ряде исследуемых предприятий автомобильной промышленности нижегородского промышленного кластера наметился

достаточно устойчивый тренд необоснованного изменения калькуляционных единиц одного и того же изделия в относительно короткие календарные периоды без видимых на то причин и без документального оформления (например, при открытии нового заказа или при изменении (составлении) производственной программы). Это приводит к неоправданным коррективам в нормативных калькуляциях, сметах (бюджетах, оперативных планах) производства, ошибкам в калькулировании себестоимости продукции и в сметном (бюджетном) планировании и, как следствие, к перманентному снижению качества результатов применения УЗКСП и управления хозяйственной деятельностью в целом.

Кроме того, анализ материалов исследований, проведенный автором, показал, что факты необоснованного применения (изменения) калькуляционных единиц продукции кузнечного производства влекут за собой несоответствие важнейшей качественной характеристике финансовой отчетности – сопоставимости показателей [2–4]. В этих условиях особенно актуально стоит проблема выбора для объектов учета продукции кузнечного производства адекватных калькуляционных единиц, позволяющих гибко и адаптивно инкорпорировать объекты учета и калькулирования в учетно-калькуляционное пространство предприятия и в целом в общую систему корпоративного производственного менеджмента. Необходимо подчеркнуть, что правильный выбор калькуляционных единиц способствует системному, повсеместному, комплексному и максимально действенному выполнению стратегии создания необходимых экономических, финансовых, организационно-управленческих и иных возможностей для оптимизации производственных ресурсов, существенного и непрерывного снижения их себестоимости и улучшения способов структурирования.

В контексте формулируемой проблемы целесообразно определить следующие цели исследования: повышение качества учета затрат и калькулирования себестоимости продукции кузнечного производства (УЗКСП), УЗКСП, бухгалтерского учета и корпоративного управления хозяйственной деятельностью предприятий автомобилестроения. Задачами исследования являются: формулирование понятия калькуляционной единицы; формирование набора критериев выбора калькуляционных единиц; разработка подхода к созданию и ведению массива нормативных данных кузнечного производства.

Анализ имеющейся теоретико-методологической базы данной проблематики, проведенный автором статьи, показал неоднозначность суждений исследователей, главным образом в

вопросах терминологической идентификации понятия калькуляционной единицы, ее инкорпорирования и последующего применения в качестве инструментального средства УЗКСП и УЗКСП в целом. Так, коллективом авторов под руководством Л.В. Юрьевой в [5] понятие «калькуляционная единица» определяется как «единица измерения, принятая в стандартах или технических условиях на соответствующий вид продукции в натуральном выражении». Аналогичное мнение опубликовано в [6]: «Калькуляционная единица – единица измерения объекта калькулирования, связанная с его физическими, техническими, потребительскими или иными свойствами, принятая в стандартах (технических условиях)». А.А. Ефремова также отождествляет калькуляционную единицу с «единицами измерения, в которых данная продукция планируется, учитывается и реализуется потребителям» [7]. В Методических рекомендациях по бухгалтерскому учету затрат на содержание машинно-тракторного парка в сельскохозяйственных организациях [8] калькуляционными единицами «являются один отработанный условный эталонный гектар, один тонно-километр и один общий условный эталонный гектар». Надо отметить, что научное суждение о том, что калькуляционная единица тождественна единице измерения объекта калькулирования, позиционируется в трудах Ю.И. Сигидова [9] и С.И. Поляковой [10], а также автора в [11].

Несколько шире видит семантическую составляющую калькуляционной единицы известный ученый В.Ф. Палий. В [12] он утверждает, что калькуляционная единица представляет собой «количественную меру конкретного объекта калькулирования» и она должна «отражать количественную единицу продукции или работы (услуги) определенного качества; быть экономически однородной и обеспечивать сопоставимость калькуляций одинаковой продукции; быть устойчивой и неизменной во времени и практически приемлемой для калькуляции», но вместе с тем «соответствовать единицам ценообразования и по возможности обеспечивать сопоставление рыночных цен и себестоимости; обеспечивать цели калькулирования и управления, быть пригодной к планированию и нормированию индивидуальных издержек и себестоимости». Другими словами, калькуляционная единица должна имманентно содержать характеристики, позволяющие ей фигурировать в качестве экономического инструмента в УЗКСП.

Аналогичного профессионального суждения придерживаются В.Б. Ивашкевич [13], Г.Ю. Касьянова [14], В.Э. Керимов [15], Н.П. Кондраков [16, 17], М.А. Вахрушина,

Таблица

Анализ теоретико-методологической базы понятия «калькуляционная единица»	
Сущность концепции	Авторы, источники
Единица измерения натурального учета	Коллектив авторов под руководством Л.В. Юрьевой, А.А. Ефремова, Ю.И. Сигидов, С.И. Полякова, И.Е. Мизиковский; Методические рекомендации по бухгалтерскому учету затрат на содержание машинно-тракторного парка в сельскохозяйственных организациях
Единица натурального и стоимостного измерения объекта учета	В.Ф. Палий, В.Б. Ивашкевич, Г.Ю. Касьянова, В.Э. Керимов, Н.П. Кондраков, М.А. Вахрушина, С.А. Рассказова-Николаева, М.И. Сидорова
Объект отнесения затрат	О.Е. Николаева, Т.В. Шишкова, коллектив авторов под руководством А.М. Петрова; Методические положения по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) газовых хозяйств

С.А. Рассказова-Николаева, М.И. Сидорова в [18] подчеркивают стоимостную характеристику калькуляционной единицы как важную и неотъемлемую составляющую набора характеристик.

Вместе с тем имеет место и другое, в корне альтернативное рассмотренным выше, научное суждение, опубликованное, в частности, в [19]: калькуляционная единица определяется как «единица продукции или услуг, на которую относятся затраты». Эта концепция нашла отражение в учебнике под редакцией А.М. Петрова «Финансовый учет и отчетность» [20]. Необходимо отметить, что в Методических положениях по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) газовых хозяйств [21] данное мнение нашло свое директивное воплощение, поскольку в тексте данного документа сказано, что «в газовом хозяйстве калькуляционными единицами являются 1000 куб. м отпущенного природного газа и 1 тонна отпущенного сжиженного газа».

Приведенные выше результаты анализа теоретико-методологической базы формулирования концепции одного из важнейших понятий УМКП – калькуляционной единицы позволяют автору прийти к выводу, что отсутствует единый подход к его определению. Отсюда следует отсутствие научно обоснованной и соответствующей технико-экономическим требованиям совокупности критериев выбора конкретной калькуляционной единицы для практического применения в исчислении себестоимости продукции, что, безусловно, представляет собой отдельную проблему. По мнению автора, данная ситуация отчасти объяснима калькуляционными особенностями кузнечного производства в конкретной отрасли, на конкретном предприятии, во многом зависящими от набора требований хозяйствующего субъекта к ведению УЗКСП и в целом к конфигурации УМКП. По мнению автора, эти обстоятельства не снижают уровень актуальности исследуемой темы.

Теоретико-методологические подходы

Исследования, проведенные автором на ряде предприятий автомобильной отрасли с 1995 по

2017 год в г. Нижнем Новгороде и Нижегородской области, основанные на использовании как теоретических методов (анализ, синтез, конкретизация, обобщение, формализация, классификация, сравнение), так и эмпирических (наблюдение, описание, измерение), позволили выявить, что во внутренних регламентах (положениях, стандартах, инструкциях, распоряжениях и прочих разъясняющих и дополняющих документах) отсутствуют определение понятия калькуляционной единицы и порядок ее выбора. Необходимо отметить, что, к сожалению, зачастую отсутствуют и сами документы, регламентирующие УЗКСП.

Другим выявленным автором устойчивым негативным трендом является отсутствие на многих предприятиях информационной базы нормированных затрат продукции кузнечного производства и (или) регламентов ее формирования, что, априори, создает условия для произвольного (необоснованного) выбора калькуляционной единицы при исчислении фактической себестоимости продукции. Данные недостатки сводят на нет нормативный учет и сметное планирование (бюджетирование) затрат на производство как таковые.

Анализ материалов исследований автора показал, что около 40% исследуемых предприятий в качестве калькуляционной единицы объектов учета затрат и калькулирования себестоимости продукции кузнечного производства используют машинокомплект; около 50% – тонну поковок (в натуральном измерении); условную тонну поковок используют около 10% предприятий, остальные – отдельные поковки (рис.).

Опыт работы предприятий, где в качестве калькуляционной единицы используется машинокомплект, показывает, что это, в подавляющем большинстве случаев, приводит к снижению качества УЗКСП и УМКП в целом, заметно снижает точность производимых расчетов себестоимости продукции, не удовлетворяет современным требованиям стратегического и оперативного видов планирования, не соответствует применяемым подходам к ценообразованию и методам снижения стоимости расходов, услож-

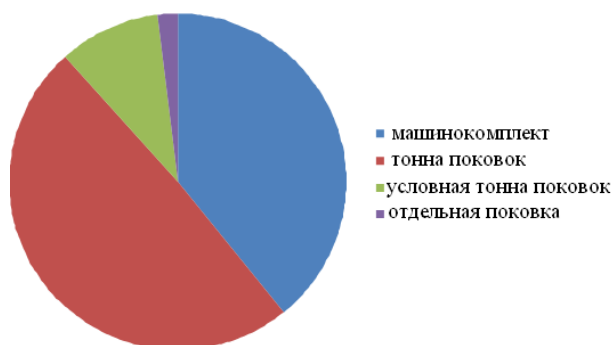

Рис. Объемы использования калькуляционных единиц в учете затрат и калькулировании себестоимости продукции кузнечных цехов предприятий автомобильной отрасли нижегородского промышленного кластера

няет управление производством и часто приводит к несоответствию плановой и учетно-калькуляционной информации. Это связано с тем, что в «каноническом» виде планово-нормативное калькулирование себестоимости продукции кузнечных цехов может использовать в качестве калькуляционной единицы машинокомплект, а производственная (управленческая) отчетность оперирует только номенклатурой выпускаемой продукции.

В то же время, если конечный выпуск продукции измеряется с помощью машинокомплекта, что является скорее исключением, чем правилом, использование данной калькуляционной единицы в кузнечных цехах предприятия автомобильной промышленности в некоторой степени обоснованно. Объективное рассмотрение полученных результатов исследования не позволяет «обойти» тот факт, что использование машинокомплекта в некоторой степени сокращает управленческие издержки на процесс калькулирования, снижает его трудоемкость и сложность. Особенно это актуально для кузнечных производств, где производственная программа включает номенклатуру в несколько тысяч наименований.

Несколько по-другому складывается ситуация с другим видом калькуляционной единицы – тонной поковок. Плановые (нормативные) и отчетные калькуляции себестоимости производства кузнечной продукции, при использовании данной калькуляционной единицы, основаны на применении способа, предполагающего распределение затрат пропорционально физической массе изготавливаемых изделий. Генерируемый совместно экономическими, бухгалтерскими и технологическими структурами предприятия набор коэффициентов распределения затрат, относящийся к ключевым инструментам калькулирования, утверждается руководством предприятия, как правило, на длительный календарный период. Исследования показали, что использование тонны поковок в качестве калькуляционной единицы возможно толь-

ко при выпуске однородной по массе, конструкции и прочим физическим характеристикам продукции при неизменном весе поковок на протяжении предусмотренных производственных циклов.

Это ограничение не распространяется на учетно-калькуляционные процессы, где предусмотрено применение в качестве калькуляционной единицы условной тонны кузнечной продукции. Данный подход также имманентно предусматривает генерирование набора коэффициентов распределения затрат, позволяющего привести всю номенклатуру продукции к единой базе измерения, что, безусловно, имеет «прорывное» значение в деле существенного увеличения точности экономических расчетов, повышения качества УЗКСП и УКМП в целом.

Вместе с тем применение условной тонны не позволяет производить калькулирование, в котором требуется учитывать конструкционные особенности поковок, что, отчасти, сохраняет определенные погрешности и допущения расчетов себестоимости продукции и, следовательно, финансовых результатов (прибыли/убытка). Применение условной тонны поковки не способствует требуемой детализации данных, например, необходимых для отслеживания хода выполнения обязательной рыночной стратегии снижения материалоемкости (в частности, по таким ключевым показателям, как расход металла и энергии, используемой в технологических целях, что является, безусловно, существенным недостатком производственного менеджмента).

Применение единиц отдельных поковок позволяет практически полностью избежать погрешности и допущения, имеющие место при использовании рассмотренных выше калькуляционных единиц. Этот подход создает условия для ведения нормативного учета и калькулирования себестоимости продукции, его результаты продуктивно используются для проведения комплексного экономического анализа себестоимости продукции в разрезе статей калькуляции,

центров ответственности, укрупненной (сводной) номенклатуры производственной программы.

Результаты

По мнению автора, применительно к учетно-калькуляционному процессу, реализуемому в условиях кузнечного производства предприятий автомобильной промышленности, понятие калькуляционной единицы можно раскрыть как единицу измерения результатов учетно-калькуляционного процесса в натуральном выражении, обеспечивающую точность экономических расчетов. Калькуляционной единицей продукции кузнечных цехов автомобильных предприятий должна быть физическая масса деталей, получаемых после обработки поковок непосредственно в этих структурных подразделениях. Она наиболее полно соответствует сформулированному автором набору критериев выбора калькуляционных единиц:

- максимально точное отражение натуральных и стоимостных параметров конкретного наименования продукции;
- неизменность на протяжении длительного календарного периода;
- возможность интегрирования в принятую на предприятии и в отрасли систему измерения технико-экономических параметров, в том числе для обеспечения взаимосвязи формирования себестоимости и ценообразования продукции;
- соответствие отраженному в учетной политике способу ведения УЗКСП, обеспечение максимальной точности вычислений;
- гибкое и адаптивное инкорпорирование в информационное пространство ключевых показателей управления хозяйствующим субъектом;
- возможность быстрой «конвертации» в другие единицы измерения (при изменении технологических процессов, внесении корректировок в набор ключевых показателей эффективности, изменении учетных цен и т.п.).

По мнению автора, данный набор должен быть неотъемлемой частью корпоративных стандартов (положений и инструкций) по ведению УЗКСП и конфигурированию УКМП. Калькуляционные единицы должны находить свое отражение в массиве учетных (плановых) цен (норм, нормативов) кузнечной продукции предприятия на основании конструкторско-технологической документации, где отражается подробное и тщательно выверенное технико-экономическое обоснование их выбора. Изменения должны также документироваться и отражаться в схеме документооборота предприятия.

Обязательность и порядок создания и ведения массива нормативных данных кузнечного

производства должен быть закреплен в учетной политике и стать неотъемлемым инструментом бухгалтерского учета предприятия и производственного менеджмента в целом. В основе данного инструмента лежит использование нормы затрат, представляющей количественно идентифицированную меру потребления определенного ресурса (главным образом основных материалов (металла, энергии на технологические нужды), трудовых операций, выполняемых основным производственным персоналом), а также возникающих при этом отходов и потерь на изготовление поковки, рассчитанную заранее, до начала производственного цикла.

Норму затрат на производство изделия кузнечного производства можно рассматривать как совокупность трех элементов:

- полезный расход ресурсов, т.е. затрат, которые овеществлены в продукте;
- бесполезный расход, т.е. потери;
- отходы, обусловленные установленной технологией производства.

Величину полезного расхода ресурсов ПР, обрабатываемых непосредственно в кузнечном цехе, следует рассчитать по формуле:

$$\text{ПР} = \frac{C_m + C_n}{M}, \quad (1)$$

где C_m – нормативная себестоимость поковки; C_n – стоимость обработки поковки, производимой в кузнечном цехе; M – объем производства.

Массив нормативных данных кузнечного производства должен утверждаться на длительный календарный период (не менее года), все коррективы должны иметь технико-экономическое обоснование в утвержденной документированной форме. В [22] определено, что основным документом, на основании которого идет использование норм непосредственно в производстве, является утвержденная руководством технологическая карта. В [11] автором отмечается, что «в течение календарных периодов, на которые нормы утверждены, возможны их корректировки, в том числе связанные с проведением плановых мероприятий по снижению материалоемкости продукции, экономии труда основного персонала и т.д.». В данном источнике автором подчеркивается, что «порядок документирования разработки, рассмотрения, утверждения, корректировки и контроля выполнения норм расхода материалов должен отражаться в соответствующем корпоративном стандарте предприятия».

Выводы

Результаты исследований, представленных автором, полностью соответствуют поставлен-

ной цели повышения качества УЗКСП, УКМП, бухгалтерского учета и корпоративного управления хозяйственной деятельностью предприятий автомобилестроения. На их основе стало возможно сформулировать определение калькуляционной единицы продукции кузнечных цехов автомобильных предприятий, сформулировать универсальный набор критериев выбора этого показателя.

Объективизация научно обоснованного показателя калькуляционной единицы и универсальных критериев его выбора, обязательного нормирования ресурсов в сложную ткань информационно-инструментального пространства учетно-калькуляционной системы затрат кузнечного производства позволяет значительно улучшить качество учетно-калькуляционной работы бухгалтерской службы предприятия, упорядочить экономические расчеты и в значительной степени повысить точность их результатов.

Терминологическая идентификация и объективизация понятия калькуляционных единиц кузнечной продукции в информационное пространство производственного менеджмента предприятия автомобилестроения, создание и ведение информационной базы нормированных затрат формируют условия для внедрения новых технологий производства; позволяют усилить проведение стратегии экономии металла, энергии, трудовых и иных ресурсов, повысить действенность и масштабность ее результатов. Предложения автора способствуют внедрению системного подхода к построению учетно-калькуляционного пространства не только кузнечного производства автомобилестроения, но во всех отраслях, где оно применяется. Результаты применимы для будущих исследований, связанных с грядущим радикальным изменением технологий и организации производства деталей автомобилей: внедрением нанотехнологий, «умных предприятий», 3D-принтинга и т.д.

Список литературы

1. Классификатор ОКВЭД 25 «Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования». URL: <http://www.buxprofi.ru/spravochnik/okved-2/tazdel-C/klass-okved-25> (дата обращения: 22.10.2017).
2. Емельянова Т.Д. Бухгалтерский учет: Курс лекций. Новосибирск: НГАСУ, 2002. 168 с.
3. Хендриксен Э.С., Ван Бреда М.Ф. Теория бухгалтерского учета / Пер. с англ.; под ред. проф. Я.В. Соколова. М.: Финансы и статистика, 2003. 576 с.: ил. (Серия по бухгалтерскому учету и аудиту).
4. Терентьева Т.В. Теория бухгалтерского учета: Учеб. пособие. М.: Вузовский учебник, 2012. 208 с.
5. Юрьева Л.В., Илышева Н.Н., Караваева А.В., Быстрова А.Н. Стратегический управленческий учет для бизнеса: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2013. 336 с.
6. Финансовый директор. Практический журнал по управлению финансами компании / ООО «Аксион управление и финансы». URL: <https://fd.ru/articles/40929-kalkulyatsionnaya-edinita> (дата обращения: 27.10.2017).
7. Ефремова А.А. Себестоимость: от управленческого учета затрат до бухгалтерского учета расходов. М.: Вершина, 2006. 208 с.
8. Методические рекомендации по бухгалтерскому учету затрат на содержание машинно-тракторного парка в сельскохозяйственных организациях. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93530/1992-2017. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2017).
9. Сигидов Ю.И. и др. Бухгалтерский учет и анализ: Учеб. пособие / Под ред. Ю.И. Сигидова, М.С. Рыбьянцевой. М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2014. 336 с.
10. Полякова С.И., Старовойтова Е.В., Соловьева О.В. Бухгалтерский учет: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. 390 с.
11. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд. М.: Магистр, НИЦ «ИНФРА-М», 2016. 144 с.
12. Палий В.Ф. Управленческий учет издержек и доходов (с элементами финансового учета). М.: ИНФРА-М, 2006. 279 с.
13. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: Учеб. для вузов. М.: Экономист, 2004. 638 с.
14. Касьянова Г.Ю. Учет-2015: бухгалтерский и налоговый. М.: АБАК, 2015. 968 с.
15. Керимов В.Э. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: Учебник для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2015. 384 с.
16. Кондраков Н.П. Бухгалтерский учет: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2014. 681 с.
17. Кондраков Н.П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий) учет: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 496 с.
18. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет-1: Учебное пособие по программе подготовки и аттестации профессиональных бухгалтеров. Базовый курс. М.: Издательский дом «БИНФА», 2011. 141 с.
19. Управленческий учет: официальная терминология СИМА. Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД «ФБК-ПРЕСС», 2004. 200 с.
20. Петров А.М., Мельникова Л.А., Савин И.А. Финансовый учет и отчетность: Учебник / Под ред. А.М. Петрова. М.: Вузовский учебник, НИЦ «ИНФРА-М», 2015.
21. Методические положения по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) газовых хозяйств / КонсультантПлюс, 1992–2017. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132880/.
22. ГОСТ 14.322-83 «Нормирование расхода материалов». Сайт gosthelp.ru. URL: <http://www.internet-law.ru/gosts/gost/21149/> (дата обращения: 11.01.2017).

**TERMINOLOGY IDENTIFICATION AND CHOICE CRITERIA FOR CALCULATION UNITS
OF FORGING IN THE AUTOMOTIVE INDUSTRY***I.E. Mizikovsky*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this article is to improve the quality of cost accounting and calculation of production costs in forging by means of improved calculation and pricing models and accounting in the automotive industry. The subject of our research based on the application of theoretical methods (analysis, synthesis, concretization, generalization, formalization, classification, comparison) and empirical methods (observation, description, measurement) is forging production. The results of the research include: formulation of the concept of a calculation unit; providing a set of criteria for its selection; an approach to the creation and maintenance of a normative data array for forging production, preparation of regulatory cost estimates and budgets of production costs. The obtained results contribute to the improvement of the quality of accounting and costing work. They may also serve to better organize economic calculations and to improve the accuracy of their results.

Keywords: accounting, calculation, calculation unit, cost, forging, manufacturing, automotive industry, resources, objectification, terminology, identification.

УДК 338.2

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «УПРАВЛЕНИЕ» (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

© 2018 г.

Е.В. Чиркова

Чиркова Елена Владимировна, ассистент кафедры маркетинга и стратегического планирования
Вятской государственной сельскохозяйственной академии, Киров
elen43@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 22.11.2017**Статья принята к публикации 25.01.2018*

В настоящее время в связи с расширением сферы услуг понимание и осознание сущности управленческой деятельности в этой области приобретает особое значение. Управление в этом случае выступает как «социальный феномен», как сложное, многоаспектное и многофункциональное явление, выполняющее комплекс разнообразных функций. В данной статье проанализированы подходы различных авторов к термину «управление» (на примере сферы образования). При этом использованы научные методы эмпирического исследования (описание, сравнение); научные методы эмпирико-теоретической группы (абстрагирование, аналогия, обобщение, моделирование, анализ, синтез); научные методы теоретического исследования (анализ единичного, особенного и общего). Элементом новизны является уточнение и дополнение термина «управление в сфере образования» с помощью использования трехлепестковой авторской модели, соединяющей три объекта управления в сфере образования: непосредственно сам процесс образования, систему образования и образовательные услуги. Полученные результаты, в том числе разработанная авторская модель, могут быть использованы при проведении будущих теоретических и эмпирических исследований как в области управления образованием (экономике образования), так и в области педагогики (образовательной практике).

Ключевые слова: управление образованием, управление системой образования, управление образовательными услугами.

Введение

В современной практике не сложилось единого определения термина «управление», поскольку данный термин отражает собой сложное, многоаспектное и многофункциональное явление. Сложность изучения и многоаспектность управленческой деятельности проявляется в том, что управление «имеет дело с объектами различной природы: материальными, социальными и духовными» [1, 2]. Многофункциональность заключается в комплексе тех функций, которые выполняет управление. К ним относятся [1, 2]:

1. Инструментальная функция управления. Связана с достижением запланированного результата и выражается цепочкой «цель – средство – результат».

2. Проективная функция управления. Связана с разработкой проектов, планов и моделей, которые необходимо реализовать на практике.

3. Познавательная функция управления. Представлена изучением управления как особой сферы трудовой деятельности.

4. Оценочная функция управления. Ориентирована на сопоставление и выявление соответствия управления ожиданиям и тенденциям развития общества.

5. Прогностическая функция управления. Направлена на прогноз вероятных изменений в будущем, в том числе на определение желательных изменений в управленческой деятельности.

6. Обучающая функция управления. Заключается в распространении знаний об управлении, целях, задачах и функциях управления, принципах и методах управленческой деятельности.

7. Преобразовательная функция управления. Связана с овладением персоналом новыми технологиями принятия управленческих решений.

Такие авторы, как В.А. Абчук, О.Я. Гелих, Е.Н. Князева, А.В. Нестеров, в своих трудах по философии и методологии управления выделяют ближайшие родовые понятия к данному термину [1, 3]. С их точки зрения, управление – это:

1. Регулирование;
2. Воздействие;
3. Информационное воздействие;
4. Использование других для...;
5. Насилие;
6. Суггестия;
7. Рациональная координация совместной деятельности людей;
8. Контроль;
9. Рациональная мотивация совместной деятельности;
10. Вмешательство в социальность.

Исходя из представленных определений видно, что управление представляет собой социальный феномен, связанный с отношениями между людьми. Но такое «социальное действие» достаточно сложно описать и точно измерить, поэтому разные авторы дают различные толкования данному термину, исследуя проблемы управления как в целом, так и применительно к конкретным областям или сферам деятельности. Рассмотрим подробнее специфику термина «управление» относительно сферы образования.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2016 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [4], образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Система образования – это взаимосвязанная и взаимодействующая на основе различных методов совокупность элементов, образующих определенную структуру, которая направлена на осуществление образовательного процесса и характеризуется наличием конкретной территории и административными связями элементов [5].

Результатом деятельности системы образования является продукт – образовательная услуга, обладающая определенной полезностью и способностью удовлетворить потребности потребителя. В свою очередь, результатом образовательной услуги в современных условиях является оценка образовательных достижений по способности применения полученных знаний и умений в реальной ситуации, часто эти результаты называют компетенциями [6].

Особенности услуг в современной практике принято описывать моделью ИНИР, предложенной В. Зайтхемл, А. Парасураманом и Л. Берри [7]:

1. Intangibility (нематериальность);
2. Heterogeneity (неоднородность, изменчивость);
3. Inseparability (неотделимость производства и потребления);
4. Perishability (несохраняемость).

Т.А. Анисовец выделяет следующие специфические особенности образовательных услуг [6]:

1. Невещественность;
2. Неотделимость от своего источника (производителя);
3. Одновременное производство и потребление услуги;
4. Участие потребителя в производстве услуги;
5. Постоянное изменение стоимости услуги;
6. Повышение стоимости «рабочей силы» на рынке труда.

Указанные подходы к термину «управление» и его специфические особенности могут быть обобщены путем использования разнообразных методов научного исследования.

Материалы и методы

В научной литературе систематизированы различные определения терминов «управление образованием», «управление системой образования» и «управление образовательными услугами». В таблице дан ряд дефиниций этих терминов, составленный на основе детального исследования данного вопроса. При проведении настоящего исследования использованы научные методы эмпирического исследования (описание, сравнение); научные методы эмпирико-теоретической группы (абстрагирование, аналогия, обобщение, моделирование, анализ, синтез); научные методы теоретического исследования (анализ единичного, особенного и общего).

Результаты и их обсуждение

Термин «управление» в сфере образования может рассматриваться исходя из трех позиций. Во-первых, если речь идет об управлении образованием, то в этом случае под управлением понимается процесс, деятельность, способ формирования отношений или взаимодействие.

Во всех рассмотренных толкованиях термина «управление образованием» авторы (В.А. Абчук, Н.М. Борытко, И.А. Соловцова, Г.Н. Сериков) акцентируют внимание на образовании как на элементе социальной сферы, на который можно и нужно воздействовать с помощью различных методов с целью удовлетворения образовательных потребностей и интересов индивида и обеспечения благосостояния общества в целом.

Во-вторых, ряд других исследователей (Л.П. Зеленова, О.Е. Лебедев, М.Б. Поляков) рассматривают управление образованием в рамках системного подхода, тем самым наделяя образование всеми принципами системы как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, образующего особое единство со средой и обладающего иерархичностью.

Таблица

**Трактовки терминов «управление образованием», «управление системой образования»
и «управление образовательными услугами»**

Автор	Определение, сущность понятия
Управление образованием	
В.А. Абчук [1]	Процессы управления в социальной сфере отличает их значимость не только для отдельной личности, но в первую очередь для общества в целом. Для них характерны высокая нравственная и духовная составляющая, отсутствие непосредственного материального интереса и в связи с этим низкая денежная рентабельность и самокупаемость
Н.М. Борытко И.А. Соловцова [3]	Управление образованием – способ формирования гуманитарных отношений в педагогическом процессе; особого рода деятельность, обеспечивающая функционирование и развитие образовательного учреждения, реализацию его концепции и программы
С.А. Репин Р.А. Циринг [8]	По содержанию термин «управление образованием» согласуется с понятием управления в общей теории управления. В частности, под управлением образованием понимается и внутреннее управление, и все виды самоуправления и управления образовательной организацией. В том числе в объем этого понятия входит и управление образованием со стороны органов управления образованием
Г.Н. Сериков [9]	Управление образованием можно представить как реализацию целенаправленности во взаимодействии участников образования при разрешении возникающих проблем, происходящую с опорой на какие-то концептуальные положения
Управление системой образования	
Л.П. Зеленова [6]	Управление системой образования представляет собой действия федеральных органов государственной власти и органов управления образованием, направленные на определение и осуществление политики в области образования, на правовое регулирование отношений в области образования, на разработку и реализацию программ развития образования
О.Е. Лебедев [7]	Управление образовательными системами заключается в повышении их потенциала и его использовании для достижения желаемых педагогических и социальных результатов
М.Б. Поляков [11]	Управление системой образования – это процесс регулирования, контроля и регламентации деятельности участников общественных отношений в области образования, направленный на создание благоприятных условий беспрепятственного доступа к конституционному праву на образование
С.А. Репин Р.А. Циринг [8]	Управление образовательной системой выступает как взаимодействие сложных подсистем, эффективность которого зависит от системного подхода к управлению, осуществляемому на теоретико-методическом и практическом уровнях
Управление образовательными услугами	
Т.А. Анисовец [1]	Образовательные услуги являются результатом (продуктом) образовательного процесса, а знания и навыки выпускников составляют содержание его. Рынок образовательных услуг – это система экономических отношений между экономическими агентами по поводу купли-продажи образовательных услуг. Экономические отношения в сфере образования, в том числе управление, выражают деятельность людей при предоставлении образовательных услуг в условиях использования ограниченных ресурсов и соизмерении производимых затрат с достигаемым результатом
Н.А. Гончарова М.П. Логинов [5]	Одним из эффективных методов управления образовательной услугой как комплексом взаимосвязанных мероприятий, направленных на развитие человека и удовлетворение его образовательных потребностей и интересов, является проектный подход. Основными результатами управления образовательными проектами являются цели, сроки, качество и стоимость достижения результатов. Получить лучшие результаты можно, выбирая соответствующие технологии управления проектами, состав, характеристики и назначения ресурсов для реализации образовательных проектов

В-третьих, неоднозначным является подход к управлению с точки зрения воздействия на процесс оказания образовательной услуги. Такие авторы, как Т.А. Анисовец, Н.А. Гончарова, М.П. Логинов, говорят о формировании рынка образовательных услуг и управлении ими как проектами.

Уточнив и дополнив анализируемые термины, мы считаем, что управление в сфере образования – это сложный процесс, охватывающий взаимодействие многих структурных элементов между собой и включающий в себя управление

образованием как элементом социальной сферы, управление образовательной системой как совокупностью подсистем и управление образовательными услугами как конечными продуктами образовательного процесса (авторская разработка).

Близкий подход находим у доктора педагогических наук, профессора С.А. Репина и кандидата педагогических наук Р.А. Циринг, которые согласуют по содержанию термин «управление образованием» с данным понятием в общей теории управления, а эффективность

Рис. Лепестковая модель управления в сфере образования

управления образовательной системой ставят в зависимость от системного подхода, который осуществляется на теоретическом и эмпирическом уровнях.

Предложенный нами подход соединяет три объекта управления в сфере образования: непосредственно сам процесс образования, систему образования и образовательные услуги. Данный подход можно выразить моделью, представленной на рисунке, которую условно назовем лепестковой (авторская разработка).

Каждый «лепесток» характеризует отдельный объект управления. Кроме рассмотренных объектов, на практике можно управлять образовательным учреждением, персоналом (педагогическими работниками), обучающимися, которым также соответствуют другие «лепестки». При этом в данной модели не ставится задача обнаружить взаимосвязь «управляющая – управляемая система» или, иными словами, «субъект – объект». Модель показывает разнообразие подходов к управлению в сфере образования, а не иерархичность в управлении.

Заключение

Анализ основных подходов к определению термина «управление» показал, что данное явление многогранно, однако во многих случаях оно рассматривается как аналог менеджмента. Но в строго научном смысле управление – это более широкое понятие. Менеджмент порожден развитой рыночной экономикой, он возник в сфере частного предпринимательства и, как правило, используется применительно к конкретному отдельно взятому предприятию. Управление же может осуществляться на различных уровнях хозяйствования, будь то управление предприятием, производством, отраслью и так далее. В отраслевом разрезе управление также охватывает более широкий круг: управление сельским хозяйством, образованием, наукой, промышленностью и так далее.

В зарубежной практике, когда говорят о государственном управлении, используют еще одно понятие – public administration, или публичное администрирование, под которым понимается регламентированная деятельность государственных органов в рамках отведенных функций и полномочий по планированию, организации, контролю в соответствии с заранее утвержденными правилами, нормативами и методиками.

В предлагаемой автором трехлепестковой модели, построенной на основании анализа трудов разных ученых, речь идет об управлении в сфере образования или, иными словами, о публичном администрировании данной сферы.

Полученные результаты могут быть использованы при проведении будущих теоретических и эмпирических исследований в данной области, могут быть уточнены и расширены. В дальнейшем при необходимости возможно привлечение специалистов-экспертов в области управления образованием для решения проблем, возникающих на стыке двух смежных областей (экономики и педагогики) в разрезе формирования теоретических положений, подкрепленных эмпирическими исследованиями.

Список литературы

1. Гелих О.Я., Князева Е.Н. Управление и синергетика: Учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2012.
2. Социология управления: Учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Под ред. А.Ф. Борисова. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 304 с.
3. Абчук В.А. Менеджмент: Учебник. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 463 с.
4. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2016).
5. Лебедев О.Е. Управление образовательными системами: теория и практика: Учебно-методическое пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. 108 с.
6. Анисовец Т.А. Экономика образования и образовательного учреждения: Учебно-методическое

пособие (компендиум). СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2012. 180 с.

7. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research // *Journal of Marketing*. 1985. Vol. 49. P. 41–50.

8. Борытко Н.М., Соловцова И.А. Управление образовательными системами: Учебник для студентов педагогических вузов / Под ред. Н.М. Борытко. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. 48 с.

9. Репин С.А., Циринг Р.А. Системный подход как методологическое основание управления образовательной системой // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2013. Т. 5. № 1. С. 34–42.

10. Сериков Г.Н. Управление образованием: системная интерпретация: Монография. Челябинск: ЧГПУ, 1998. 664 с.

11. Зеленова Л.П. Формирование системы оценки качества образования: региональный, муниципальный уровень и уровень образовательного учреждения: Учебно-методический комплект материалов для подготовки тьюторов. М.: АПК и ППРО, 2007. 84 с.

12. Справочно-методическое пособие «Управление системой образования в Российской Федерации» / Сост. М.Б. Поляков. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 36 с.

13. Гончарова Н.А., Логинов М.П. Управление образовательной услугой как проектом // *Вестник Гуманитарного университета*. 2015. № 2 (9). С. 38–42.

ANALYSIS OF THE MAIN APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE TERM «MANAGEMENT» (ON THE EXAMPLE OF THE FIELD OF EDUCATION)

E.V. Chirkova

Vyatka State Agricultural Academy, Kirov

Currently, as the service sector is expanding, it is particularly important to understand the essence of managerial activities in this area. In this case, management acts as a «social phenomenon», as a complex, multifaceted and multifunctional phenomenon that performs a set of various functions. This article presents an analysis of various authors' approaches to the term «management» (on the example of the field of education). In the course of our research, we used empirical research methods (description, comparison), methods of the empirical-theoretical group (abstraction, analogy, generalization, modeling, analysis, synthesis), as well as theoretical research methods (analysis of particular and general elements). The term «management in the field of education» was refined and supplemented by using a three-petal model proposed by the author that connects three management entities in the education sector: the process of education itself, the education system and educational services. The obtained research results, including the model developed by the author, can be used in future theoretical and empirical studies both in the field of education management (education economics) and in teaching (educational practice).

Keywords: education management, education system management, management of educational services.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ АСПИРАНТСКИЕ ПРОГРАММЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И ИНДУСТРИИ¹

© 2018 г.

Б.И. Бедный, А.А. Миронос, Н.В. Рыбаков

Бедный Борис Ильич, д.ф.-м.н., проф.; директор Института аспирантуры и докторантуры
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bib@unn.ru

Миронос Алексей Андреевич, д.и.н.; заведующий кафедрой информационных технологий
в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
malex@phd.unn.ru

Рыбаков Николай Валерьевич, заместитель начальника отдела аспирантуры и докторантуры
Института аспирантуры и докторантуры, аспирант кафедры университетского менеджмента
и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rybakov-nv@phd.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 31.01.2018**Статья принята к публикации 08.02.2018*

Рассматриваются перспективы сотрудничества университетов и индустрии в подготовке инженерных кадров высшей квалификации. Авторы анализируют взаимосвязь между профессиональными ориентациями аспирантов в отношении их будущей карьеры и фактическим трудоустройством выпускников аспирантуры. Делается вывод о необходимости адаптации российской аспирантуры к требованиям неакадемического рынка труда. Создание «индустриальной» аспирантуры как профессионально ориентированной модели программ подготовки в рамках третьего уровня высшего образования представляется перспективным для решения задач по развитию современной высокотехнологичной экономики. Развитие данного направления требует существенных институциональных изменений в системе подготовки и аттестации кадров высшей квалификации, в том числе введения профессиональных степеней.

Ключевые слова: академический рынок труда, профессиональные ориентации аспирантов, профессионально ориентированная модель аспирантуры, «индустриальная» аспирантура, принципы организации прикладных аспирантских программ, профессиональные степени.

Постановка проблемы

Развитие цифровой экономики предполагает подготовку инженеров, обладающих компетенциями, выходящими за рамки традиционного инженерного образования. В современных условиях ощущается объективная потребность в формировании нового квалификационного уровня инженерных кадров: инженеров-исследователей, аналитиков, способных обеспечивать быстрые прорывы в наукоемких отраслях экономики за счет трансфера передовых научных достижений, их превращения в индустриальные технологии. Подготовка таких специалистов может осуществлять аспирантура, однако стандартные схемы подготовки научно-педагогических кадров для решения этих задач не подходят, необходимо тесное сотрудничество университетов с индустрией и бизнесом.

Традиционно принято считать, что аспирантура осуществляет подготовку научной моло-

дежи для академической карьеры – занятий наукой (научно-исследовательские институты, исследовательские подразделения в университетах) или для преподавательской работы в высшей школе. Однако фактическая ситуация на рынке интеллектуального труда свидетельствует о другом. В последнее десятилетие все яснее обозначаются тенденции размывания границ академической профессии, формирования и институционализации новых сфер высокоинтеллектуального труда и, как следствие, изменения систем подготовки и аттестации кадров высшей квалификации. Одной из очевидных тенденций, выявленных современными исследованиями по данной проблематике, является утрата аспирантурой исключительно академической ориентации [1–3]. Это проявляется как в диверсификации аспирантских программ, так и в институциональном закреплении различий между научными и профессиональными

Таблица

Характеристики респондентов	
Характеристики	Количество респондентов, чел.
Аспиранты 1-го года обучения	134
Аспиранты 2-го года обучения	121
Аспиранты 3-го года обучения	102
Аспиранты 4-го года обучения	70
Аспиранты очной формы обучения	354
Аспиранты заочной формы обучения	73
Аспиранты, обучающиеся на бюджетных местах	332
Аспиранты, обучающиеся на внебюджетных местах	95
Общее количество аспирантов, принявших участие в опросе	427

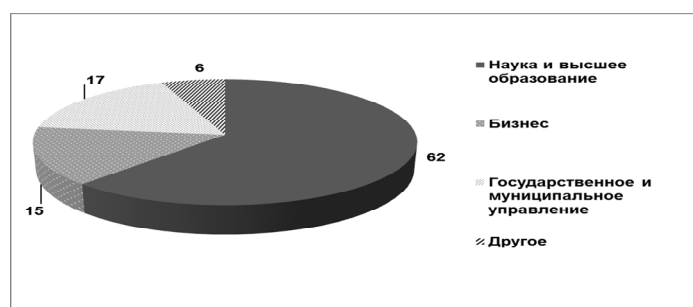

Рис. 1. Структура планируемой профессиональной занятости аспирантов социально-гуманитарных направлений подготовки, %

докторскими степенями (последние ориентированы на неакадемические рынки труда). В европейских странах в настоящее время насчитывается до девяти различных видов докторских степеней [3–5]. В последние годы российские исследователи усиливают внимание к изучению мотиваций и профессиональных планов аспирантов, а также выявлению профессиональных траекторий выпускников аспирантуры [6–8]. Это обусловлено тем, что информация о запросах рынка интеллектуального труда должна играть ключевую роль при проектировании образовательных программ аспирантуры, в том числе программ, ориентированных на подготовку кадров высшей квалификации для науки, высшей школы и для индустрии [8, 9]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Профессиональные планы аспирантов и фактическая занятость выпускников аспирантуры

Планы российских аспирантов в отношении будущей карьеры связаны не только с академическим рынком труда. Согласно результатам всероссийского опроса аспирантов ведущих российских университетов (общее число респондентов – 2221), лишь 54% аспирантов хотели бы продолжить академическую карьеру, ос-

тальные после завершения обучения и защиты диссертаций планируют работать в частном или государственном секторе исследований и разработок, в бизнесе или в сфере услуг [6].

Результаты анкетирования аспирантов Университета Лобачевского, проведенного в 2016 г. в рамках общероссийского опроса², подтверждают тенденцию роста ориентации аспирантов на неакадемические сферы занятости [7]. В опросе приняли участие 427 аспирантов (54.7% от генеральной совокупности), из них 205 мужчин и 222 женщины, аспирантов естественно-научного профиля подготовки 230 человек, социогуманитарного профиля 197 человек. Распределения по годам обучения, форме и условиям обучения представлены в таблице.

Из числа аспирантов социально-гуманитарных направлений планируют работать в сфере науки и высшего образования 62% (47% хотели бы занять преподавательские должности, 10% надеются найти работу в академических институтах и научных подразделениях вузов, 5% на момент опроса не могли конкретизировать сферу своей будущей академической профессии). В бизнес-структурах хотели бы работать 15% аспирантов; в сфере государственного и муниципального управления – 17% (рис. 1).

Среди аспирантов естественно-научных специальностей удельный вес тех, кто планирует

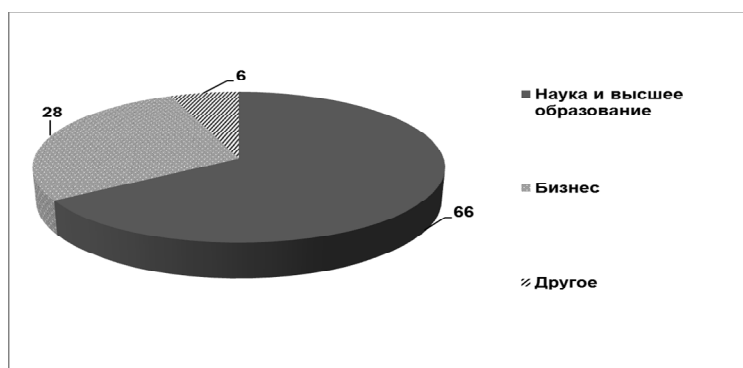

Рис. 2. Структура планируемой профессиональной занятости аспирантов естественно-научных направлений подготовки, %

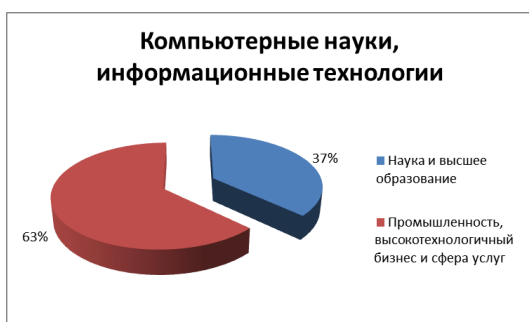

Рис. 3. Распределение по сферам деятельности выпускников аспирантуры – кандидатов наук в области компьютерных и информационных технологий

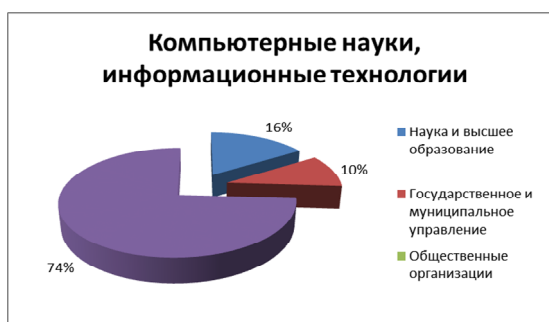

Рис. 4. Распределение по сферам деятельности выпускников аспирантуры без ученой степени – специалистов в области компьютерных и информационных технологий

трудоустройство в сфере науки и высшего образования, составляет 66% (34% планируют научную карьеру в академических институтах, 19% – в научных подразделениях университетов, 13% хотели бы работать преподавателями в вузе). На развитие карьеры в бизнес-структурах нацелены 28% аспирантов (рис. 2), причем подавляющее большинство из них рассчитывают на исследовательскую или аналитическую деятельность в коммерческих организациях. Интересно, что в ходе обучения доля аспирантов, ориентированных на неакадемические сферы занятости, увеличивается.

Как установлено в [8], реальная ситуация на рынке труда свидетельствует о том, что значительная доля выпускников аспирантуры трудоустроена в неакадемическом секторе. Анализ данных о профессиональных траекториях показывает, что в академической сфере закрепляется не более 50% выпускников аспирантуры (у «гуманитариев» и «технарей», в отличие от представителей естественно-научных дисциплин, этот процент еще ниже). При этом можно выделить отдельные группы выпускников, отличающиеся рядом особенностей. Приведем лишь один, но весьма показательный пример, касающийся трудоустройства аспирантов, специализирующихся в области компьютерных и информационных технологий (рис. 3, 4). Выпуск-

ники, получившие эти специальности, безусловно, востребованы на рынке труда, о чем свидетельствует отсутствие среди них лиц, работающих не по профилю подготовки. Однако на рынке труда они отдают предпочтение не научно-преподавательской деятельности, а хорошо оплачиваемой практической работе в области программирования и информационных технологий (63% кандидатов наук и 74% выпускников без степени). В целом же следует отметить, что около 70% аспирантов, обучающихся по техническим специальностям, используют обучение в аспирантуре для формирования компетенций, необходимых для развития профессиональной карьеры в индустриальном секторе экономики. Таким образом, многие аспиранты сегодня мотивированы на развитие профессиональных достижений в промышленности и в сфере услуг; они хотели бы работать на предприятиях высокотехнологичного бизнеса, что на современном этапе развития экономики совпадает с интересами государства и общества.

Принципы и опыт организации программ индустриальной аспирантуры

Современная российская аспирантура, являясь третьим уровнем высшего образования, может стать важнейшим институтом в подготовке

элитных инженерных кадров для работы в сфере высоких технологий и наукоемких производств. В связи с этим представляется актуальной постановка вопроса об организации на базе ведущих вузов страны специализированных программ «индустриальной аспирантуры», имеющих выраженную практико-ориентированную направленность и нацеленных на адресную подготовку высококвалифицированных специалистов для наукоемких промышленных предприятий.

Указанные программы должны быть организованы на основе следующих принципов.

1. *Заинтересованное участие работодателей:*

- в проектировании аспирантских программ;
- в развитии профессиональных карьер выпускников;
- в практическом руководстве подготовкой аспирантов.

2. *Подготовка диссертационных работ в рамках практико-ориентированных исследовательских проектов, которые проводятся в интересах индустриальных партнеров.*

3. *Проекты, выполняемые в интересах индустриальных партнеров, являются альтернативным каналом финансирования аспирантской подготовки.*

4. *Образовательная составляющая программы нацелена на формирование компетенций, необходимых для работы в промышленности.*

Как известно, новая модель российской аспирантуры строится на основе компетентностного подхода. Программа подготовки должна включать дисциплины, которые формируют научные, личностные и профессиональные компетенции, необходимые для работы в промышленности или бизнесе. Определение набора этих компетенций, так же как и процесс их формирования, в силу индивидуальности («штучности») подготовки специалистов высшей квалификации, является одним из направлений сотрудничества университетов и предприятий-партнеров. Только в этом случае можно отойти от «аморфной» модели аспирантуры, организованной в соответствии с едиными государственными образовательными стандартами, когда подготовка кадров и для академической карьеры, и для работы в сфере высоких технологий и наукоемких производств вынужденно осуществляется в рамках одной аспирантской программы. Необходим переход к разумно структурированной адресной образовательной программе.

К сожалению, в России развитие профессионально ориентированной модели в рамках третьего уровня высшего образования находится еще в стадии становления. Тем важнее развивать имеющийся опыт в данном направлении, а

также инициировать изменения нормативной базы подготовки и аттестации кадров высшей квалификации, обеспечивая легитимность новых образовательных траекторий.

В качестве успешного примера подготовки инженерных кадров высшей квалификации рассмотрим опыт Университета Лобачевского в организации подготовки аспирантов, специализирующихся в области радиофизики, лазерной физики, информатики. По программам индустриальной аспирантуры, спроектированным совместно с рядом крупных предприятий Росатома, Ростехнологий, Росэлектроники, сегодня подготавливаются около двадцати аспирантов. Как правило, это бывшие выпускники магистратуры, которые успешно зарекомендовали себя на промышленных предприятиях при прохождении там производственной практики и были приглашены для дальнейшей работы.

Все аспиранты участвуют в НИОКР, проводимых по заказам предприятий. За каждым аспирантом, наряду с научным руководителем из университета, закреплен консультант из числа ведущих сотрудников предприятия-партнера. Темы диссертационных работ согласованы с предприятиями. Многие сотрудники индустриальных партнеров участвуют в учебном процессе в качестве преподавателей.

За последние пять лет по указанной схеме защитили кандидатские диссертации и получили продвижение в карьере 12 выпускников аспирантуры. Как правило, они работают в качестве заведующих лабораториями, руководителей групп, ведущих инженеров.

Профессиональные степени

Одной из наиболее существенных проблем, связанных с подготовкой кадров высшей квалификации для промышленности, является вопрос об институциональном закреплении профессиональных степеней в России и соответствующих им программ подготовки кадров. На наш взгляд, целесообразно реализовать меры по закреплению в правовом поле аспирантуры, наряду с программами академической направленности, программ подготовки высококвалифицированных специалистов для индустрии. Этим же целям способствовало бы введение профессиональных степеней для аттестации кадров высшей квалификации в области инженерии [5].

Выпускники аспирантуры, получившие необходимые компетенции и практический опыт исследовательской, аналитической и внедренческой работы, могли бы в качестве диссертаций защищать практико-ориентированные проекты, подтверждающие их профессиональные достижения,

без распространённой сегодня «академической упаковки» диссертационных работ, их «маскировки» под академические диссертации.

Заключение

При поступлении в аспирантуру молодые люди чаще всего ориентированы на развитие карьеры в рамках академических профессий. Однако реальная ситуация на рынке интеллектуального труда приводит к тому, что выпускники наряду с академическими карьерами реализуют и иные востребованные рынком профессиональные траектории в наукоемком бизнесе, государственном и муниципальном управлении, в сфере услуг. Как следствие, и профессиональные планы аспирантов в ходе обучения зачастую изменяются под воздействием этих факторов.

Для адаптации аспирантуры к запросам рынка труда целесообразно реализовать меры по диверсификации программ аспирантской подготовки и закреплению в правовом поле института аспирантуры наряду с программами академической направленности программ подготовки высококвалифицированных специалистов для профессиональной деятельности за пределами научно-педагогической сферы. В основу указанных программ могли бы быть заложены следующие принципы: заинтересованное участие работодателей в реализации программ, подготовка диссертационных работ аспирантов в рамках «заказа» индустриальных партнеров, софинансирование индустриальными партнерами аспирантской подготовки, формирование у выпускников аспирантуры компетенций, необходимых для работы в промышленности. Логичным завершением профессионально ориентированных программ аспирантуры могло бы стать присвоение не научных, а профессиональных степеней.

Следует отметить, что институционализация профессионально ориентированных программ третьего уровня актуальна не только для инженерных, но и для социально-гуманитарных направлений аспирантуры (экономика, управление, образование и педагогические науки) [3]. Требования к структуре и организации таких программ, а также критерии оценки уровня квалификации и качества диссертационных работ должны быть определены профессиональным сообществом и иметь существенные отличия от академических стандартов.

Примечания

1. Статья подготовлена по материалам доклада, представленного авторами на международной сете-

вой научно-практической конференции «Новые стандарты и технологии инженерного образования: возможности вузов и потребности нефтегазохимической отрасли – Синергия-2017». Место проведения: г. Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет, 5–6 декабря 2017 г.

2. Всероссийский опрос аспирантов организован Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ в 2016 г. Опрос проводился через специализированную информационную платформу с использованием стандартизированной on-line-анкеты. Опросом были охвачены 14 ведущих университетов России, любой аспирант указанных университетов мог принять участие в опросе.

Список литературы

1. Auriol L., Misu M. and Freeman R.A. Careers of Doctorate Holders: Analysis of Labour Market and Mobility Indicators. OECD Science, Technology and Industry Working Papers, 2013/04, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5k43nxgs289w-en> (accessed: 01.03.2017).
2. Parada F., Peacock J. The Quality of Doctoral Training and Employability of Doctorate Holders: The Views of Doctoral Candidates and Junior Researchers. The European Higher Education Area. Part 2. Springer Open, 2015. P. 593–612. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-20877-0_38 (accessed: 01.03.2017).
3. Бедный Б.И. Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 5–16.
4. Kehm B., Teichler U. Doctoral Education and Labor Market: Policy Questions and Data Needs The Science and Technology Labor Force: The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers. Springer International Publishing, 2016. 384 p. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-27210-8> (accessed: 01.03.2017).
5. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. «Кандидат инженерии» – учёная степень, востребованная временем // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 109–121.
6. Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What Careers Do PhD Students in Russia Consider? // Higher Education in Russia and Beyond. 2016. № 3(9). P. 20–21.
7. Миронос А.А., Бедный Б.И., Рыбаков Н.В. Академические профессии в спектре профессиональных предпочтений аспирантов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3(109). С. 74–84.
8. Бедный Б.И., Миронос А.А., Остапенко Л.А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. 2015. № 3. С. 5–16.
9. Сенашенко В.С. Аспирантура как образовательная программа с научно-исследовательской компонентой или научно-исследовательская программа с образовательной компонентой? // Alma Mater. 2017. № 10. С. 4–10.

**PROFESSION-ORIENTED POSTGRADUATE PROGRAMS:
THE INTERACTION BETWEEN UNIVERSITIES AND INDUSTRY**

B.I. Bednyi, A.A. Mironos, N.V. Rybakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the prospects for cooperation between universities and industry in the training of highly qualified engineering personnel. The authors analyze the relationship between professional orientations of postgraduate students in relation to their future career and the state of real employment of postgraduate program graduates. A conclusion is made about the need to adapt Russian postgraduate studies to the requirements of the non-academic labor market. The development of «industrial» postgraduate programs as a practice-oriented model of the third level of higher education is a promising approach to adapting Russian postgraduate schools to the tasks of developing a modern high-tech economy. At the same time, the development of this area of education requires significant institutional changes in the system of doctoral training and certification, including the introduction of professional degrees.

Keywords: academic labor market, professional orientation of postgraduate students, profession-oriented model of doctoral education, «industrial» postgraduate programs, principles for organization of applied doctoral programs, professional degrees.

УДК 316.012

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОРАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ЕГО СУБЪЕКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

© 2018 г.

Т.Н. Овчарова, А.О. Овчаров

Овчарова Татьяна Николаевна, к.филос.н., доц.; доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovcharovat@yandex.ru

Овчаров Антон Олегович, д.э.н., доц.; профессор кафедры информационных систем в финансово-кредитной сфере Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
anton19742006@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 13.12.2017**Статья принята к публикации 30.01.2018*

Профессиональное саморазвитие рассматривается как деятельность человека, в ходе которой меняется его субъектный потенциал. Это позволяет по-новому увидеть логику становления личности в профессии. Данные социологических исследований послужили основанием для раскрытия специфики трудовой мотивации молодежи на этапе профессионального самоопределения, профессиональной самоактуализации и профессиональной самореализации. Выявлены противоречия между внешними социетальными и внутренними мотивационно-ценностными факторами профессионального саморазвития. Сделан вывод, что к издержкам профессионального развития на каждом его этапе ведет не в полной мере реализованная человеком способность быть субъектом данного процесса. Предложенный подход имеет большое значение не только для теории профессионального саморазвития личности, но и для решения практических задач повышения эффективности профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональное саморазвитие, субъектный потенциал, труд, мотивация, ценности, профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, профессиональная самоактуализация, профессиональная самореализация, творчество.

Введение

Внимание к проблеме профессионального саморазвития человека обусловлено социально-экономическими условиями современной России. Рыночные отношения обострили конкуренцию на рынке труда, изменили требования к профессиональной деятельности человека, актуализировали проблему осознанного выбора человеком профессии, повлияли на его готовность к труду. Проблема профессионального саморазвития личности тесно связана с вопросами мотивации, с заложенными в человеке ресурсами, творческими способностями, т.е. с его субъектным потенциалом. Особенно актуален этот вопрос для молодежи. Субъектный потенциал характеризует способность молодого человека к саморазвитию, в ходе которого меняется его социальный статус. Статус как показатель положения индивида в системе общественных отношений во многом зависит от того, насколько успешно человек реализовал себя в выбранной профессии. Однако молодежь, заканчивая учебные заведения и желая занять в обществе и профессии устойчивое положение, сталкивается с тем, что зачастую не может най-

ти работу по специальности и соглашается на случайные, непостоянные виды занятости, пополняя новый для современного общества класс прекариата, социальный статус которого характеризуется неопределенностью [1]. Это влечет за собой такие социальные издержки, как утеря профессиональной идентичности и духовно-нравственная деградация личности. Чтобы интеграция молодежи в общественную жизнь была успешной, проходила без кризисов и конфликтов, требуется исследование многоаспектной проблемы профессионального развития личности.

1. Субъект и субъектность в профессиональном саморазвитии

Весь профессиональный путь человека охватывается понятием профессионального развития, для которого характерны изменения места человека в системе социально-трудовых отношений, содержания трудовой деятельности. Профессиональное саморазвитие человека обусловлено особым характером его трудовой деятельности. Опираясь на известное положение С.Л. Рубинштейна о двух способах жизни чело-

века, Л.М. Митина выделяет две модели профессионального труда [2]. В основе первой модели (модели адаптивного поведения) лежит способ существования человека, который, по С.Л. Рубинштейну, основан на непосредственном, не выходящем за пределы повседневных ситуаций и связей, существовании. В профессиональной деятельности это ведет к подчинению поведения внешним обстоятельствам, нормам и требованиям. Вторая модель профессионального развития основана на рефлексивном, по характеристике С.Л. Рубинштейна, способе жизнедеятельности. Человек осознает разные стороны профессионального труда, его противоречия и трудности, принимает решения в соответствии со своими ценностными ориентациями, т.е. выступает субъектом профессионального саморазвития.

Концепция субъекта связана с идеей активного, строящего свою жизнь и осознанно выстраивающего свои отношения с бытием человека. Человек выступает субъектом профессионального саморазвития – это значит, что он сам проектирует свой путь в профессии, определяет вектор своей профессиональной истории.

Категория субъектности, используемая в статье, выражает динамику качества, присущего человеку, – «способность быть субъектом». Это качество в разной степени и форме может быть присуще человеку [3]. На два аспекта субъектности указывает А.А. Деркач [4].

Первый аспект характеристики человека как субъекта вытекает из сущностной определенности его способа бытия, связанного с особым рода активностью – деятельностью по преобразованию условий его существования, в ходе которой он удовлетворяет свои потребности. Человек в данном случае выступает субъектом как носитель социального способа бытия. Эта субъектность развивается в фило- и онтогенезе под влиянием социокультурных факторов и связана со становлением человеческой психики, с формированием субъектных способностей к самодетерминации (самооценке, саморегуляции, самоконтролю, самовоспитанию), обеспечивающих саморазвитие человека, становление личности. Благодаря формирующимся способностям к самодетерминации человек получает возможность управлять обстоятельствами своей жизни и самим собой, быть личностью. В качестве субъектных характеристик личности выделяют инициативность, ответственность, коммуникабельность, креативность и т.д. Эти характеристики необходимы в различных видах деятельности, включая профессиональную.

Второй аспект субъектности заключается в том, что человек в процессе своего развития

стремится стать субъектом конкретных видов деятельности. Субъектная активность в конкретной деятельности связана с достижением определенного результата. В профессиональной деятельности это движение личности к профессионализму (овладению необходимым для этого набором общекультурных и профессиональных компетенций), к качественному преобразованию своего внутреннего мира, к творческой самореализации в профессии.

Эти два аспекта субъекта и субъектности взаимопроникают и дополняют друг друга: субъектные свойства человека в конкретном виде деятельности обусловлены уровнем развития субъектности человека как носителя социального способа бытия. Субъект, реализующийся в деятельности, и субъект, реализующий профессиональную деятельность, в совокупности образуют содержание личностно-профессионального саморазвития.

Рассматривая личностно-профессиональное развитие как непрерывный процесс, можно, опираясь на разные основания, выделить в нем этапы, обладающие своими особенностями. Близкое к понятию профессионального развития понятие профессионального становления характеризует этапы вхождения и овладения профессией через психофизиологические, социально-психологические особенности, которые обеспечивают успешное осуществление профессиональной деятельности [5, с. 12]. Для целей нашего исследования основанием для выделения этапов профессионального саморазвития человека будет эволюция его субъектного потенциала. На всех этапах профессионального саморазвития происходит становление субъектности человека в системе социально-трудовых отношений, но потенциал субъектности – разный. Выделим и проанализируем три основных этапа профессионального саморазвития со свойственным им потенциалом субъектности: самоопределение, самоактуализация и самореализация. Метод единства исторического и логического позволил выделить данные этапы, отражающие закономерную логику профессионального саморазвития человека.

2. Профессиональное самоопределение – первый и необходимый этап профессионального саморазвития

Профессиональное самоопределение выступает предметом исследования социологов: М.В. Батыревой, В.В. Выборновой, Л.А. Гегель, Я.В. Дидковской, Д.Л. Константиновского, М.Н. Руткевича, М.Х. Титмы, Е.Н. Шаровой. Социологический подход к профессиональному

самоопределению характеризует его как результат вхождения индивида в социально-профессиональную структуру общества, занятие определенных статусных позиций в социально-профессиональном поле. Это активный способ интеграции индивида, реализующего свои субъектные качества, в социальную структуру общества, осуществляемый через множественные ситуации профессионального выбора, обусловленного объективными процессами и явлениями конкретного общества. Социетальный уровень детерминации профессионального самоопределения связан с разветвленными социальными структурами, институтами, организациями, сложной сетью коллективов (семья, учебное заведение, фирма и т.д.). Рынок профессий, образовательная система, центры профориентации и профконсультирования, СМИ и т.д. участвуют в приобщении индивида к общественно полезному труду, помогают с выбором профессии, т.е. обеспечивают профессиональную социализацию. Профессиональное самоопределение выступает активно-деятельным компонентом профессиональной социализации молодого человека, который в условиях вторичной социализации стремится занять определенный социальный статус, проявляет себя субъектом этого процесса. Профессиональное самоопределение субъекта находится под влиянием внешних социальных факторов, и эта внешняя социетальная детерминация определяет специфику социологического подхода к профессиональному самоопределению.

В современном российском обществе происходят значительные изменения как во внешней среде, социетальных рамках профессионального самоопределения, так и во внутренних регуляторах поведения индивида, выраженных его субъективными жизненными стратегиями, планами, притязаниями, установками. Должна быть определенная степень соответствия (конгруэнтности) между внутренними субъективными притязаниями и внешними объективными детерминантами. Низкая конгруэнтность является серьезным препятствием для полноценного профессионального саморазвития человека. В качестве одного из примеров такого несоответствия можно назвать высокий конкурс в экономические и юридические вузы, свидетельствующий о профессиональных предпочтениях молодежи, и низкую востребованность на рынке труда данных специалистов в связи с их перепроизводством, что ограничивает возможность самореализации в профессии.

На площадке Петербургского Международного экономического форума – 2017 (ПМЭФ-2017) глава Роструда Всеволод Вуколов заявил

в интервью РИА «Новости», что на предприятиях страны существует дефицит специалистов производственного блока. Самыми востребованными на сегодня являются специалисты инженерного дела. В связи с этим он сослался на ранее опубликованное Минобрнауки сообщение об уменьшении количества бюджетных мест для будущих экономистов и юристов, так как эти специальности не пользуются спросом среди работодателей. В. Вуколов подчеркнул, что существует необходимость заняться переобучением людей с наименее востребованными профессиями, чтобы они смогли найти себя в других сферах экономики [6]. Поднятая на форуме тема «цифровой экономики», по мнению ряда участников, должна привлечь молодежь в реальный сектор экономики.

О причинах дисбаланса в структуре «образование – рынок труда» идет речь в статье Г.А. Ключарева. Одна из причин заключается в том, что вузы ориентируются не на потребности работодателей, а на популярность специальностей у абитуриентов. «Подготовка ведется по тем специальностям, которые пользуются спросом у молодежи и родителей, обучение по которым приносит прибыль» [7, с. 55]. Естественно, что такой разрыв образования и рынка труда не лучшим образом сказывается на профессиональном старте молодого человека.

Проблема профессионального самоопределения широко представлена и в работах психологов: К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анциферовой, Л.И. Божович, Е.М. Борисовой, М.Р. Гинзбурга, Е.А. Климова, Н.С. Пряжниковой, Е.Ю. Пряжниковой, С.Л. Рубинштейна, Л.М. Митиной. В поле зрения психологов оказывается не результат, а процесс вхождения индивида в социально-профессиональную структуру, обусловленный личностными особенностями субъекта. Направленность действий человека во внешней среде обусловлена внутренним, мотивационно-ценностным механизмом регуляции профессионального самоопределения, который включает в себя потребности, интересы, установки, ценностные ориентации, эмоционально-волевой компонент и др. Методологические основы психологического подхода к проблеме самоопределения были заложены С.Л. Рубинштейном. Проблема самоопределения рассматривалась им в контексте выдвинутого принципа – внешние причины действуют преломляясь через внутренние условия.

Внешний мир дан человеку как социальное пространство с множеством ситуаций, обстоятельств, которые являются объективной предпосылкой его деятельности. Ядром социального пространства выступают ценности, культурные

образцы, нормы поведения, поэтому пространство имеет качество социокультурного пространства. Структурировано оно не только объективно как характеристика социального бытия, но и как личностное социокультурное пространство, возникающее в области сознания отдельного человека. Оно есть результат интериоризации социальных ценностей, которые во внутреннем мире человека выступают как его индивидуальные ценностные ориентации и мотивы, побуждающие человека к деятельности. Мотивационно-ценностный блок индивидуального сознания и есть «внутреннее условие», превращающее детерминацию профессионального самоопределения в самодетерминацию. Психологи подчеркивают не пассивное подчинение внешним факторам, а собственную активность субъекта профессионального самоопределения, которая раскрывается через сознательно вырабатываемую позицию по отношению к социальным ценностям.

В современном социокультурном пространстве России на первый план вышли ценности рынка, идеалы общества потребления, тиражируемые СМИ, и это не могло не сказаться на профессиональном самоопределении молодежи. Выбор профессии в настоящее время у молодых людей определяется в первую очередь мотивом высокой заработной платы как средства достижения материального благополучия. Это подтверждается многими социологическими исследованиями. Например, при изучении факторов и условий формирования трудовой мотивации российской молодежи на вопрос о том, что имеет наибольшую ценность в работе, подавляющее большинство респондентов (84,24%) ответили «хорошая зарплата» [8, с. 27]. В отношении к труду социологи отмечают нарастание у молодежи установки на труд как инструментальную, а не терминальную ценность, как средство получения высокого дохода для удовлетворения различных потребностей, а не как самоценную человеческую деятельность, смысл которой может находиться в самой этой деятельности. При такой установке работа для молодого человека может быть привлекательной, даже если она не связана с полученной специальностью, но приносит хороший заработок. Подобная стратегия на рынке труда размывает профессиональную идентичность молодого человека, заслоняет перспективу самореализации в профессии [9, с. 66–67].

Неотъемлемым компонентом профессионально-личностного развития на этапе самоопределения является формирование положительного отношения к труду, воспитание трудолюбия как черты характера, которая выражается в

осознании необходимости трудиться и желании трудиться. Многие состоявшиеся в своей профессии люди указывают на работоспособность и трудолюбие как условие успешной карьеры и счастливой жизни. При изучении трудовой мотивации студенческой молодежи были выявлены группы студентов («сибариты», «гедонисты») с негативной установкой на труд [10, с. 132–133]. Нежелание учиться и работать, а если трудиться, то с минимальными усилиями, но при этом иметь «все, что хочется», есть не что иное, как следствие гедонистического мировоззрения, формируемого обществом потребления. В итоге сегодня в ценностно-мотивационном отношении к труду у молодого поколения можно наблюдать некоторые элементы традиционной (традиционалистской) хозяйственной этики, в системе ценностей которой напряженный, рационально организованный труд не имел высокой ценности. На некоторые такие элементы, и в частности тягу к авантюризму, легким деньгам, нелюбовь к систематическому труду, стремление к быстрым и нескончаемым удовольствиям, желание иметь все и сразу при минимизации трудовых усилий, указывает Д.Г. Подвойский, участник круглого стола на тему «Труд в системе человеческих ценностей» [11, с. 24].

Наиболее благоприятным для формирования положительной мотивации к труду является подростково-юношеский возраст, когда самоопределение происходит на фоне решения проблемы взаимоотношений себя и общества. Как справедливо заметил С.Л. Рубинштейн, «сознательное, общественное отношение к труду является стержнем, на котором перестраивается вся психология личности; оно же становится основой и стержнем ее самосознания» [12, с. 640]. Общество нежизнеспособно, если в его системе ценностей отсутствует ценность труда. Изменения, которые произошли в российском обществе за последние десятилетия, негативно повлияли на ориентации молодого поколения россиян в сфере труда, обусловили его отчуждение от трудовой деятельности. Когда в обществе девальвирована ценность труда, процветает коррупция, усиливается имущественное расслоение, вызванное в основном не различиями в качестве и количестве труда, а противоправной деятельностью, то это значительно снижает мотивацию трудовой деятельности.

Ценностно-мотивационная структура профессионального самоопределения современной молодежи не одномерна. В числе значимых содержательных характеристик трудовой профессиональной деятельности наряду со стремлением к высоким доходам оказываются и такие, как

«возможность постоянно совершенствовать свои навыки по специальности» (57.6%), «важность постоянного самосовершенствования» (46.3%). Современный молодой человек в большинстве своем готов к тому, чтобы много зарабатывать и для этого много работать, ему свойственно стремление к профессиональному росту и саморазвитию [13].

Для профессионального самоопределения молодежи важно формирование эталонного образа специалиста как ориентира профессионального пути. Эталонный образ указывает на правила и нормы профессиональной деятельности, мотивирует человека, задает цель и задачи его личностного и профессионального становления, дает видение жизненной перспективы и тем самым выступает стимулом профессионального развития. Он должен включать перечень требований к индивидуально-психологическим особенностям, личностным и профессиональным качествам представителя определенной сферы деятельности, т.к. это важно для правильной самооценки субъекта трудовой деятельности. Исследования психологов отмечают не всегда адекватную самооценку молодыми специалистами собственных возможностей в профессиональной деятельности, завышенную или заниженную оценку своих способностей. Кроме того, эталонный образ специалиста должен иметь прогностический характер, т.е. учитывать перспективы развития соответствующей сферы. Это тем более актуально, что, по некоторым прогнозам, в ближайшие 20 лет рынок профессий существенно изменится. Специалисты бизнес-школы «Сколково» и Агентства стратегических инициатив в 2015 г. выпустили второе издание «Атласа новых профессий», в котором учитывается фактор бурного развития новейших технологий [14]. На основе форсайт-технологии они проанализировали общественные и технологические тенденции и сделали вывод о том, какие новые профессии появятся, а какие устареют и перестанут быть востребованными к 2030 году. Такое знание для молодых людей дает возможность проектировать свою профессиональную траекторию с учетом быстро меняющихся реалий, решить, какими знаниями, умениями и навыками нужно обладать, чтобы быть востребованными специалистами.

Таким образом, профессиональное самоопределение выступает как социально-психологический процесс, который реализуется через многообразные практики индивидуального профессионального выбора, детерминированного, с одной стороны, социальными факторами, а с другой стороны – собственной активностью субъекта в этой детерминации. Проведенный ана-

лиз зафиксировал имеющиеся место противоречия между двумя сторонами профессионального самоопределения: индивидуальными ориентациями на профессиональное образование и рынком труда, личными профессиональными интересами и потребностями общества, социальной системой ценностей и субъективными ценностными ориентациями, представлениями о своих индивидуальных качествах и эталонным образом специалиста. Имеющийся дисбаланс обуславливает актуальность дальнейших теоретических исследований проблемы самоопределения и разработки практических программ, оказывающих разноплановую поддержку субъекту в его профессиональном самоопределении.

Анализ социологической, психолого-педагогической литературы позволяет сделать вывод, что для этапа самоопределения характерен поиск человеком будущей сферы профессиональной деятельности, принятие решения по выбору профессии и формирование установки на соответствующее обучение, овладение общими и конкретными знаниями о мире профессий. Осознание человеком индивидуального профессионального профиля, обдумывание стратегии и тактики получения профессии входит в состав профессионального самоопределения и характеризует содержание субъектности, которая раскрывается через противоречивую взаимосвязь с объективными факторами профессионального самоопределения.

3. Этап самоактуализации в профессиональном саморазвитии

Второй этап (этап самоактуализации) в профессиональном саморазвитии связан с интеграцией индивида в общество через становление в избранной профессии, с профессиональным ростом индивида, овладением профессиональными, общекультурными компетенциями и с первыми личными профессиональными достижениями. Достижения в профессиональной деятельности – это показатель профессионализма, который нельзя объяснить лишь высоким уровнем профессиональных качеств. Становление профессионала возможно лишь в результате единства профессионального и личностного развития [15]. Профессионализм личности – это качественная характеристика субъекта самоактуализации, отражающая высокий уровень профессиональных и личностно-деловых качеств, направленность личности на овладение ценностями профессионального роста, непрерывного профессионального образования.

Определение самоактуализации дается чаще всего со ссылкой на А. Маслоу, который пишет:

«Говоря о самоактуализации, я имею в виду стремление человека к самоосуществлению, к воплощению в действительность потенциально присущих ему возможностей. Это стремление можно назвать стремлением к самотождественности, самобытности» [16]. В системе потребностей человека есть потребность быть собой, заниматься тем, к чему он предрасположен. «Человек *обязан* быть тем, кем он *может* быть. Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе». И эту внутреннюю потребность А. Маслоу называет потребностью в самоактуализации (самоосуществлении, самоутверждении). Самоактуализирующаяся личность, по А. Маслоу, это личность, осознавшая свои возможности, способности и готовая к дальнейшему саморазвитию, актам самоутверждения в окружающем мире. Исследования, проведенные А. Маслоу, позволили ему выделить ряд фундаментальных характеристик самоактуализирующихся людей, среди которых умение «осознавать свои собственные импульсы, желания, предпочтения и субъективные реакции в целом», а также особая мотивация жизни, в которой доминируют мотивы роста и саморазвития.

Самоактуализация, таким образом, выступает как процесс, ориентированный на постоянный рост, претворение в реальность потенциальных возможностей человека. Оценивая первый опыт в профессии, достижения и неудачи, человек приходит к осознанию правильности или ошибочности избранного профессионального пути. У него формируется мотивация на дальнейшее профессиональное развитие в избранной профессии, или, в случае разочарования в своем профессиональном выборе, человек осуществляет поиск профессиональной сферы для самоактуализации, адекватной его индивидуальным способностям, в которой он может быть собой, осуществить то, к чему призван собственной природой. Не случайно А. Маслоу использовал понятие «самоактуализирующиеся», а не «самоактуализировавшиеся» личности [16].

Свое призвание быть собой человек реализует в различных сферах деятельности – производственной, научной, художественной, управленческой, педагогической и др., основой которых является труд. Для профессиональной самоактуализации индивида трудовая деятельность является базовой.

Необходимым условием профессиональной самоактуализации выступает качество трудовой жизни (КТЖ), имеющее объективную и субъективную стороны [17]. С объективной стороны КТЖ обуславливается условиями труда, содержанием и организацией труда. Субъективная сторона выражается в особом психологическом

состоянии человека, определяемом как удовлетворенность трудом.

Понимание труда как сферы самоактуализации человека приводит к необходимости создания такого КТЖ, которое способствовало бы раскрытию человеком своих субъективных свойств. Человек не просто встраивается в систему трудовых отношений как объект, своего рода «винтик», а проявляет себя как субъект конкретной профессиональной деятельности, с определенными требованиями к работе, нацеленными на удовлетворение широкого круга потребностей и актуализацию способностей. Трудовая деятельность человека, особенно носящая характер совместной работы с другими людьми, позволяет удовлетворять многообразные социальные потребности человека в познании, общении, красоте и т.п., развивать когнитивные, коммуникативные и другие способности. В конечном счете, это ведет к повышению удовлетворенности трудом как показателю реализации субъективного потенциала человека.

Повышения удовлетворенности трудом можно добиться через преобразования объективной стороны КТЖ: совершенствование системы управления трудовой деятельностью (делегирование субъекту труда больших полномочий и ответственности, предоставление самостоятельности, свободы действий и т.д.), обогащение содержания выполняемой работы творческими элементами, улучшение условий труда, придание труду общественной значимости и т.д.

Субъективный потенциал человека на данном этапе профессионального саморазвития актуализируется не только через его активную, инициативную позицию в системе трудовых отношений, но также в результатах его конкретной профессионально-трудовой деятельности.

В создаваемых трудом материальных и духовных благах человек опредмечивает свои сущностные силы, в состав которых входят многообразные потребности и способности: человека побуждают трудиться не только деньги. У труда, помимо экономического, есть социальный, духовно-нравственный, эстетический и другие аспекты, которые в совокупности раскрывают аксиологию труда. Аксиологическое содержание труда создает условия для самоактуализации человека как профессионала своего дела – умельца, «мастера на все руки», художника, воплощающего в результатах своей трудовой деятельности высшие образцы профессионализма, свою самобытность.

Самобытность в процессе самоосуществления обусловлена таким качеством личности, как креативность. Креативность, считает А. Маслоу, – это универсальная характеристика всех

самоактуализирующихся людей. Она проявляет себя в оригинальности, смекалке, изобретательности, особом видении мира, и ее можно обнаружить в любой деятельности. В профессии креативность помогает выразить себя через индивидуальный стиль работы, неповторимость ее результатов.

Актуализация субъектного потенциала на данном этапе обусловлена, таким образом, аксиологическим содержанием труда, ее показателем можно считать опредмеченные в профессиональных достижениях сущностные силы человека, демонстрирующие неповторимость присутствующих ему возможностей. Переход потенциальных возможностей человека в актуальные обуславливает его индивидуальный профессиональный профиль как реализованную человеком потребность быть собой. Профессиональный успех может быть серьезным стимулом для дальнейшего движения к профессиональным вершинам, для укрепления веры в свои силы и возможности.

В литературе до сих пор нет ясности в вопросе о соотношении понятий «самоактуализация» и «самореализация». На наш взгляд, есть два основания для различения этих понятий.

Во-первых, понятие самоактуализации не содержит указания на социальную значимость результатов деятельности. Последние, как правило, имеют не столько социальную, сколько индивидуальную значимость. Они важны для человека на пути осознания того, что «Я» есть, что «Я» могу, в том числе и в профессии. Тогда как при исследовании вопросов самореализации, тесно связанной с творчеством, принимаются во внимание результаты, которые не только имеют индивидуальную значимость, но и обладают ценностью для развития общества, человечества в целом. Исследованием вершин в развитии человека, раскрывающих его творческий потенциал, занимается акмеология. И как отмечает Е.А. Карпова, в ней, в отличие от теории самоактуализации, «упор делается на достижение признанного успеха в определенном социально-значимом виде профессиональной деятельности, подкрепленного внешними и экспертными оценками» [18]. О связи самореализации и творчества в профессиональной деятельности речь пойдет дальше.

Во-вторых, самоактуализация человека может выражаться как через созидательную, конструктивную деятельность, так и через разрушительную, деструктивную. Тогда как самореализация, тесно связанная с творчеством, имеет созидательную, ориентированную на высшие ценности, природу.

Деструктивная форма самоактуализации направлена не столько на создание позитивно-

значимых результатов и саморазвитие личности, сколько на повышение самооценки, возвышение себя в собственных и чужих глазах, хотя бы и за счет нравственно осуждаемой, противоправной деятельности. Для пояснения сошлемся на предпринимательскую деятельность, которая, по данным социологических опросов, привлекательна для значительной части молодежи. В ней ярко выражена активность субъекта, его готовность к риску, стремление использовать любую возможность для самоутверждения. Если единственным показателем успеха предпринимательской деятельности будет выступать прибыль, то утвердить себя в качестве состоявшегося бизнесмена отдельные предприниматели могут – и мы это нередко наблюдаем – любой ценой, в том числе и нарушая правовые и моральные нормы. Поэтому очень важным условием развития цивилизованного предпринимательства является формирование правовой культуры, этики предпринимательства. Что, в конечном итоге, сказывается на самоактуализации молодежи в этой профессиональной сфере.

Динамичность социально-экономической ситуации современного российского общества требует от человека профессиональной гибкости. Профессиональная самоактуализация сегодня не выглядит как линейный процесс достижений в рамках однажды избранной профессии. Доминантная мотивация субъекта самоактуализации на постоянный рост и самосовершенствование обеспечивает его профессиональную мобильность: повышение квалификации, освоение смежных специальностей, а при необходимости и смену профессии. Статус субъекта самоактуализации в современных условиях предполагает принятие ценностной установки на непрерывность профессионального самообразования.

4. Этап профессиональной самореализации

Третий этап (этап самореализации) связан с внутренней ценностно-смысловой детерминацией профессиональной деятельности. В ценностно-смысловом мотивационном блоке на первый план выступает то, что соответствует представлениям человека о смысле его деятельности, профессиональном призвании и, в конечном итоге, о смысле всей жизни. Человек, ориентированный на высшие ценности и смыслы, обретает качество субъекта, свободно и творчески реализующего себя в профессии и в жизни. Степень и уровень самореализации, полнота раскрытия своих способностей и дарований у людей разные, они определяют масштаб конкретной личности, ее вклад как субъекта про-

фессиональной деятельности в материальное и духовное богатство общества.

Условием для профессиональной самореализации выступает осознание субъектом личностного смысла труда. Теоретическое обоснование данного положения связано с преодолением упрощенных представлений о труде в рамках концепции «экономического человека». Труд в ней имеет ценность лишь с точки зрения создаваемого продукта. Понимание труда не как средства для каких-то внешних целей, а как самоценной человеческой деятельности, как занятия, желательного для человека с точки зрения его внутренней потребности, постепенно складывалось в истории философской и управленческой мысли и способствовало открытию личностного смысла труда. По мнению В.А. Мирзояна, ориентация на личностный смысл труда, превращение труда в арену человеческого развития находится в русле «цивилизационной сверхзадачи гуманизации труда» [19, с. 10].

Раскрывая идеологию гуманизации труда, В.А. Мирзоян апеллирует к концепции «тройственной переоценки труда» французского социолога Ж. Фридмана. Чтобы человек мог проявить в труде свою личность, труду должна быть возвращена, считает Ж. Фридман, ценность творящего рода — интеллектуальная, моральная, социальная. Интеллектуальная ценность обеспечивается технологическими и организационными нововведениями, моральная — посредством социально-психологических и ценностных изменений, социальная — через социально-политические реформы. Как справедливо замечает В.А. Мирзоян, эти новации увеличивают пространство для осмысленной деятельности, обуславливают возможность работнику видеть содержательный смысл того, что он делает, гордиться собственным трудом, понимать социальную значимость своего труда. Но для обретения личностного смысла труда они должны быть пропущены через субъектность человека — его систему ценностей, установок, волю [19, с. 10–11].

Формирование мотивации на личностный смысл труда как условие для профессиональной самореализации требует не только разработки соответствующей концепции менеджмента, отличной от той, что мотивировала человека на труд единственно через материальную заинтересованность, но и идеологической поддержки со стороны общества, его социальных институтов. Без этой поддержки практическая эффективность новейших теоретических разработок будет существенно снижена.

Субъектность на этапе самореализации предполагает креативное поведение человека по отношению к созданному совокупной человеческой деятельностью ценностно-смысловому,

культурному полю. Индивид осваивает его не пассивно, а активно, проблематизируя содержание смыслов. Найти, понять, истолковать смысл — это акты творчества. Смысл требует осуществления. Как отмечал В. Франкл, «смысл смысла в том, что он направляет ход бытия» [20, с. 285]. Философы, социологи, психологи пользуются понятием жизненного мира, который образуют смыслы, обозначающие существенные, наиболее важные ценностные ориентации человека, определяющие содержание жизни людей [21]. Смыслы присутствуют в каждой сфере человеческой деятельности, в том числе и трудовой. Открытие личностного смысла труда характеризует человека как субъекта профессиональной самореализации, раскрывающего свой творческий потенциал.

В процессе профессиональной самореализации творчество субъекта выступает в аспекте внешней предметной объективации в социально значимых и признанных обществом достижениях, которые демонстрируют реализацию его способностей, знаний, умений, навыков, а также в аспекте внутренней работы человека над собой, в процессе формирования в себе нравственных и гражданских качеств. Созидательная природа творчества обусловлена установками субъекта на высшие духовные ценности. К пространству высших ценностей, которые мотивируют субъекта на творческую самореализацию в профессии, относятся, в первую очередь, нравственные ценности. Особо выделим среди них ценность солидаризма как нравственного начала в отношениях между людьми, обусловленного общественной природой человека [22].

Солидарность (солидаризм) можно определить как совместные действия субъектов для достижения общих целей. Солидарные (солидаристские) отношения были востребованы на всем протяжении человеческой истории. С точки зрения французского социолога Э. Дюркгейма, «солидарное бытие» является высшей целью общественного развития. Переход от механической солидарности, в которой личность поглощается коллективом, к органической, для которой характерно сочетание частного и общего интереса, выступает, по Дюркгейму, показателем прогресса в развитии общества. Принимая во внимание открытия современной эволюционной биологии, в соответствии с которыми существенным фактором, обеспечивающим преимущества в борьбе за существование, выступает взаимопомощь, обоснованным будет следующее утверждение. На современном этапе идея солидаризма может рассматриваться как перспективная для создания концепции трудовой этики (этики солидаризма), способ-

ной стать фактором профессиональной самореализации и «мотором» экономики России.

Этика индивидуализма в полной мере отразила дух капитализма и легла в основу предпринимательства стран Запада. Но экономическое развитие может совершаться в разных культурных оболочках, а трудовое поведение человека не обязательно всегда мотивировано индивидуально-личностными целями, потребностями и интересами. В развитом обществе, основанном на органической солидарности, личность и коллектив, частный и общий интерес не отрицают, а дополняют друг друга. Субъекты трудовой деятельности в солидарных отношениях не теряют своей индивидуальности. Напротив, их самобытность как раз и является основой для объединения усилий и возникновения мультипликативного экономического эффекта.

В этике солидаризма есть элемент нормативности, но и основания для ее практической реализации тоже есть. Сошлемся на точку зрения видного экономиста, академика РАН В.М. Полтеровича, который утверждает, что предположение об эгоистической природе человека и конкуренции входит в противоречие с наблюдаемой тенденцией социально-экономического развития. Сегодня, считает он, есть все основания утверждать, что в развитых странах роль механизмов конкуренции снижается, уступая место механизмам сотрудничества. Признание возрастающей роли институтов сотрудничества составляет основу предлагаемой им концепции коллаборативизма [23]. Коллаборативность – это способность и стремление к сотрудничеству, при котором снимаются крайности индивидуализма и коллективизма и достигается баланс между личными и коллективными целями.

Способность к совместным трудовым усилиям в достижении общих целей была неоднократно продемонстрирована соотечественниками на переломных этапах истории. За годы рыночных реформ произошел распад социальных связей, многие социальные технологии совместной деятельности людей оказались неостребованными по причине неадекватности их новым реалиям, а другие не были разработаны. Однако без новых социальных технологий, ориентированных на формирование навыков и умений совместной социальной деятельности, опираясь лишь на внедрение «цифровых технологий», невозможно реализовывать масштабные социально-экономические проекты. Солидаризм, ориентированный на субъектность всех членов общества, – это идеология совместного социального творчества субъектов, которая благоприятствует их профессиональной самореализации и способствует решению задач инновационного развития России.

Солидаризм, как уже ранее было замечено, вытекает из общественной природы человека. Тезис о том, что человек в качестве субъекта труда может быть только общественным субъектом, не нуждается в особых доказательствах. Человек в процессе трудовой профессиональной деятельности выходит за пределы индивидуального бытия, как бы «выплескивает» себя в общественную жизнь. Общественно полезная деятельность способствует наиболее полному раскрытию его субъектности. В ней человек выступает и как субъект «для себя», и как общественный субъект. Не проводя резкой грани между индивидуально-личностными и общественными качествами человека, можно утверждать, что чем больше в отдельном человеке представлено общее, социальное, тем ярче, значительнее его индивидуальность.

Однако результаты социологических опросов в молодежной среде говорят о том, что в профессиональном мотивационном блоке существенно упала значимость деятельности, направленной на пользу всего общества, важность хорошего трудового коллектива. Из трудовой мотивации исчезли или стали малозначимыми такие социальные побуждения, как быть полезным обществу (только 37.4% респондентов отметили для себя значимость данного мотива), быть полезным людям (38.3%), заслужить уважение знакомых и друзей (26.1%), добиваться высокого положения в обществе (22.1%). Это позволяет сделать вывод, что профессиональная самореализация оценивается молодежью прежде всего под углом зрения индивидуально-личностных потребностей и интересов: как возможность заняться любимым делом (70.3%), применить свои способности (61.0%), сделать карьеру (50.5%), проявить творчество (42.8%) [13, с. 165]. Целый спектр ценностных ориентаций личности как общественного субъекта слабо связан или даже остается за порогом профессионального труда.

Если профессиональный труд рассматривается исключительно как деятельность по достижению индивидуально значимых целей, а в раскрытии личностного смысла труда отсутствует мотив его социальной значимости, то при таком упрощении трудовой мотивации вряд ли возможно рассчитывать на повышение социальной эффективности проводимых в обществе преобразований.

Процесс самореализации, таким образом, включает диалектическую взаимосвязь двух аспектов субъектности – индивидуально-личностного и общественного. Чем богаче проявление индивидуальных, творческих способностей человека в профессии, тем больше возможностей для развития его как общественного субъекта, и

наоборот, общественные качества человека обогащают его творческую индивидуальность.

Рассмотренные этапы профессионального саморазвития между собой связаны. Можно считать корректным утверждение, что профессиональная самореализация базируется на профессиональном самоопределении и профессиональной самоактуализации и недостаточный уровень развития последних порождает проблемы профессиональной самореализации [24, с. 199]. С нашей точки зрения, к издержкам профессионального развития ведет не в полной мере реализованная человеком способность быть субъектом на каждом этапе профессионально-трудовой деятельности. Поэтому необходимым условием успешного становления человека в профессии можно считать последовательность и непрерывность всех этапов профессионального развития с обязательным включением в их содержание задач по актуализации субъектных характеристик человека, имеющих специфику на каждом из этапов.

Результаты и выводы

Проведенный анализ этапов профессионального саморазвития человека позволил выделить свойственные каждому этапу противоречия между внешними социальными и внутренними мотивационно-ценностными факторами, раскрыть специфику трудовой мотивации на каждом этапе, рассмотреть профессиональное саморазвитие человека в контексте эволюции его субъектности.

На этапе самоопределения, в условиях профессионального выбора имеет место противоречие между объективными факторами (рынком труда, потребностями общества, социальной системой ценностей), с одной стороны, и субъективно-личностными, профессиональными потребностями, интересами, ценностными ориентациями, с другой стороны. В системе трудовой мотивации доминирует установка на труд как инструментальную ценность. Выявленные противоречия обуславливают необходимость разработки практических программ, оказывающих разноплановую поддержку субъекту в его профессиональном самоопределении. Обретение человеком субъектности на данном этапе происходит через внутренне противоречивый процесс профессионального выбора, через формирование положительной мотивации к труду, воспитание трудолюбия.

На этапе самоактуализации важным условием профессионального развития человека выступает качество его трудовой жизни, предполагающее единство двух противоположностей. Повышение удовлетворенности трудом как субъективное слагаемое КТЖ требует преобра-

зований объективной стороны КТЖ, создания условий для самоактуализации человека в профессиональной деятельности (изменений в организации, содержании труда и т.д.). Этап связан с мотивацией субъекта на профессиональный и личностный рост. Актуализация субъектного потенциала происходит через активную позицию индивида в системе трудовых отношений, а также через достижения, обусловленные аксиологическим содержанием труда и демонстрирующие самобытность присущих человеку возможностей и способностей, через реализованную человеком потребность быть собой, соответствовать своей природе. Задачи этапа решаются совершенствованием всей системы социального управления организацией.

Этап самореализации демонстрирует противоречие между частным и общим интересом субъекта труда, высокой оценкой им профессиональной самореализации как сферы по достижению индивидуально значимых целей и невысокой оценкой социальной значимости труда. Отсутствие в личностном смысле труда мотива социальной значимости труда упрощает трудовую мотивацию и снижает эффективность проводимых в обществе преобразований. Формирование мотивации на личностный смысл труда как условие для профессиональной самореализации требует поддержки со стороны общества, его социальных институтов, включая систему образования. Самореализация – это высшее проявление субъектности, существенными признаками которой выступают творчество и постижение смысла профессиональной деятельности, который выходит за рамки индивидуально-личностного в область общественно значимого. Благоприятствует профессиональной самореализации личности солидаризм как идеология совместного социального творчества субъектов. Лишь определенный уровень накопления субъектного потенциала на этапах самоопределения и самоактуализации обеспечивает потребность, способность и возможность профессиональной самореализации личности.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
2. Митина Л.М. Два способа жизни (по С.Л. Рубинштейну) – две модели профессиональной жизнедеятельности человека в современном мире // Психология человека в современном мире. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 400 с.
3. Щупленков Н.О., Щупленков О.В. Субъектность как интегральная психо-философская характеристика человека // ВВ: Психология и психотехника. 2013. № 9. С. 51–82.

4. Деркач А.А. Субъектность и субъективность в акмеологическом развитии человека // Психология человека в современном мире. Т. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 400 с.
5. Борисова Е.М. Профессиональное самоопределение: личностный аспект: Автореф. дис. ... доктора психологических наук. М., 1995. 46 с. URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1995/Borisova_E_M_1995.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
6. В Роструде назвали самую востребованную в России профессию. URL: http://www.aif.ru/money/market/v_rostrude_nazvali_samuyu_vostrebovannuyu_v_gossii_professiyu (дата обращения: 03.06.2017).
7. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.
8. Уколов Р.А. Ценности труда и профессионально-карьерного роста среди молодежи: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 25–29.
9. Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Том XIII. № 1. С. 50–68.
10. Кошарный В.П., Корж Н.В. Трудовые ценности и установки студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1 (21). С. 126–135.
11. Труд в системе человеческих ценностей. Материалы круглого стола // Человек. 2013. № 5. С. 21–30.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
13. Пакина Т.А. Трудовые ценности современной студенческой молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 162–168.
14. Атлас новых профессий. Вторая редакция. URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения: 23.06.2017).
15. Овчарова Т.Н. Триада эффективного образования: фундаментальность, компетентность, личностное развитие // Педагогика и просвещение. 2016. № 3. С. 317–326.
16. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/masla01/> (дата обращения: 25.06.2017).
17. Маклакова Е.А. Качество трудовой жизни как индикатор реализации трудового потенциала // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Вып. № 2. Т. 6. С. 37–47.
18. Карпова Е.А. Акмеологические основы самореализации личности в основных сферах жизнедеятельности человека // Психология человека в современном мире. Т. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 400 с.
19. Мирзоян В.А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 3–13.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
21. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
22. Чешев В.В. Антропологический смысл категории «деятельность» // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 22–33.
23. Полтерович В.М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.
24. Москаленко О.В., Миронова Г.В. Взаимосвязь профессиональной самореализации молодежи с процессами ее самоактуализации, самоопределения и самоэффективности // Мир психологии: Научно-методический журнал / Ред. Д.И. Фельдштейн. 2011. № 1 (6). Январь–март. С. 193–200.

PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF A PERSON AS THE EVOLUTION OF ONE'S SUBJECTIVE POTENTIAL

T.N. Ovcharova, A.O. Ovcharov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

We consider professional self-development as a person's activity, which is accompanied by changes in the person's subjective potential. This allows us to see the logic of the personality development in one's profession in a new way. The data of sociological research served as the basis for identifying the specific features of young people's labor motivation at the stage of professional self-determination, professional self-actualization and professional self-realization. Some contradictions between external societal and internal motivational and value factors of professional self-development have been revealed. The conclusion is drawn that the side effects and penalties of professional development at each stage are the result of a person's failure to fully realize one's ability to be the subject of this process. The proposed approach is of great importance not only for the theory of professional self-development of an individual, but also for solving practical problems of increasing the effectiveness of vocational education.

Keywords: professional self-development, subjective potential, work, motivation, values, professional self-determination, professional choice, professional self-actualization, professional self-realization, creativity.

УДК 316.3/4

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

© 2018 г.

М.А. Казаков

Казаков Михаил Анатольевич, д.полит.н., проф.; профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kazakov_mihail@list.ru

Статья поступила в редакцию 19.04.2017

Статья принята к публикации 15.01.2018

Цель статьи – прояснение содержания перманентно пробивающейся к своей реализации в политическом лидерстве тенденции персонификации, для чего в рамках его социальной парадигмы и развития в ней социокультурного подхода выделяются особенности проявления и восприятия данной тенденции, раскрывающие основные направления ее изучения. Персонификация как тенденция современного политического лидерства – признак нормального, полноценного функционирования феномена, не без изъянов в обуславливающих и производных переменных, мониторинг и прогноз которых – залог ее управления. Научная новизна работы – в уточнении имеющихся представлений о предмете, что дает возможность операционализировать теоретические исследования феномена, избежать формализации и узкой психологизации в последующих оценках его эволюции.

Ключевые слова: власть, изменения, политическое лидерство, личность, среда, персонификация власти, персонификация политики, персонификация лидерства, эволюция.

Актуальность темы определяется человеческим измерением тенденции, что сегодня неоднозначно проявляет себя в политическом лидерстве. Находясь в центре отношений власти, которые, как и другие виды социального взаимодействия людей, неизбежно опосредуются самыми разнообразными оценками и взглядами «ведущих и ведомых», создающих в их сознании персонифицированные, субъективные образы данных общественных связей, лидеры призваны не только вершить и воплощать власть, но и обновлять ее формы. Соотносимые, как минимум, с языком, понятным обеим сторонам общественного отношения, и формами культурного общения. В этом смысле современные аспекты лидерства пересекаются с пониманием информации и коммуникации.

Нельзя не упомянуть и три идеальных типа власти М. Вебера: индивидуализированную (персональную), институционализированную и персонифицированную, что отражает власть институтов в конкретных лидерах. С точки зрения биосоциологии, в том числе и такой, что все нации, страны, тем более цивилизации, развивающиеся в истории на основе своего генетического кода, никем и ничем кардинально иным... не станут [1, с. 618], «...значение отображенных форм властных отношений вторично. В функциональном же плане они играют определяющую роль в осуществлении власти... в значительной степени, изменяя характер объектив-

ных социальных взаимозависимостей между гражданами и институтами власти» [2, с. 47].

В этом отношении процесс эволюции отечественного политического лидерства, осознающего, что оно «является властью, осуществляемой «сверху вниз» [3, с. 5], – пример его неразрывной связи с феноменом власти. Она выражается в том, что структура этого лидерства не только шире иных его форм, создает определенный образ власти и общественного устройства, системы знаний и правил в нем. Но и, будучи сплавом ценностей, установок, необходимых для внутреннего согласования интересов и самоорганизации, есть *специфический тип отношения между субъектом и объектом*, соответствующий ему *род (качество) власти*, проявляющих себя через деятельность персон и группы, находящихся на вершине социальной иерархии (Т. Боттомор, Ю. Аверьянов) [4, р. 7; 5, с. 402–403], и готовых в достижении целей, важных для себя и других, к удержанию своих доминирующих позиций в обществе.

В чем сила лидерства и его проблемы в политике, связанной с *целестижением*? Но какую бы из них в соотнесении с реально действующим субъектом мы ни рассматривали, из смысла каких подходов к политике ни подходили, всюду видим столкновение *интересов* и моделей *влияния*, функционирующих в логике социальных *изменений*. Лидеры – не только носи-

тели разнообразия первых, но и очагов, пределов вторых, что отражают уровень их мышления и внутренний потенциал. В первом случае, как ведущие, они «тот социокритический интеллектуальный страт, благодаря которому зажигается факел прогресса, магнетически притягивающий взоры людей к себе, организуя их на конкретные исторические деяния» [6, с. 77]. Причем, как заметил В.О. Ключевский, одни заводят, а другие выводят их на покинутую временно историческую прямую [7, с. 316–317], при возможности «проскакивания» развилок и сегодня.

Своевременное определение пределов этих путей, связанных с ними общественных изменений, проявляющихся в установках лидеров и населения на принятие тех или иных ценностей, в готовности идти в направлении реформ, оказывается сопряженным с изучением лидерства как *субъекта трансформации*. Понимание неопределенностей, возникающих здесь в разных областях общества, недопущение их концентрации на практике путем снижения до уровня, обеспечивающего его функциональные потребности, требует от лидеров создания институциональных границ реформ, политических отношений на основе повторяющихся и персонально ориентированных действий. И это лишь видимая часть содержания второго случая политического лидерства.

Его персонификация в таком ключе определяется факторами антропогенеза (очеловечивания) и профессиогенеза (восхождения к высшему уровню профессионализма). В новейшей истории эта специфика наблюдаема с момента возникновения связи, когда власть делегируется объектом субъекту отношения добровольно, а объект, реализуя право отбора и выбора выразителя/представителя своего интереса, закрепляет тем самым его статус и полномочия. В этом смысле политическое лидерство – не только институт власти, детерминируемый отношениями ответственности перед электоратом (населением) за сделанный им выбор социального порядка. По Т. Парсонсу – один из основополагающих институтов политической системы [8, с. 97], но и персонально деятельностное начало власти, реализующее себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое (властное) первенство [9, с. 11]. Исходная этого начала – *личность* лидера.

Уместно вспомнить происхождение данного слова (от лат. *persona* – личность). Уже в Древнем Риме оно служило для обозначения специальной маски, используемой актером античного театра. С одной стороны, эта маска помогала ему: оборудованная специальным растробом, она усиливала звук голоса и доносила его до

аудитории. С другой стороны, она скрывала лицо актера под личиной персонажа. Этимология слова *persona* (*per* – через, *sonus* – звук) показывает, через что звук проходил, отчетливо выявляя и атрибутивную, и двойственную (способствование – препятствование) природу личности. Для чего и используется термин «сущность» (*essence* – бытие), являющаяся во взаимодействии, в том числе при помощи инструментария профессии.

Сущность индивидуального политического лидерства, доказывал в свое время автор, «триедина», «проявляет себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций», что «позволяет выдвинуть проблему выработки критериев зрелости (интегрированности) деятельности политических руководителей на основе оценки их личностной самостоятельности, статусного положения и доминирующих типов ценностно-смысловых ориентаций» [9, с. 11, 12]. Однако многое осталось за скобками. Представление «не каждый человек – личность» рождало в древности героическое видение царей и полководцев, позже – сакрализацию монархов и вождей, что при отсутствии реальных правовых рычагов контроля деятельности генсеков и президентов до сих пор сохраняет за вождизмом право считаться сущностью персонифицированной власти.

Оно служит оправданием манипулятивных практик в современном образовании и политике, когда из-за непрофессионализма отдельных членов организации, так или иначе отождествляемой с потенциальным лидером, в этих системах проявляются признаки нестабильности при реализации тех или иных политик. В этом контексте выработка адекватной концепции персонификации лидерства – путь интеллектуальной борьбы и взаимосвязи различных парадигм. Здесь же стоит отметить и значение социокультурного подхода, что связано с изучением реальной политической культуры в контексте происходящих в обществе изменений и обратного воздействия субъективных факторов на социальные процессы.

В их числе и усиление личностного фактора в структуре современной власти, что, отражая изменения в социальной среде, сделало актуализацию *персонификации* (с акцентом на «персоне – личности», «лице – лице», «*fasere* – делать») востребованной. А ее отличие – стремление человека быть *самим собой*, в соотношении с деятельностью лидеров – специфической стороной политической реальности. В персонификации как таковой происходит рост *индивидуации* человека – *связи личности с самостью*,

высокими идеалами – Богом (К. Юнг) [10, с. 298, 314], ослабление противостояния личности и тени в личности человека, отказ от ее фасадов. Протекающий по восходящей линии процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур. Увеличивает степень *позитивности, эмпатичности и конгруэнтности* человека (К. Роджерс) [11, с. 156–160], что и являются ее параметрами. Включенные же в процессы лидерства, они позволяют «ведущим» развивать и полнее реализовывать свои возможности, что можно анализировать с позиций социологии.

Там, где обыденное, ненаучное знание видит причины, политологи и социологи усматривают следствия, свидетельствующие о социальных сдвигах и тенденциях. В конечном счете, «наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой всего лишь частный случай более сложной антропологической реальности, а именно того, что человек есть живое существо, причем единственное, обитающее в *искусственной среде*» [12, с. 21]. Лидеры – не исключение. Но чтобы определиться с их новой политической миссией, в рамках которой лидерство и предстает персонифицированной совокупностью социальных ролей, необходимо свести несколько исследовательских линий в нечто целое в контексте главного «нерва» эпохи.

Им является общемировой политический тренд – изменение роли государства и иных институтов, трансформации их сущности и форм, что меняет не только структуру политического рынка, но и его эффективность в ответах на вызовы современности. Сегодня все (группы, институты) шокированы царящей в ней *неопределенностью*, но реагируют по-разному. Государства перекалывают вину за ее усиление друг на друга. Элиты не справляются со своим предназначением ее обуздания. Партии, утрачивая представительство, «сами являются продуктом управления». Число реально противодействующих вызовам равно числу тех, «кто на законных основаниях осуществляет политическую власть» [13, с. 167]. Это лидерская группа.

Те же, кто в нее не входят, противопоставляя между собой, используют в информационно-коммуникативном пространстве, по сути, одинаковые методы, понятия, техники. Разница состоит в том, что «на Западе» «демократический метод – это такое институциональное устройство, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» (написано Й. Шумпетером в 1942 г.) [14, с. 524]. И здесь

же он говорит, что лидерство *есть нечто значительно большее, чем личные качества человека*, так же как *функционирование и достижения этого метода в реальности гораздо важнее исполнения общей воли*. Через раскрытие феномена лидерства можно прояснить то, откуда возникает идеология, что потом «возводится в ранг воли народа – не вытекает из их инициативы, но формируется... и это важнейшая часть демократического процесса» [14, с. 346].

У нас – «...такие понятия как «демократия», «выборы», «право», «свобода», имеют в современной России по-прежнему характер инструментальных понятий, создающих видимость, но ничего не определяющих»; «Несмотря на достижения новых технологий, главными техниками остаются полуправда, формирование повестки, способы подачи информации»; «Принимая во внимание... эти действия, решающим фактором в политической борьбе... видится не информационный фасад, а административный ресурс» [15, с. 104]. Аргументированно оппонировав по этим и другим пунктам, В. Никонов пишет: «Сами Путин и Медведев уверены, что демократия в России существует, пусть и в не идеальном виде (а где она идеальна?)» [16, с. 397].

По мере осознания этого дихотомия «авторитаризм – демократия» стала если не сходить, то «осторожнее» объяснять постсоветское лидерство. С разницей в акцентах, за рубежом – в комбинированных факторах «выживания авторитаризма» (Д. Браунли, С. Левицки, Л. Уэй) [17, с. 100] в *сложно организованных средах*. У нас, на переходности в них как местах, где происходит функционально мотивированное, информационно-коммуникативное, ценностное упорядочивание социальных отношений. С неким общим вектором в методологии при отличиях в ракурсах исследования. Так, в качестве теоретического подхода все шире, например, используется синтез *конструктивизма* и *инструментализма*. Первый понимает лидерство как социальный конструкт, принуждая аналитика не забывать об идейно-ценностной составляющей, что воспроизводится в практиках. Инструментализм позволяет в процессе социального конструирования выделять заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии. Значение потенциала публичного лидерства здесь видится в качестве одного из ключевых ресурсов устойчивого развития общественно-политической жизни. Среди авторитетов конструктивизма отметим П. Бергера, Т. Лукмана [18], Ф. Барта [19], Б. Андерсона [20], П. Бурдые [21]; инструментализма – Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера [22], Р. Уортмана [23]. Метод апробирован на российском материале.

В центре работ, рассматривающих политическое лидерство РФ через персонализированный фокус, с одной стороны, немало исследований феномена в политико-психологических аспектах массового восприятия политических деятелей (Е.Б. Шестопап [24], Н.Г. Щербинина [25]), в стратегиях имиджево-репутационной политики, особенно. Менее скромно изучение политического лидерства в актуальном региональном контексте (Н.А. Баранов [26], К.С. Идиатуллина [27]), несколько активизировавшееся на модернизационной волне. С другой стороны, лишь набирает силу «персонализированный» срез лидерства на материалах процессов конструирования идентичности, в том числе «на местах». Но практически слабо изученным он остается в проблемном поле «превращенных форм» публичной политики и ее символично-смысловой сферы (О.Ю. Малинова [28], Э.А. Паин [29]).

В критериях эффективности также мало что принципиально изменилось, если не считать, что в рамках «возможностного подхода», поддерживаемого Программой развития ООН [30], ключевым индикатором развитости общества является возможность выбора человека. Развитие понимается как «расширение свободы», которое есть его цель и одновременно средство на пути преодоления ограниченности выбора [31, с. 197]. Но не надо забывать и об управлении свободой [32, с. 96–98], с навязанной нам не столько идеологической, хотя от этого не уйти, сколько информационной войной [33, с. 85]. В этой ситуации наша социальная наука парадоксальным образом преуспела в адаптации зарубежного опыта к кризисному фону политики, нежели в создании концептуальной базы посткризисного лидерства. Актуально, в связи с чем, внимание к смене условий, в соответствии с которыми происходит наделение лиц полномочиями, а посредством их слияния с индивидуальными качествами лидера – *персонализация власти* [34, с. 113].

Как тенденция она осуществляется при определенных обстоятельствах, и потому начнем с их разбора. В массовом сознании, если в нем кем-то к этому стимулируется интерес, «персонализация» воспринимается с момента взятия лидером какой-либо определяющей позиции (мэра, губернатора), ассоциации с ней возможностей достижения, трансляции узнаваемости «себя в мире». Однако это не персонализация, а персонализация, создаваемая отграниченностью индивидуума от других, обретением особой оболочки, что обозначает его как персону, или маску. С ней лидер может долго жить и действовать. Пока (в силу разных причин) он сам либо кто-то иной не догадается с него ее

снять или «сорвать». Личная драма, если за ней кроме активов – пустоты души.

Когда же лидер сам (пусть исподволь) сдвигает маску по горизонтали или утончает роль персоны по вертикали – это некий старт персонализации, что в социальном контексте, как умно подметил О. Уайльд, означает: «Будь самим собой. Прочие роли уже заняты» [35]. Постановка подобного тренда переводит проблематику лидерства, а шире – элитизма, в плоскость исторической динамики и влечет за собой ряд вопросов. Один из них неоднократно ставит политология: может ли внутренняя эволюция сама по себе вывести лидерство или элиту к нормальному состоянию, сопоставимому с нуждами общества?

Автору он был поставлен научным руководителем еще в аспирантуре МГУ в 1989 г. Из чего в новизне диссертации появились «уточнения представлений о сущности политического лидерства как персонализированного образа власти». А в конце работы – суждение о том, что «изменить социокультурные параметры отечественного лидерства представляется возможным только на протяжении длительного времени и, видимо, на базе другой генерации лидеров, менее склонных к радикализму. Лишь в условиях углубления и расширения демократических преобразований в России политиков, движимых утилитарными и патриархальными представлениями о власти, сменят те, для кого источником их политического лидерства является суверенная воля народа» [9, с. 10, 21]. Это вошло в лейтмотив этапа становления отечественной политологии, трансформируясь вместе с ней, в более адекватные версии теории лидерства [36].

Ныне одна их ветвь ушла в когнитивную сферу политики, внутренние механизмы мироориентаций лидерства. Другая, более продвинутая их часть, в русле консьюмеризации политической среды все теснее стала смыкаться с феноменом *медиатизации политики* («государство-спектакль» или «PR-государство»), что, в свою очередь, связано с развитием средств массовой коммуникации. На фоне реального сокращения дистанции между властями и массами лидеры, *старанием СМИ*, поддерживаемых определенной группой элиты, стали выступать в образе живых людей, наделенных в соответствии с традициями особыми полномочиями и функциями. В частности, именно поставляемый ими материал о месте и роли лидеров в стране создавал субстанцию их образа, а потом уже имиджа, получавшего поддержку избирателей. Такой алгоритм С.Н. Пшизова считает российской спецификой. И таких особенностей, связанных с преобладанием того или иного инсти-

тута (сегодня это внутрикорпоративный политический консалтинг), наберется немало.

Обратимся к *эволюции самой тенденции*. Персонализация лидерства, имея своим источником многоликость власти, не исключает воздействия на ее формирование иных (в том числе негативных) форм власти и других институтов с учетом их цивилизационного контекста в закреплении власти. Как тенденция она «живуча», чередуя в основании то потребности субъекта власти в образе, отображающем связи ведущего и ведомых, то объективные вызовы организованных систем. В первом случае, выступая от имени группы (элиты), лидер осуществляет ее представительство (реальное или символическое) во взаимодействии с другими особыми группами, в том числе религиозного типа. Образ лидера при стечении обстоятельств становится элементом создания групповой идентичности, «важнейший аспект ее оформления – персонализация в каком-либо личностном образе» [37, с. 75]. Во втором случае к ним, как минимум, относится потребность в самоорганизации, упорядочении действия (поведения) иных элементов системы в целях обеспечения ее стабильности.

По мере усиления потребности системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях, их осознания в форме коллективных целей (идеологии) спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышается. Субъективные аспекты такого выделения наглядны в переходных ситуациях (мандат на «чрезвычайное управление», конфликт «групп интересов» и т.д.), когда сосредоточением исторического виража выступают индивидуальные способности, готовность человека к возложению и выполнению роли лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны группы, организации, общества. Эффективность коллективных действий требует от ведущего более четкой структуры специализации, оперативности управления, иерархии подчинения, формально-юридического закрепления его легитимности.

«Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [38, с. 33]. Концентрация власти в их руках нередко приводит к тому, что персонализация лидерства подменяется его персонализацией (вплоть до «культы личности») в условиях тоталитарного режима,

что, безусловно, отдельная история. Но опыт позволяет говорить, что уже на «разноскоростном» этапе перехода от него возникает потребность не только в *иной* институционализации лидерства, но и его персонализации.

Институционализация лидерских позиций находит отражение в понятии «формального лидерства». Отмеченное рационализацией властных отношений, оно представляет собой приоритетное влияние некоего лица (группы) на членов организации, закрепленное в ее нормах/правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах. Однако так как достижение этого – полнокровный, системный процесс, связан он не только с профессионализацией, но и с персонализацией в зависимости от времени и социокультурного контекста в цикличности политического развития, «оборачивающейся» еще и деперсонализацией. На практике – это различные феномены, знаковые для политического процесса. Деперсонализация (с развенчанием мифов прежних вождей и их клиентел) – примета переустройства России 90-х гг. XX века. Персонализация в многообразии проявлений – черта политической жизни современной РФ. Объективно, проявления эти тоже разного качества. Но фиксируемые и оцениваемые, они лишь подтверждают взгляд на механизм эволюции самой тенденции.

Ее содержание проясняется на этапах самоопределения и самоорганизации лидерства в условиях современности [39, с. 75], когда изучение проблем его трансформации в русле новых подходов (в рамках той же социальной синергетики) вновь оказывается рефлексией особенностей проявления/восприятия «личностного начала», применительно к когнитивным процессам, «личностность» в синергетическом контексте, – пишут В.И. Аршинов и В.Г. Буданов, – характеристика, от этого контекста неотделимая, более того, его, этот контекст, порождающая и определяющая» [40, с. 69]. «Субъектность» процессов социальной самоорганизации, – уточняет А.В. Дахин, – означает, что непременным фактором их протекания является субъективная воля, мотивация, телесная архитектура социального субъекта. ...Точнее говоря, социальная самоорганизация нового актора проявляется как становление: а) самого *актора*, его идентичности, статуса, структуры его телесности; б) пространства активности актора» [41, с. 14], в строении которого («центр – периферия» и т.п.) она и реализуется.

Процесс уточнений на этом не заканчивается, но уже позволяет перейти к проблематике изменений лидерства в конкретных простран-

вах, типах власти, устанавливающихся в определенных обществах. Они не только раскрывают важные стороны явления, но и порой меняют представления о национальном лидерстве, становясь основой более четкой его теоретической модели, что объясняет природу политики и власти не только в настоящем, но и на шаг вперед. Начнем как учил Р. Арон, с фактов, близких нашей теме, и прежде всего с того, что в мире политики формальный аспект, пребывая ведущим, испытывает проблемы. При упомянутой выше неопределенности, сказывающейся на состоянии политической системы, ее идеологии, культуре, партийной сфере (А. Панебьянко, П. Мейр), поведении избирателей на выборах (М. Кинзо, В. Гончаров) [42], все заметнее выступают черты персонализации политики.

«...Партии превращаются в модель «catch all party» с размытой социальной базой и еще менее четким идеологическим базисом. Изменяются и факторы, влияющие на электоральное поведение: избиратели принимают решения, основываясь не на рациональном обдумывании программы кандидата или партии, а на личной симпатии к человеку, выдвинувшему свою кандидатуру на выборах. В этой связи и появился термин «персонализация политики»: избиратель оценивает политического лидера не столько по конкретным решениям, сколько по личным характеристикам, испытывая симпатию или антипатию к его персональным качествам» [43, с. 82]. Понимание этого процесса нам представляется более глубоким по содержанию и структуре, как минимум, по трем причинам. Во-первых, это отражение той самой развилки в выборе сценария национального развития. Во-вторых, это формирование адекватного «национального идеала» и поиск его инструментария в виде политологии и социологии как мировых наук. В-третьих, это спрос на исследователей, экспертов, работающих на стыке дисциплин и осознающих смысл их изучения в рамках прикладных отраслей, способных трансформировать идеи в технологии, в частности, мобилизации. Так, Дж. Маццолени выдвинул в начале XXI века тезис о том, что во многих демократических странах «персонализированное лидерство» – главная черта современного политического процесса. И именно оно влияет на политическое поведение людей [44] в связи с изменениями институциональной среды политики, структурных компонентов лидерства, обусловленных культурой. Ранее в соавторстве с В. Шульцем он написал работу о медиатизации политики (1999 г.), давшую старт широкой дискуссии на Западе.

Тем самым они расширили тему и одновременно активизировали адаптацию действующих

политических институтов к последующему кризисному контексту. *Персонализация лидерства как тенденция* оказалась связанной в своем влиянии на политическое поведение социальных групп не внутренними изменениями феномена, а зависимостью от степени проникновения СМИ в частную жизнь граждан. В российской науке это явление «предали гласности» в 1989 г., в нашумевшем тогда сборнике статей «Тоталитаризм как исторический феномен». В начале 1990-х гг. тема уже в разных форматах была заявлена в публикациях В.В. Ильина, Ю.А. Левады, А.С. Панарина, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, А.Б. Орлова, Е.Б. Шестопал и других [45]. А осмысление отечественного опыта трансформации СМИ нашло отражение в концепции медиакратии.

По мнению ее автора А.И. Соловьева, *медиакратия* представляет собой «не что иное, как особую форму исторической эволюции политического пространства и организации публичной власти...». При ней «СМИ, а также иные конструкты массовых сообщений выступают ключевыми посредниками в системе представительства гражданских интересов и оказывают решающее влияние на принятие государственных решений» [46, с. 226]. Интерпретаций на этот счет также достаточно. Выделим лишь, что вектор воспроизводства исследуемой тенденции на современном этапе оказался перехвачен СМК и маркетинговыми технологиями. Их совокупный медиапродукт превратил сферы социума в символическую среду, что формирует представления о реальности с позиции доминирующей группы.

В условиях глобализации властные институты и политические организации вынуждены в своей деятельности опираться на аудитории телевидения и Интернета, взаимодействуя с медиакратией, в персональном раскладе являющейся «50 на 50» лицами, назначенными крупным бизнесом и высшей властью. Но перемещение СМК в центр политического поля, обретение ими новых функций, не «мешает» лидерству на государственном уровне (или корпораций) проводить свою политическую линию, что не так очевидно в разных странах. Отдельного лидера при этом и, прежде всего, личность политика оценивают ныне более критично, причем иногда в большей степени, чем его решения, в широком диапазоне учета обрамляющих его поведение структурных звеньев, причин и условий. Сегодня сюда входит не только анализ процессов персонализации политики и власти, образов страны, политиков, партий, но и *трансформаций форм правления, разновидностей политики*, которые нередко скрываются за фасадом имиджа.

Особенно этот анализ ныне касается тех теневых структур, что доходят до сознания граждан уже устоявшимися «превращенными» формами (в виде клиентел, кланов и фирм), а значит, имеющих предысторию. Чаще всего она характеризует, как наряду с публичными видами взаимодействия конкретными субъектами в определенное время и определенном месте допускалось доминирование в процессе принятия решений различных неформальных групп и связей. Примеров из современной жизни предостаточно. Сегодня, когда новый запрос на лидерство исходит от президента РФ и проявляется в курсе на омоложение корпуса публичных политиков, интереса к личностям, что могут принести новые идеи и сплотить региональные элиты [47, с. 6], персоналистский идентификатор – ясен и понятен. Функцию центра, организующего нацию, выполняет В.В. Путин. А кто и каким образом на других уровнях власти? Эти и другие вопросы – тема следующей теоретической статьи.

Персонификация как тенденция современного политического лидерства, таким образом, признак нормального, полноценного функционирования феномена. Специфика ее проявления состоит в персонализации политического продукта лидера как востребованного решения общественной проблемы, его восприятию как общего блага, достижение которого в данном случае осуществляется через персонификацию образа лидера, его политики и власти. Управление ею – это учет внешних и работа с внутренними факторами, влияющими на динамику тенденции, мониторинг управленческой среды, активных действий лидера и их прогнозирование, направленных на устойчивое развитие национальной идентичности.

Проблемная часть изучения персонификации лидерства связана с выявлением и оценкой альтернативных моделей требований системы и ожиданий общественного мнения, где подлинный лидер всегда находится в центре событий, несет ответственность за их последствия. И у него, условно, есть все, включая власть, образ, имидж, что может, при скрываемом отсутствии воли, препятствовать проведению эффективной политики. При наличии воли и открытости власти – обеспечивать ее социальный успех.

Список литературы

1. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. 672 с.
2. Соловьев А.И. Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многоликая. Российское философское общество, 1992. 184 с.

3. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992. 135 с.
4. Bottomore T.B. Elites and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1976. 160 p.
5. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во МКУ, 1993. 431 с.
6. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999. 431 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
8. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
9. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: Автореф. дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. М.: МГУ, 1993. 22 с.
10. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
11. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
12. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр., предисл. А.Б. Гофмана. М.: Изд-во «Весь мир», «ИНФРА», 2001. 406 с.
13. Пшизова С.Н. Спин-контроль в системе политических коммуникаций // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы Восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. 326 с.
14. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
15. Урсу Н.С. Внутренний контур национальной безопасности // Национальная безопасность. 2012. № 1(18). С. 102–105.
16. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015. 880 с.
17. Крастев И. Парадоксы нового авторитаризма // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3-4 (52). С. 96–105.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 324 с.
19. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
21. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
22. The Invention of Tradition / Eds. by E. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge, 2003. 320 p.
23. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (в 2 томах). М.: ОГИ, 2004. 597 + 797 с.

24. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
25. Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства. М.: Весь мир, 2004. 184 с.
26. Баранов Н.А. Особенности политического лидерства в современной России // Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3 ч. СПб.: БГТУ, 2004. Ч. 1. 124 с. Ч. 2. 183 с. Ч. 3. 167 с.
27. Идиатуллина К.С. Политическое лидерство в институциональном дизайне национальных республик Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 66–79.
28. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
29. Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. 320 с.
30. UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report. New York: Oxford University Press, 1990. 141 p.
31. Савельев Ю.Б. Критерии модернизации в 21 веке: эмансипационные ценности и социальное включение // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. 696 с.
32. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: Изд-во «Комкнига», 2005. 268 с.
33. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6(39). С. 82–87.
34. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2009. 395 с.
35. Уайльд О. Мысли, афоризмы и фразы / Сост. К.В. Душенко. М.: Эксмо, 2013. 368 с.
36. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 288 с.
37. Евгеньева Т.В. Технологии социально-политических манипуляций. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2010. 90 с.
38. Норт Д. Институты, институциональные начала и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 112 с.
39. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: Монография. Н. Новгород: НГТУ, 2004. 332 с.
40. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 65–108.
41. Дахин А.В. Сценарии региональной модернизации в современной России: Практикум когнитивного моделирования. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. 124 с.
42. Иванов В.К., Гаганова Е.В. Развитие внутрикорпоративного политического PR-менеджмента в современной России // Право и управление. XXI век. 2015. № 3(36). С. 39–44.
43. Касамава В.А., Сорокина А.А. Персонифицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 81–94.
44. Mazzoleni G. A Return to Civic and Political Engagement by Prompted by Personalized Political Leadership? // Political Communication. 2000. Vol. 17. Iss. 4. P. 325–328.
45. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология / Под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1995. 254 с.
46. Соловьев А.И. Медиакратия // Политология. Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. 800 с.
47. Дахин А.В., Казаков М.А., Макарычев А.С. и др. Перспективы стратегии публичной политики губернатора Нижегородской области: аналитические оценки, общественное мнение, тенденции. Аналитический доклад / Под ред. А.В. Дахина. Н. Новгород: НИЦ СЭНЭКС, НИЦ «ЭОН», 2010. 35 с.

PERSONIFICATION AS A TREND OF MODERN POLITICAL LEADERSHIP: SOME CHARACTERISTICS OF ITS MANIFESTATION AND PERCEPTION

M.A. Kazakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to clarify the content of the trend that finds its implementation in political leadership. For this purpose, within the framework of its social paradigm and the development of the sociocultural approach, features of the manifestation and perception of this trend are identified that reveal the main directions of its study. Personification as a trend of modern political leadership is a sign of a normal and meaningful functioning of the phenomenon, and although it may have some flaws in its determinant and derivative variables, the monitoring and forecasting of these variables is the key to controlling it. The scientific novelty of the work consists in clarification of the existing ideas about the subject, which makes it possible to operationalize the theoretical studies of the phenomenon, to avoid formalization and narrow psychologization when assessing its evolution.

Keywords: power, change, political leadership, personality, environment, personification of power, personification of politics, personification of leadership, evolution.

УДК 316

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ДЕТЕЙ КАК СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

© 2018 г.

А.К. Полянина

Полянина Алла Керимовна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Alker@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 04.08.2017**Статья принята к публикации 30.01.2018*

Предпринимается попытка определения системы информационной безопасности детей как объекта социологического исследования. Приводятся основные факторы, обуславливающие проблему информационной безопасности детей на современном этапе развития информационных технологий. Обосновывается системный подход к изучению феномена информационной безопасности детей в форме социального взаимодействия субъектов с соответствующими структурными связями. Методологической базой послужили выводы психологических исследований влияния массовых коммуникаций на сознание человека, основные положения киберонтологии – междисциплинарного подхода к изучению проблем безопасности интернет-среды, а также основы системного подхода в социологии. Исследование системы информационной безопасности как субъект-объектного феномена осуществляется через изучение процесса взаимодействия социальных субъектов, таких как учреждения массмедиа, родительская общественность, образовательные организации, некоммерческие организации, органы государственной власти и другие, в свою очередь, представляющие собою подсистемы, а также посредством оценки результатов управленческих решений субъектов. Утверждается, что согласованность управленческих функций одного субъекта с теми же функциями другого субъекта является одним из показателей эффективности управления системой информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, психологическое благополучие, здоровье, интернет-коммуникации, массмедиа, системный подход, социальная ситуация развития, киберонтология.

Введение

Научно-технический прогресс в большинстве развитых стран стал причиной появления неизвестных ранее человечеству факторов риска, включая, наряду с сокращением общей физической активности, появление зависимости от потребления информации, зачастую не имеющей отношения к насущным потребностям человека. Гипертрофированная потребность в информации обусловлена появлением новых форм информации и форматов социализации личности. Этот факт прежде всего отрицательно влияет на детей, чья психика является уязвимой в связи с недостаточной сформированностью способности адекватно перерабатывать информацию.

В настоящее время основным игроком на рынке информационных услуг являются массмедиа. Именно массмедиа, включая печатные издания, телевидение, радио, кинопроизводство, музыкальные произведения, театр и т.д., формируют социальные установки и являются средством пропаганды и идеологизации. Сужение пространства локальной коммуникации происходит за счёт расширения сферы массмедиа, а также интернет-коммуникаций. Влияние Интернета и мобильной связи на социаль-

ное общение можно назвать революционным, трансформирующим все известные аспекты социального взаимодействия. Массовые коммуникативные процессы осуществляются в виде блогов, форумов, чатов, социальных сетей, мессенджеров и т.д. Одной из главных особенностей социального общения посредством сети Интернет выступает возможность нивелировать временные и географические границы, а также создавать анонимные профили как аналог личности в условиях сети. Именно анонимность предоставляет небывалые возможности для реализации многими людьми табуированных обществом желаний и интересов. Это обстоятельство позволило обозначить интернет-коммуникации как сферу коммуникационного поведения, лишённого контроля со стороны сознания [1].

Как отмечает известный исследователь воздействия информационных технологий на состояние человека А.Е. Войксунский, под влиянием информационно-коммуникационных технологий происходят такие негативные трансформации личности ребёнка, как крайние формы увлечения компьютерными играми; аутизация (замкнутость и неразговорчивость, невнимание к другим людям и отсутствие интереса к

ним); дисинхрония (неравномерность) развития (например, опережение развитием интеллектуальной сферы развития навыков социального взаимодействия). Негативные преобразования мотивационно-личностной сферы современного человека повлекли появление широкого спектра группировок «фанатов» в связи с приобщением к конкретным компьютерным играм, фильмам и т.д. и совершение такими фанатами противоправных и даже трагических действий. Войксунский отмечает, что зачастую членство в «виртуальном» сообществе оказывается важнее семейных и дружеских отношений [2, с. 38]. А В.А. Плешаков утверждает, что «для обеспечения сохранности психики в условиях информационного бума, современному человеку необходимо селективное восприятие информации: избегание «спама», актуализация личностно значимой и профессионально ценностной информации» [3]. Изучаемый им феномен киберонтологии как нельзя лучше выражает интегральный подход к проблеме информационно-психологической безопасности личности, поскольку определяется как «бытие человека в киберреальности (компьютерные игры, интернет), детерминированное условием развития самосознания и мотивационно-потребностной сферой личности, а также комплексом факторов социальной среды» [3]. Действительно, перенасыщение информацией есть главная причина стресса и невроза современных детей и подростков, а потому актуализирует проблему обеспечения информационной безопасности в киберпространстве, особенно учитывая лавинообразный технический прогресс в этой сфере.

Интернет-пространство с присущим ему отсутствием жёсткой цензуры охватывает зачастую целиком процесс социализации ребёнка, трансформируя традиционные каналы коммуникации и этапы знакомства с той социальной и индивидуально важно информацией, которая может быть востребована им в жизни значительно позднее. С этим связано возникновение проблемы регулирования потребления информации детьми и необходимости выработки новых требований к информационной продукции с целью защиты детей и подростков от вредной информации. Феноменом, синтезирующим разнообразные аспекты данной проблемы, выступает так называемая информационная безопасность. Следует отметить, что информационная безопасность чаще всего понимается как явление, имеющее отношение к угрозам, связанным с информационными технологиями (ресурсами), представляющими какую-либо охраняемую тайну. Однако информационная безопасность детей и подростков сфокусирована прежде все-

го на обеспечении развития детей, создании условий социальной среды развития. Информационная безопасность ребёнка является одной из основ его психологической безопасности. Психологическая безопасность есть такое состояние среды и условий жизнедеятельности человека, которое предполагает целостность, адаптивные возможности и развитие [4]. Готовность человека правильно реагировать на неблагоприятные внутренние и внешние воздействия также относится к информационной безопасности [5].

Исследователями отмечается, что нарушение информационной безопасности может возникнуть в случае негативного информационного воздействия или дефицита необходимой информации. Феномен безопасности относится к ситуации, которая возникает в результате взаимодействия детей и взрослых на фоне «предметно-исторической культуры», то есть так называемой социальной ситуации развития. Таким образом, информационная безопасность детей является системным объектом. Информационная безопасность в данном случае предполагает безопасность как в целом социальной ситуации развития ребёнка, так и её компонентов и контекстов, которые могут быть угрожающими или способствующими развитию, а также модифицирующими развитие [6]. Средства массовой информации выступают важным фактором социальной ситуации развития наряду с такими, как образовательные учреждения, семейная ситуация и др.

Состояние защищённости ребёнка от негативного воздействия информации на его здоровье и развитие, а также создание условий для позитивной социализации личности посредством информационной продукции есть цель обеспечения информационной безопасности. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки критериев оценки информационной продукции и требований к уровню безопасности такой продукции. Критерием психического здоровья является способность человека к адекватной регуляции своего поведения, то есть такого контроля над своими действиями, который соответствует норме в конкретном обществе. Однако состояние психического здоровья не гарантирует отсутствия нарушений так называемого психологического благополучия, достаточно широкого понятия, включающего эмоциональное благополучие, отсутствие тревожности, подавленности и т.д. Психологи отмечают, что длительное психологическое неблагополучие создаёт предпосылки для психических заболеваний. При этом детская психика наиболее уязвима, поскольку является развивающейся, имеет высокую сензитивность, готовность к сохранению впечатлений, не критичность восприятия,

внушаемость, сильную способность к эмоциональному отклику, тенденцию к подражанию и имитации при неразвитой способности к дифференцированному отношению к реальности, то есть возможности отделить виртуальную реальность от действительной. Поэтому та информационная продукция, которая может не причинить вреда развитой психике взрослого человека, способна повредить здоровью и психологическому благополучию ребёнка.

Воздействие информации, в частности деятельности средств массовой информации, в контексте информационной безопасности детей и подростков необходимо оценивать с позиции потенциальных угроз их психическому здоровью, развитию и психологическому благополучию. Наибольшую опасность в данном случае несёт сверхэмоциональная, пугающая, двусмысленная и противоречивая, антисоциальная и ненормативная информация. Не секрет, что этот контент является подавляющим контентом медийной информации. В детстве формируется способность к ценностной регуляции своего поведения, поэтому трансляция искажённых ценностей может иметь необратимые последствия для самодетерминации становящейся личности. Девальвация традиционных ценностей препятствует социальной адаптации ребёнка, интеллектуальные компетенции которого ограничены возрастом.

Теоретико-методологические подходы

Изучение информационной безопасности в фокусе обеспечения психологического здоровья и благополучия в социальных науках нашло выражение в ряде исследований, посвящённых её теоретическому обоснованию и анализу практического значения в различных аспектах: правовом, психологическом, политологическом. Имеются социологические исследования, направленные на выявление отношения общественности, в том числе родительской, к вопросам контроля информационных потоков [7] или, например, на анализ искажающего влияния СМИ на процесс инкультурации [8]. Однако подходы к проблеме обеспечения информационной безопасности детей с точки зрения социологии управления находятся на начальном этапе.

Исследование проблемы информационной безопасности с позиций социологии управления предусматривает системный подход, выявление многообразия взаимосвязей элементов, иерархии подсистем и сведение их в единую теоретическую концепцию. Также такой подход предполагает рассмотрение информационной безопасности с точки зрения её включения в другие, бо-

лее объёмные системы в тесной связи с конкретным культурно-историческим контекстом. Системный подход означает выявление логических и функциональных отношений между элементами системы информационной безопасности при учёте субъективных интерпретаций результатов эмпирических исследований и влияния процессов различной природы. Особое значение имеет принятие во внимание динамического характера системы информационной безопасности и возможности перехода в состояние опасности при изменении компонентов системы [9].

Применительно к проблеме информационной безопасности детей системный подход позволяет исследовать внутренние и внешние взаимосвязи различных субъектов при признании единства и неразрывности экономической, социальной, политической и экологической среды современного человека. Феномен информационной безопасности детей и подростков является системным, поскольку включает различные уровни деятельности субъектов безопасности, в качестве которых может вступать сам ребёнок, социальная группа, общество в целом, государство, мировое сообщество. Каждый субъект является собирательным и потенциально может включать большое число конкретных единиц (родители, школа, союзы, ассоциации, органы государственной власти, должностные лица и т.д.). Исследователи отмечают, что безопасность субъекта имеет активную и пассивную составляющую. Деятельностью субъекта информационной безопасности является активная составляющая, а пассивная рассматривается, с одной стороны, как условия самореализации и развития субъекта, а с другой – как предмет деятельности субъекта вышестоящего уровня.

Разработанная Ю.П. Зинченко комплексная модель безопасности может быть использована при исследовании информационной безопасности детей и подростков и с точки зрения социологии управления при внесении соответствующих дополнений. Данная модель предусматривает уровни системы безопасности, функционирующие в соответствии с принципами опосредования, интериоризации, сигнификации и сигнализации. Так, принцип опосредования используется для объяснения роли СМИ как «посредников» при формировании индивидуальных и социальных установок, трансляции ценностей. Принцип интериоризации позволяет оценить влияние интернет-коммуникации на процесс инкультурации. Принцип сигнализации помогает раскрыть значение символов и знаковых систем, имеющих сегодня широкое распространение в информационных технологиях и коммуникациях, как детерминирующих поведе-

ние социальных субъектов. Поскольку проблема информационной безопасности рассматривается с позиций социологии управления, предлагается дополнить эти принципы принципом мотивации, рационального подбора, подготовки и расстановки кадров, принципом обратной связи.

Результаты

Управление системой информационной безопасности детей в фокусе социологии управления рассматривается в качестве воздействия на неё определённых субъектов с целью обеспечения её успешного функционирования, а также в качестве особого типа социального взаимодействия с соответствующими устойчивыми формами. Исследование системы информационной безопасности как субъект-объектного феномена осуществляется через изучение процесса взаимодействия социальных субъектов, в свою очередь, представляющих собою подсистемы (например, учреждения массмедиа, родительская общественность, образовательные организации, некоммерческие организации, органы государственной власти, наделённые полномочиями надзора и контроля за исполнением законодательства в сфере защиты детей от негативной информации), и оценки результатов управленческих решений.

Каждый субъект реализует такие классические функции управления, как планирование, организация, мотивация, контроль, и согласованность данных функций одного субъекта с теми же функциями другого субъекта является одним из показателей эффективности управления системой информационной безопасности. В ракурсе социологии управления внимание обращается на социальные взаимосвязи при осуществлении субъектами данных функций управления. Как отмечалось выше, информационную безопасность схематично можно представить как состоящую из двух элементов: 1) состояние защищённости от информационных угроз; 2) расширение позитивной информационной среды. Управленческие усилия субъекта, таким образом, имеют двунаправленный характер либо в зависимости от особенностей субъекта предполагают достижение результата в рамках одной из этих двух составляющих. При этом исполнение каждой указанной функции может предполагать использование организационно-административного, экономического или социально-психологического механизмов.

Например, реализация родительской ответственностью, как одним из субъектов системы информационной безопасности детей, такой функции, как организация, может осуществляться в виде организации мероприятий, на-

правленных на защиту детей от вредной информации, при использовании организационно-административного метода управления как применение нормативно-правовых актов в сфере защиты детей от информации, а также при использовании собственного социального статуса в образовательных учреждениях как одного из институтов гражданского общества и органах публичной власти. Организация таких мероприятий может иметь просветительский характер, а может иметь целью пресечение конкретного нарушения законодательства в сфере защиты детей от информации путём обращения в соответствующие органы для последующего реагирования. Исследование взаимоотношений представителей родительской общественности с представителями, в частности, образовательных организаций выступает предметом изучения управления системой информационной безопасности с точки зрения социологии управления. Такие взаимоотношения могут формироваться по поводу инициирования всевозможных мероприятий в рамках школьных родительских собраний с целью информирования родителей и педагогов о проблемах защиты детей от вредной информации. При этом вариантами таких взаимоотношений может быть сотрудничество, поддержка или игнорирование проблемы со стороны администрации образовательных учреждений. Выявление причин и факторов установления тех или иных отношений, способствующих или препятствующих обеспечению информационной безопасности, результативность принимаемых решений входит в предмет исследования.

Обобщение практики взаимодействия субъектов управления, в приведённом примере – школы и родительской общественности, выступает при этом одной из задач исследования. Разумеется, такие взаимодействия настолько разнообразны, насколько широк круг субъектов управления системой информационной безопасности. Исходя из анализа практики взаимодействий субъектов, подтверждённой соответствующими социологическими исследованиями, могут быть выявлены конкретные механизмы управления, которые должны быть подвергнуты оптимизации: организационно-административные, включающие применение нормативных актов общегосударственного или локального значения и методы оперативного управления (делегирование полномочий, санкции/поощрения); экономический механизм, базирующийся на экономическом стимулировании (налоги, государственное субсидирование, заработная плата); психологические механизмы, в том числе похвала, внимание, укрепление авторитета либо, напротив, риск утраты авторитета и репутации и др.

Заключение

Таким образом, информационную безопасность детей можно понимать как состояние защищенности нравственно-психологического здоровья, волевых качеств, мотивационно-потребностной сферы и ценностных ориентаций от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной основы социального поведения ребёнка, а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе [10, с.167]. Другими словами, это состояние защищенности личности, обеспечивающее ее целостность как активного субъекта социального общения и возможностей развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой.

Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» впервые вводится правовое определение понятия информационной безопасности детей, трактуемое как «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию». Главная цель принятия закона явствует из самого его названия. Анализ текста закона позволяет выделить основные меры обеспечения защиты детей от вредной информации, среди которых: 1) запрет оборота информационной продукции без применения административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от этой продукции; 2) обязательное размещение знака возрастного ограничения информационной продукции или текстового предупреждения; 3) запрет или ограничение потенциально вредной информации, распространяемой посредством телевидения и радиовещания, временными периодами; 4) ограничение места распространения запрещённой для детей информации; 5) привлечение к юридической ответственности за нарушение законодательства; 6) общественный контроль в форме мониторинга оборота информационной продукции и доступа детей к информации, осуществляемого общественными объединениями, иными некоммерческими организациями и гражданами, а также создание ими «горячих линий». Несмотря на существующие правовые установления, конкретизирующие наиболее выраженные вредные контенты информации (порнография, пропаганда расовой ненависти и т.п.), развитие информационных технологий вкупе с тенденциями глобализи-

рующейся культуры создают необходимость постоянного усовершенствования механизмов регулирования оборота информации. Информационная безопасность детей является составляющей информационной безопасности государства и занимает особое место в государственной политике. Изучение системы информационной безопасности детей требует комплексного подхода, в том числе выводов прикладных социологических исследований. Система информационной безопасности детей, представленная в виде особой формы социального взаимодействия субъектов, анализ структурных связей и определение динамики развития взаимоотношений составляют предмет социологии управления. Использование специфических методов социологии управления направлено на выявление наиболее вероятных сценариев развития управления системой информационной безопасности детей, прогнозирование последствий принимаемых субъектами решений и формулирование рекомендаций по совершенствованию механизмов управления системой информационной безопасности как одной из важнейших составляющих системы безопасности современного общества.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
2. Войксунский А.Е. Психологические исследования деятельности человека в интернете // Информационное общество. 2005. № 1. С. 36–41.
3. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. URL: //iknigi.net/avtor-vladimir-pleshakov/90244-kibersocializaciya-cheloveka/html (дата обращения: 02.07.2017).
4. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М.: Академия, 2000. 544 с.
5. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: Учебное пособие / Под ред. И.А. Баевой. СПб.: Издательство «Речь», 2006. 288 с.
6. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 40–56.
7. Карпова Г.Г., Трухачева М.А. Ребенок в информационном обществе: формирование политики в области информационной безопасности детей и молодежи // Власть. 2016. № 9. С. 88–93.
8. Трухачева М.А. Культура детства в контексте информационной безопасности: исторический аспект и современные реалии // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 115–117.
9. Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 11–14.
10. Ковалева Н.Н. Информационное право России: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2009. 359 с.

**MANAGEMENT OF CHILDREN'S INFORMATION SECURITY
AS A SOCIAL INTERACTIONS SYSTEM***A.K. Polyagina*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article attempts to determine the system of children's information security as an object of sociological research. The main factors that determine the problem of information security of children at the current stage of information technologies development are described. A systems approach to the study of the phenomenon of information security of children in the form of social interaction of subjects with appropriate structural relationships is substantiated. The methodological basis of the study is provided by the conclusions of psychological research on the influence of mass communications on human consciousness, the main provisions of cyber-ontology, which offers an interdisciplinary approach to studying the problems of Internet environment security, as well as the basics of the systems approach in sociology. Information security system as a subject-object phenomenon is examined through the study of the process of interaction between social actors, such as mass media institutions, the parent community, educational organizations, non-profit organizations, public authorities and others (which are considered as subsystems), and by assessing the results of the subjects' managerial decisions. It is argued that the consistency of the management functions of one subject with those of another subject is an indicator of the efficiency of the information security system management.

Keywords: information security, psychological well-being, health, Internet communication, mass media, systems approach, social situation of development, cyber-ontology.

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

© 2018 г.

С. Т. Сагитов

Сагитов Салават Талгатович, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и социальных технологий
Уфимского государственного авиационного технического университета
sagitov@bashkortostan.ru

*Статья поступила в редакцию 15.01.2018**Статья принята к публикации 30.01.2018*

Социальное управление предполагает взаимодействие множества различных групп и общностей. Классификация групп, предложенная в данной статье, основана на социально-профессиональном разделении труда участников процесса управления сферой культуры. На основе результатов проведенного в 2001–2002 гг. и 2016–2017 гг. трендового социологического исследования проблем развития сферы культуры продемонстрирована трансформация взглядов представителей данных групп на вопросы, связанные с качеством работы учреждений культуры и их материально-техническим состоянием, а также мнение о проблематике уровня культуры населения. По результатам исследований выделено пять групп участников процесса управления сферой культуры, которые можно объединить в две подгруппы: непосредственно и опосредованно участвующих в создании культурно-духовных ценностей. Причем динамика взглядов, тренды развития выделенных подгрупп в большей части противоположны. Обосновывается вывод о том, что оптимальное развитие сферы культуры возможно лишь при учете мнений всех участников этого процесса, вкуче с учетом законов саморазвития культуры.

Ключевые слова: сфера культуры, социально-профессиональные группы, уровень культуры населения, интересы и потребности, культурная продукция, anomия, социальная структура.

Актуальность проблемы

Труды многих признанных отечественных социологов посвящены анализу социальной структуры нашего общества. При этом если в советское время за основу принимался преимущественно классовый подход, то современная российская социология при анализе социальной структуры рассматривает и различные модели, построенные в рамках основных современных подходов к социальной стратификации. В работах Н.А. Аитова, Т.И. Заславской, Г.В. Осипова, М.К. Горшкова и других видных ученых отражены особенности социальной структуры российского общества, проводится анализ процессов его трансформации, рассматриваются проблемы социальной стратификации. Ряд авторов в своих изысканиях рассматривают социальную структуру и социальное неравенство как культурные явления. Например, Л.Г. Ионин отмечает, что хотя эти понятия аналитически и различимы, но «социальная структура, представляющая собой совокупность устойчивых социальных отношений, взаимодействий, и культура, как сфера значений, в реальности теснейшим образом переплетены...» [1]. В работах З.И. Файнбурга культура представляется в единстве трех аспектов деятельности: преобразования предмета деятельности, взаимодействия феноменов и от-

ражения процесса деятельности в специфической форме сознания – и ее развитие «связано с формационным развитием общества» [2]. Особый интерес представляет теория габитуса П. Бурдьё, который выделял, что «составляющие габитус диспозиции (практические схемы), производя адаптированные к социальным отношениям практики (продуктом которых они являются), осуществляют производство/воспроизводство социальных отношений...» [3]. Данным подходом Бурдьё проделана попытка нивелирования противопоставления социальной структуры и личных практик индивида: габитус вписывает индивида, со своим внутренним восприятием культурно-духовных ценностей, жизнедеятельности в целом, в существующие социальные структуры. То есть показывается взаимосвязь и взаимозависимость социальной структуры, социальных институтов с воззрениями и поведением индивида, которые, благодаря габитусу, оказываются адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются.

Вместе с тем в социологической литературе недостаточно полно освещены проблемы социальной структуры, социального взаимодействия участников непосредственно в сфере культуры, соотношения их интересов и потребностей. Этой проблематике нами уже было уделено

особое внимание [4], в данной же работе мы попытаемся, обозначив основные социально-профессиональные группы в управлении сферой культуры, структурировать их и продемонстрировать их общее и особенное в отношении вопросов, касающихся сферы культуры и культурно-духовных ценностей.

Методика исследования

Под руководством профессора Р.Т. Насибулина при непосредственном участии автора в 2001–2002 гг. и 2016–2017 гг. в Республике Башкортостан было проведено трендовое социологическое исследование по вопросам развития сферы культуры¹, результаты которого позволили не только получить формальные сведения, но и на основе анализа динамики процессов раскрыть характер взаимоотношения между социальными слоями [5] и обозначенными нами ниже социально-профессиональными группами.

Классификация групп

Безусловно, в сфере культуры можно выделить достаточно большое количество устоявшихся общностей и групп, ибо «социальная структура общества весьма сложна и пестра» [6]. Классификацию можно провести, например, взяв за основу ценностный подход к культуре (П. Сорокин) либо цивилизационный (О. Шпенглер), в зависимости от осознанности культуры (Х. Ортега-и-Гассет, Т. Элиот), подразделив ее на доминирующую, субкультуру и контркультуру (А.И. Кравченко), на сельскую и городскую (Л.Н. Коган) или по ролевому сообществу (Т.Н. Савченко) и т.д.

Мы в качестве критерия классификации берем социально-профессиональный статус участников в процессе управления сферой культуры и подразделяем их на 5 групп, которые мы условно обозначили как потребители, государственные чиновники, культурная бюрократия, служащие и творцы. Отметим, что мы не отдаем первенство в процессе управления сферой культуры одной или нескольким группам, ибо придерживаемся позиции, когда социальное управление рассматривается как субъектно-субъектный процесс: все участники процесса управления сферой культуры воздействуют друг на друга, в этом заключается специфика субъекта социального управления и его социальная функция, выражающаяся в «согласовании, гармонизации интересов отдельных общностей, групп, отдельных индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности в обществе...» [7].

В первую группу мы относим потребителей культурной продукции – это различные соци-

альные группы, представляющие те или иные субкультуры и, в совокупности, представляющие весь наш социум. То, что это самая массовая и самая разнообразная по своему составу группа, не требует доказательств. Несмотря на это, доля представителей этой группы в процессе принятия решения невелика. Более того, зачастую она сводится к нулю, о чем ниже будет сказано более подробно. Как уже было отмечено выше, в рамках данной работы представителей этой группы мы будем именовать «*потребители*».

Вторая группа представляет собой государственных служащих, определяющих стратегические приоритеты развития сферы культуры. Заметим, что это не только чиновники непосредственно из сферы культуры, но и представляющие другие отрасли, решения которых влияют на развитие сферы культуры. Сюда входят чиновники высшего ранга из сферы и культуры, и финансов, и образования, и административного управления и т.п. («верхний слой» в классификации Т.И. Заславской) [8]. По своему численному составу данная социально-профессиональная группа, которую мы для удобства будем в дальнейшем именовать «*государственные чиновники*», самая минимальная. Однако она имеет значительное количество ресурсов, как материальных, так и административных, для принятия того или иного решения, что отражено в теории социальных пирамид, в соответствии с которой большая часть ресурсов принадлежит самой немногочисленной группе общества и наоборот [9].

Если в качестве критерия для разделения на подгруппы брать степень вовлеченности в процесс производства культурной продукции, то первые две группы можно определить как опосредованно вовлеченные (согласимся с позицией Л.Н. Когана, который писал, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – тоже творчество» [10]), а оставшиеся три – как группы непосредственно создающие, транслирующие культурные ценности, культурную продукцию (см. таблицу 1). Во второй подгруппе мы выделяем *культурную бюрократию* (руководители учреждений культуры и искусства), *творцов* (люди, создающие и транслирующие духовные ценности) и *служащих* (люди, занимающиеся обеспечением непосредственной трансляции духовных ценностей).

Понятно, что данное разделение в определенной мере условно, ибо один и тот же человек может выступать в нескольких ипостасях. Например, руководитель крупного учреждения искусства (бюрократия сферы культуры) может одновременно быть и действующим актером

Таблица 1

Социально-профессиональная структура участников управления сферой культуры, в зависимости от степени вовлеченности в производство культурной продукции

Опосредованно вовлеченные	Непосредственно вовлеченные
«Государственные чиновники» «Потребители»	«Культурная бюрократия» «Творцы» «Служащие»

(творцом), при этом входит в условный координационный совет по культуре, который уполномочен принимать знаковые решения для сферы культуры (государственный чиновник), и быть простым зрителем (простой зритель и есть самый сложный участник социокультурных процессов) или читателем (потребитель). Или другой пример, когда индивидуальный предприниматель в сфере культуры может принадлежать одновременно и к творцам, и к служащим, и к потребителям, и к культурной бюрократии. При этом любой представитель любой группы является потребителем культурной продукции. Вместе с тем такая дихотомия позволяет выйти на существенные связи между явлениями в процессах, происходящих в сфере культуры, именно с точки зрения социально-профессиональной позиции, а также определить значение той или иной группы в процессе принятия решения в управленческом процессе. В дальнейшем, в рамках данной статьи мы будем оперировать именно этими пятью социально-профессиональными группами, которым в управленческом процессе принадлежат разные роли и функции. Отметим еще одно обстоятельство – все участники культурной жизни имеют свои интересы, совпадающие, не совпадающие или совпадающие частично с интересами представителей других групп. Интересы эти также могут быть декларируемыми и реальными. При этом если декларируемые интересы известны многим участникам процесса, более того, их считают общепризнанными и даже в какой-то мере обязательными, то реальные интересы, как правило, либо тщательно скрываются, либо не осознаются самими представителями этих групп. Это различие заложено в самой сфере культуры, которая «противоречива, многогранна, комплексна, и ее жизнеспособность проверяется с помощью непрерывного изменения социокультурных проектов, для реализации которых необходима одна из главных компетенций людей – умение договариваться между собой на любых уровнях» [11].

Уровень культуры населения

В рамках исследования мы выясняли, насколько уровень культуры населения воспри-

нимается представителями разных групп участников в качестве проблемы сегодняшней жизни россиян. На вопрос: «Какие проблемы в настоящее время Вас волнуют в большей степени?» – предлагалось выбрать 3 из предложенных 10 вариантов ответов; и проблема «уровня культуры населения» среди участников процесса управления сферой культуры выглядит следующим образом. В 2001–2002 гг. меньше всего уровень развития культуры населения вызывал опасения у «потребителей» – 38%. В остальных же группах доля тех, кто обеспокоен уровнем культуры населения, составляет по возрастающей:

- у «государственных чиновников» – 41%;
- у «культурной бюрократии» – 63%;
- у «служащих» – 75%;
- максимальная доля по этому показателю у «творцов» – 88% [12, с. 64].

Несмотря на то, что некоторые показатели изменились к 2016–2017 гг. в цифровых показателях, общий тренд остался идентичным, а в 2 группах («служащие» и «государственные чиновники») изменения не выходят за рамки допустимой ошибки выборки. Те группы, которые мы обозначили как непосредственно вовлеченные в творческий процесс, более озадачены уровнем культуры населения, нежели представители опосредованных групп. Больше всего уровнем культуры населения озадачены «творцы» – 84%; далее следуют «служащие» и «культурная бюрократия», чьи показатели тоже достаточно высокие, превышая «конституционное большинство» – 2/3 от состава группы и составляя 74% и 67% соответственно; «государственные чиновники», как и ранее, не сильно озабочены уровнем культуры населения, и доля таковых составила 40%; и менее всего уровень культуры населения волнует само население в целом, коими в нашем исследовании являются «потребители», всего треть из которых обозначили эту проблему как наиболее важную.

Настораживает, что сократилось количество тех, кого волнует уровень культуры населения, среди «потребителей», т.е. населения в целом. И мы не уверены, что это произошло в связи с тем, что уровень культуры населения поднялся. Просто первоочередные проблемы, которые волнуют россиян, такие как безопасность стра-

ны, состояние здоровья и общий достаток, пре-валируют сегодня в общественном сознании. И это, в какой-то мере, естественно, ведь теоретические концепции и Сорокина, и Альдерфера, и Маслоу, определяющие иерархию потребностей, четко указывают на то, что социальные потребности человека активнее проявляются лишь при полном удовлетворении потребностей существования (кстати, нельзя забывать и еще об одном принципе, согласно которому чем менее удовлетворены социальные потребности, тем более усиливается их действие²).

Наш тезис, который мы выдвигали в 2002 г., что чем «ближе» респондент находится к процессу создания духовных ценностей, тем больше его волнует состояние уровня культуры населения [12, с. 64], не утратил актуальности и на сегодня, ибо люди, работающие в сфере культуры – а это и «творцы», и «служащие» и «культурная бюрократия», дают оценки процессам в той сфере, в которой они непосредственно задействованы. Подтверждением нашей гипотезы могут служить ответы участников процесса культурной политики на вопрос об оценке удовлетворенности материально-техническим состоянием учреждений культуры. Отметим, что мы согласны с положением, что в формировании чувства удовлетворенности объективные жизненные успехи и достижения личности как преломляются через внешние социальные нормы, так и пропускаются сквозь внутренние стандарты [13].

Удовлетворенность внутренними процессами в сфере культуры

Анализируя мнения различных социально-профессиональных групп, можно и здесь отметить четко прослеживающуюся тенденцию: среди тех респондентов, кто представляет непосредственно вовлеченных в сферу культуры («творцы», «служащие» и «культурная бюрократия»), наблюдается рост доли не удовлетворенных материально-технической базой учреждений культуры, а среди второй группы – опосредованно вовлеченных («потребители» и «государственные чиновники») – рост удовлетворенности. Таким образом, мы можем наблюдать разнонаправленное движение в представлении двух подгрупп, где в качестве критерия мы выделили степень вовлеченности в процесс производства культурной продукции. Из общих тенденций сразу отметим еще одну – представители первой подгруппы («творцы», «культурная бюрократия» и «служащие») выбирали только варианты ответов «удовлетворен» или «не удовлетворен», тогда как «потребителями» и

«чиновниками» в рамках обоих исследований был выбран и третий вариант ответа «мне безразлично», что в определенной мере дополнительно подчеркивает их опосредованность в проходящих процессах в сфере культуры.

В целом, большая часть респондентов отмечает, что материально-техническая база учреждений культуры за эти 15–16 лет улучшилась. Если в начале века неудовлетворенных было больше половины – 54%, удовлетворенных – 33% и проявляли безразличие 14% населения, при этом и в настоящее время безразличными к состоянию материально-технической базы определили себя 16% респондентов (примерно идентичный первому опросу показатель). Вместе с тем если разница между «удовлетворенными» и «не удовлетворенными» материально-технической базой в 2001–2002 гг. составляла более 20%, то сегодня этот показатель около 4%: удовлетворены 40% и не удовлетворены 44% респондентов, которые в нашей градации одновременно выступают и в роли «потребителей» культурной продукции. Представляется, что тенденция к росту уровня удовлетворенности связана с тем, что во многих театральном-концертных учреждениях, кинотеатрах начали применять современное оборудование (например, 3D), которое ранее ассоциировалось только с «продвинутыми» странами или Москвой, а местному населению вовсе было недоступно, хотя мнение о том, что «в сельский репертуар включают то, что не идет в городе или давно уже не в моде» [14], и сегодня не потеряло своей актуальности.

Вторая группа, которая «показала» рост удовлетворенности в своих оценках за эти годы, – «государственные чиновники». Если неудовлетворенными в 2001–2002 гг. были 71% представителей этой группы, удовлетворенными – почти четверть и 5% «чиновников» выказали безразличие к проблеме материально-технического оснащения учреждений культуры, то в 2016–2017 гг. число неудовлетворенных снизилось до 53%, а удовлетворенных выросло до 40% (вариант «безразлично» отметили 7% «чиновников»). Таким образом, разница между показателями неудовлетворенности и удовлетворенности составляет сегодня 13%, тогда как в начале века она была почти 50%. Столь резкий рост удовлетворенности среди «государственных чиновников» связан, на наш взгляд, с тем, что, во-первых, они оценивают большей частью как «потребители» культурной продукции, которые, согласно данным нашего же опроса, чаще всего посещают кинотеатры и ведущие театры столицы республики, которые действительно улучшают свое материально-техническое оснащение. А процесс модернизации в библиотеках,

дворцах и домах культуры (особенно на селе) идет не такими темпами, и эти учреждения гораздо реже посещаются «государственными чиновниками», что не позволяет дать им объективную оценку. Во-вторых, «государственные чиновники», к которым, напомним, мы относим чиновников высшего ранга, причем не только из сферы культуры, видят общие суммы затрат, которые выделяются на отрасль и которые, в принципе, выглядят достаточно внушительно. Так, например, в Республике Башкортостан на отрасль «культура» за последние пять лет было выделено около 40 млрд рублей. И из населения, и из государственных чиновников мало кто знает, что из них на улучшение материально-технического состояния объектов культуры и искусства потрачено 4.3 млрд рублей, из них 3.6 млрд рублей – на четыре объекта, которые строились и модернизировались к саммитам глав государств и правительств стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и стран БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР), проходившим в Уфе в 2015 г. В-третьих, здесь присутствует и субъективный фактор, ведь тем самым чиновник оценивает и свою работу, свой вклад в развитие сферы культуры.

Диаметрально противоположная ситуация в оценках материально-технического состояния учреждений культуры у групп, непосредственно включенных в процесс создания культурно-духовных ценностей. Если у «творцов», согласно результатам исследований, показатели в 2016–2017 гг. по сравнению с 2001–2002 гг. не изменились, то у «культурной бюрократии» и «служащих» уровень неудовлетворенности вырос значительно. Вместе с тем именно среди «творцов» больше всего не удовлетворенных материально-техническим состоянием учреждений культуры – 88%. Вторыми по неудовлетворенности на сегодня являются представители «культурной бюрократии», коих 3/4 из числа опрошенных, хотя по результатам исследований 2001–2002 гг. их доля была чуть более половины. Среди «служащих» рост показателя неудовлетворенности не такой большой, но также достаточно внушительный. Напомним, что по результатам первого исследования и среди респондентов-«служащих», и респондентов – «культурной бюрократии» мнения разделились практически поровну: 50% респондентов каждой категории были удовлетворены и 50% не удовлетворены материально-техническим состоянием учреждений культуры республики [12, с. 65]. По результатам же второго исследования уже 64% «служащих» не удовлетворены и, соответственно, 36% удовлетворены состоянием материально-технической базы учреждений культуры.

Эти результаты позволяют говорить о том, что люди, не работающие в сфере культуры, в меньшей степени озабочены этой серьезной, на наш взгляд, проблемой. Хотя только официальная статистика говорит, что если на 2000 г. в Республике Башкортостан было 5412 государственных и муниципальных учреждений культуры и искусства, то к 2018 году эта цифра сократилась на 15%. Причем только для республиканских учреждений культуры требуется более 700 миллионов рублей на капитальный ремонт. И это только крупные показатели, где не учитываются изношенность машинерии сцены или стеллажей библиотек, новизна музыкальных инструментов в детских школах искусств или обновляемость фондов в музеях и процессы их компьютеризации. Данная проблема, на наш взгляд, очень важна потому, что сфера культуры не существует сама по себе, она является важнейшей частью в культурно-духовном развитии общества. И если материально-техническая база не будет развиваться, что называется, в ногу со временем, то учреждения культуры перестанут быть интересными и привлекательными для молодого поколения, что приведет к дальнейшей аномии общества и позволит заполнить сознание псевдодуховными и псевдокультурными ценностями и разрушить духовно-нравственные устои нашего социума. Ведь состояние всеобщей аномии не может длиться неопределенно долго, и на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции [15]. Такие реакции уже есть и активно продвигаются, например, в идеях пропаганды ЛГБТ-сообществ, отождествляя это движение с истинной демократией. Только при этом почему-то защита традиционных семейных ценностей объявляется гнетом и насилием со стороны подобных «поборников свободы», несмотря на то, что у значительного большинства россиян сформировано выраженное и устойчивое негативное отношение к формализации гомосексуальных отношений [16].

Если на мнение о проблематике уровня культуры населения и материально-техническом состоянии учреждений культуры, как мы видели, существенное влияние оказывает принадлежность к той или иной подгруппе, условно обозначенной нами как непосредственно и опосредованно вовлеченные в процесс создания и трансляции культурных ценностей, то на оценку качества работы учреждений культуры данная дихотомия не имеет особого влияния. Единственное, что можем в очередной раз отметить: при оценке качества работы учреждений культуры вариант ответа «безразлично» выбрали опять-таки представители «государственных

Таблица 2

**Удовлетворенность социально-профессиональных групп
качеством работы учреждений культуры**

Группы участников	Удовлетворен		Неудовлетворен		Безразлично	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017
«Чиновники»	53	71	47	24	0	5
«Потребители»	48	60	38	26	14	14
«Творцы»	89	91	11	9	0	0
«Служащие»	50	74	50	26	0	0
«Бюрократия»	56	64	38	36	6	0

чиновников» и «потребителей», т.е. из подгруппы опосредованно влияющих на процесс создания культурной продукции. Среди «чиновников» таковых 5% (в исследовании 2001–2002 гг. таковых не было), а среди «потребителей» 14%. Интересно, что среди «потребителей» и при первом исследовании доля безразличных к этой проблематике была идентична. В остальном же мы можем констатировать, что доля представителей всех социально-профессиональных групп, удовлетворенных качеством культурной продукции, за эти годы выросла, дополнительным подтверждением чего является и рост посещений этих учреждений. Хотя динамика эта не столь однозначна «внутри» учреждений. Так, согласно результатам авторского мониторинга, удельный вес посетителей музеев за последние годы вырос на 41%, театров и филармоний на 23%, количество участников центров национальных культур – более чем на половину, при этом наблюдается десятипроцентное снижение читательской активности [17].

Общая динамика удовлетворенности качеством работы учреждений сферы культуры по всем группам отражена в таблице 2. То, что максимальный показатель удовлетворенности у «творцов», несколько не удивляет, ибо здесь, как и в ситуации с прошлым опросом и его оценкой государственными чиновниками, присутствует в большей степени субъективный момент – 91% по итогам исследований 2016–2017 гг. с ростом в 2% к первому исследованию. Далее по степени удовлетворенности в исследованиях 2001–2002 гг. были представители «культурной бюрократии» с долей 56%. По результатам второго исследования с показателем 74% по уровню удовлетворенности качеством культурной продукции вышли «служащие», которые прибавили по сравнению с первым исследованием целых 24 процентных пункта, что является наибольшим увеличением по данному вопросу среди всех социально-профессиональных групп. «Культурная бюрократия» же с долей удовлетворенности в 64% оказалась ниже «государственных чиновников», которые поднялись на

этой своеобразной лестнице оценки культурных ценностей на третье место с четвертого с показателем 71% удовлетворенных против 53% по результатам исследований 2001–2002 гг. И замыкают в обоих исследованиях уровень удовлетворенности качеством работы учреждений культуры «потребители» с долей удовлетворенных в 60%, прибавив к первому исследованию целую четверть от прошлого значения.

Кроме того, как в первом исследовании, так и во втором, «творцы» с показателем около 90% значительно выделяются среди всех остальных социально-профессиональных групп.

Но если в 2001–2002 гг. разница между максимальным показателем («творцы») и минимальным (население) составляла 41 процентный пункт, то по итогам исследований 2016–2017 гг. эта разница составила 31%.

Выводы

Результаты наших исследований показывают, что в сфере культуры довольно четко просматривается социальная структура, критерием классификации которой является социально-профессиональный статус участников процесса управления сферой культуры. Результаты проведенных социологических исследований позволили распределить эти пять групп в две большие подгруппы, основываясь на факте непосредственного либо опосредованного участия в создании и реализации культурной продукции.

Среди представителей выделенных нами социально-профессиональных групп за последние 15 лет прошли значительные изменения, которые выражаются не только в отдельно взятых цифрах, но в целом в трендах. Так, по некоторым позициям принадлежность к подгруппам непосредственно или опосредованно создающих культурную продукцию не зависит на общие движения развития. В то же время по большинству проанализированных вопросов эти две подгруппы «движутся» разнонаправленно. Отсюда возникает вопрос о необходимости постоянного поиска и нахождения некоего

оптимума при постановке и решении вопросов развития в сфере культуры.

Культура, будучи сложным явлением, испытывает на себе постоянное воздействие на институциональном уровне (со стороны государства, религии, средств массовой информации и т.п.). Кроме того, культура имеет свои законы саморазвития, которые выражаются и формируются в том числе в ходе взаимодействия множества субкультур, представители которых входят в те или иные социально-профессиональные группы. Причем оптимальные пропорции зависят от конкретного вида культурной деятельности, определенной исторической ситуации, уровня культурного развития общества, уровня развития культуры государства. Представляется, что именно нахождение оптимума в соотношениях интересов и приоритетов субъектов культурной жизни и является основной целью в управлении сферой культуры.

Примечания

1. Методика исследования изложена в публикации: Сагитов С.Т. Приоритетные направления развития сферы культуры: теория и практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4.

2. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/osnovnye-teorii-motivacii.html> (дата обращения: 03.01.2018).

Список литературы

1. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

2. Файнбург З.И. Культура и история // Проблемы теории культуры: тр. / НИИ культуры. М., 1977. № 55.

3. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. Т. 1. С. 60–70.

4. Сагитов С.Т. Роль государства в реализации культурной политики на современном этапе // Социология. 2016. № 4. С. 31–37.

5. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // СОЦИС. 2016. № 10. С. 33–42.

6. Аитов Н.А. Общество переходного периода. Алматы, 1993. 112 с.

7. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М.: Высшая шк., 1990.

8. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.

9. Насибуллин Р.Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. М., 1997.

10. Коган Л.Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып. 1. Свердловск, 1969.

11. Культура в информационно-инновационном обществе: Моногр. / Под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2017.

12. Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. М.: Изд-во РАГС, 2002.

13. Степанова О.П., Баженова Н.Г., Токарь О.В. и др. Влияние ценностно-мотивационной сферы на удовлетворенность жизнью пожилых людей // СОЦИС. 2016. № 2. С. 72–81.

14. Коган Л.Н. Социология культуры: Учебное пособие. Екатеринбург, 1992.

15. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 5–10.

16. Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения // СОЦИС. 2017. № 2. С. 96–102.

17. Низова Л.М., Мухаметшина Ч.М. Культура как отрасль социальной политики на мезоэкономическом уровне // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. № 10. С. 5–9.

SOCIAL STRUCTURE OF THE CULTURE SECTOR: SOCIAL AND PROFESSIONAL APPROACH

S. T. Sagitov

Ufa State Aviation Technical University

Social management involves interaction of many different groups and communities during the management process. In this article, the classification of groups is based on the socio-professional division of labor among the participants in the management of the culture sector. Trend sociological studies of the development problems in the culture sector were conducted in 2001–2002 and in 2016–2017. According to the results of the research, five groups of participants in the process of managing the culture sector were identified. These groups were divided into two subgroups: those directly and indirectly involved in the creation of cultural and spiritual values. The views and the trends in the development of these subgroups demonstrate mostly an opposite dynamics. The author substantiates the conclusion that the optimal development of the culture sector is possible only if the opinions of all the stakeholders are taken into consideration, with due account of the laws of culture self-development.

Keywords: culture sector, socio-professional groups, level of the population's culture, interests and needs, cultural production, anomie, social structure.

УДК 316.77

BEAUTY BLOGGING НА YOUTUBE КАК НОВАЯ МЕДИАСРЕДА, ОПОСРЕДУЮЩАЯ ПОТРЕБЛЕНИЕ

© 2018 г.

Е.В. Михайлова

Михайлова Елена Валерьевна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры политологии и социологии
Ярославского государственного педагогического университета
nnev649@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 03.07.2017**Статья принята к публикации 22.01.2018*

Анализируется видеохостинг YouTube как специфичной информационной среды. На примере такого сегмента русскоязычного YouTube, как beauty blogging, сделана попытка рассмотреть его как информационное поле и выделить некоторые особенности самоорганизации и тенденции функционирования данного поля. В качестве теоретической основы использована концепция информационного поля П. Бурдьё. Содержание видеоблогов по тематике красоты характеризуется как особый дискурс, рассматриваются специфичные для данного дискурса термины и его идейное содержание. Сделан вывод, что YouTube-blogging как особое информационное поле и дискурс формирует и мультиплицирует новые потребительские практики – медиатизацию и виртуализацию потребления, а также его профессионализацию.

Ключевые слова: YouTube, beauty blogging, потребление, медиасреда, информационное поле, стиль жизни, социальная идентичность, дискурс, потребительские практики, медиатизация потребления, виртуализация потребления, профессионализация потребления.

Введение

Интернет-видеохостинг YouTube породил небезынтересное для социологии явление – множество видеоблогов иностранных и русскоязычных пользователей, центральной темой которых является потребление. Блогеры подробно и, как ожидается, правдиво рассказывают о качествах приобретенного товара, их аудитория смотрит такого рода видео. Нельзя не обратить внимания на то, что и блогер, и его зрители производят и воспринимают такой контент по собственной воле, без какого-либо внешнего принуждения. Этот факт может показаться тем более удивительным в свете таких тенденций, как усталость потребителей от рекламы, растущее недоверие к ней и ее осознанное избегание.

Пионером потребительского видеоблоггинга на русскоязычном YouTube стал женский beauty blogging: женщины создавали видео о косметике и парфюмерии и они же составляли большую часть аудитории такого видео. Пик популярности русскоязычных видеоблогов о косметике и парфюмерии пришелся на 2012–2013 гг., однако, несмотря на некоторое падение зрительского интереса, beauty blogging продолжает существовать и сохраняет значительную по объему зрительскую аудиторию.

По данным исследовательского агентства «TNS-медиа», в июне 2016 г. сервис YouTube находился на четвертом месте в общем списке медиаканалов, охватывая 81% исследуемой ау-

дитории (исследование проводилось в городах с населением более 700000 человек, среди населения в возрасте от 16 до 44 лет) [1]. «TNS-медиа» составило рейтинг видеоблогеров по количеству подписчиков, в котором на 9-м месте находится beauty- и life-блогер The Kate Clapp с количеством подписчиков 4843140 человек. Всего, согласно данным «TNS-медиа», в ноябре 2016 года в русскоязычном сегменте YouTube было зарегистрировано 19272 канала [1].

Цель данной статьи – рассмотреть русскоязычный сегмент YouTube как специфичную медиасреду, охарактеризовать тенденции ее развития, связав их с более широким социальным контекстом. Статья основывается на качественном анализе блогосферы YouTube.

Методология

Исследователи YouTube Джин Берджесс и Джошуа Грин определяют YouTube как новое коллективное медиа и характеризуют его как сложносоставной многоаспектный феномен, что, по мнению этих авторов, создает перспективы анализа медиасреды YouTube в различных ракурсах [2, с. 6]. Д. Берджесс и Д. Грин рассматривают отношения между создателями контента YouTube и компанией YouTube, характеризуя последнюю в качестве «патрона» блогеров [3]; описывают механизмы функционирования YouTube как социальной сети и сообщества пользова-

телей [3]; анализируют YouTube как массовую «культуру участия» [2, с. 12].

Представляется, что для анализа медиасреды YouTube можно воспользоваться также теорией поля Пьера Бурдьё, рассмотрев YouTube как особое информационное поле, функционирующее по собственным законам [4, с. 107–108]. Особые свойства YouTube как информационному полю придает видеоформат его контента – с одной стороны, оно функционирует как социальная сеть, а с другой стороны – как совокупность средств массовой информации или медиаканалов, создателями которых могут являться видеоблогеры, профессиональные медиа, медийные персоны, разнообразные игроки рынка: рекламные агентства, компании – производители товаров, услуг и т.д.

Результаты

Видеохостинг YouTube и его тематические области, такие как beauty, fashion, life-blogging, блоги о путешествиях и т.д., могут рассматриваться как самоуправляемые поля, в терминологии Бурдьё. У этих полей немало общего с полем СМИ, однако есть у них и специфические особенности. Рассмотрим особенности самоорганизации и функционирования подобных полей на примере такой тематической области YouTube, как beauty blogging.

Отправная точка в анализе данного поля – это попытка понять мотивацию создателей и потребителей видеоконтента на потребительскую тематику. Что побуждает создавать и смотреть видео о косметике и парфюмерии? Ответ, который лежит на поверхности, – материальная заинтересованность блогеров в количестве подписчиков и просмотрах и встречный интерес их зрителей к информации о товаре из незаинтересованного источника. Достигая определенного уровня просмотров и количества подписчиков, блогеры могут «монетизировать» свои видео, то есть получать от YouTube определенный процент от коммерческой рекламы, размещаемой в видео блогера. Размещение потребительских отзывов о приобретенных товарах не является новацией YouTube, однако в формате видео такие отзывы появились именно на YouTube. Многим пользователям интернета информацию о товарах удобнее воспринимать в формате видео – не нужно прикладывать усилий для чтения, интересующий товар представлен наглядно, «вживую». Кроме того, уровень доверия к видеоотзыву, в котором блогер лично, «глядя в глаза» своим зрителям, рассказывает о товаре, выше, чем к тексту и фотографиям. Однако материальной заинтересованностью

блогеров и желанием зрителей совершить рациональную покупку феноменальный успех блогов на тему косметики и парфюмерии не исчерпывается. Для блогеров дополнительным стимулом могут являться демонстративность потребления и желание личной известности. Для их зрителей – интерес к чужой жизни. По существу, зритель и подписчик воспринимают информацию о товаре в контексте личности и стиля жизни блогера. Трудно сказать, что оказывается важнее и притягательнее для зрителя. И тех, и других объединяет стремление к коммуникации и общению как в форме создания видео и их просмотра, так и посредством отзывов и диалога с блогером и другими подписчиками в комментариях под видео. Предметом разговора, точкой пересечения интересов блогера и его зрителей становится потребление. Для многих блогеров и зрителей YouTube восполняет дефицит реального общения; просмотр и создание видео могут являться хобби, а также фоном для домашнего времяпровождения: еды, уборки, вязания. Получается, что создание и просмотр видео на YouTube удовлетворяет значительно более широкий круг социальных потребностей, чем получение информации об интересующем товаре или дополнительный заработок.

Конкуренция внутри поля рассматривается Пьером Бурдьё как основополагающий процесс. В результате конкурентной борьбы акторов, включенных в поле, между ними перераспределяются ресурсы. Специфические ресурсы такого поля, как beauty blogging, – известность и репутация блогера, которые выражаются в показателях количества подписчиков на канале и количества просмотров видео. Впоследствии эти показатели «монетизируются». Некоторым блогерам удалось конвертировать завоеванные ресурсы YouTube в других полях, они получают предложения о сотрудничестве от телеканалов и гляцевых изданий, снимаются в рекламе, некоторые используют свой канал для продвижения товаров собственного изготовления.

В работе «О телевидении» П. Бурдьё описывает механизм и последствия конкурентной борьбы в телевизионной сфере парадоксальным образом: он говорит о постоянном наблюдении игроков (телеканалов и журналистов) друг за другом. Результатом отслеживания деятельности друг друга является не создание принципиально нового продукта, а копирование – информационных поводов, жанровых форматов, способа подачи информации. Таким образом, конкуренция в информационном поле парадоксальным образом приводит к его единообразию. Процессы, подобные тем, что описал Бурдьё, разворачиваются и в поле YouTube. Иллюстрацией

копирования служит стихийно сложившаяся жанровая определенность контента видеоблогов. Широкий спектр имеющихся на YouTube видео по beauty-тематике вписывается в определенные, узнаваемые пользователями жанры, которые заявлены блогером в названии видео:

- «видео о покупках»;
- «пустые баночки» и «размусоривание» (термин YouTube);
- «фавориты» – года, времени года, месяца;
- «мой уход за собой»;
- «топ-5 (10)» помад, тональных кремов или других видов декоративной косметики;
- «мои парфюмы» с возможной разбивкой на летние, весенние, осенние или зимние;
- «косметические находки и разочарования»;
- «собирайся со мной», «мой повседневный макияж»;
- «женщина на миллион», «как выглядеть дорого»;
- «мои подарки»;
- «покупки (удачные и неудачные) под влиянием YouTube»;
- «бюджетные находки», «бюджетные аналогии люкса»;
- «любимое из люкса»;
- тэг «вся косметика пропала».

Очевидная скудость информационных поводов для блогов с beauty-тематикой усиливает эффект копирования и скорость распространения вирусной информации. Среди типичных, регулярно повторяющихся информационных поводов – смена времен года, праздники, выход новинок или лимитированных коллекций косметики.

Особенность такой тематической области YouTube, как beauty blogging, – выраженная внутренняя стратификация поля, которая является неизбежным следствием неравенства потребительских возможностей при общей заинтересованности российских женщин косметикой и парфюмерией. Как правило, женские beauty-каналы имеют выраженную направленность на конкретный сегмент косметического рынка. В терминологии, утвердившейся на YouTube, это может быть «бюджетная косметика», «массмаркет» или «люкс». Помимо потребительских возможностей блогера важными стратифицирующими критериями являются возраст и место проживания блогера. Кроме того, важным фактором представляются стиливые особенности блогера, поскольку вместе с рассказом о конкретном товаре зритель воспринимает его внешность, интерьер его квартиры или дома, речевые характеристики и другую информацию. Возникает эффект притяжения или отталкивания, в некоторых случаях – любопытства к чужой жизни.

Характеризуя тенденции развития такого явления, как beauty blogging на YouTube, можно отметить, что в настоящее время он перестает быть замкнутой тематической областью, развиваясь в направлении расширения тематики. Зрители требуют от заинтересовавшего их блогера рассказать о себе и своей повседневной жизни, работе, показать свою квартиру или дачу. Beauty-блогеры стали снимать «влоги» (сокращение от видеоблога) о жизни, путешествиях, рецептах, моде.

Обратимся к содержанию видео по beauty-тематике. На первый незаинтересованный взгляд, оно включает в себя ограниченный спектр тем, не выходящих за пределы потребительского восприятия косметики. Что могут рассказать о жизненном мире, ценностях, жизненных устремлениях российских женщин их авторские отзывы о косметике? Представляется, что содержание таких видео достойно более пристального интереса со стороны исследователей в силу ряда причин. Блоги представляют собой прямые, в значительной степени свободные высказывания, которые инициируются самими авторами блогов. Здесь важно напомнить, что блогеры снимают видео на такие темы, которые интересны им самим и их зрителям, то есть становятся инициаторами диалога с подписчиками, которые, в свою очередь, также готовы высказаться на интересующие их темы. Возникает групповая дискуссия на тему потребления, его социальных стандартов и мотивации.

В смысловом содержании видеоотзывов о косметических и парфюмерных приобретениях одно из центральных мест занимает мотивация покупки. Рассказывая об очередной покупке, блогер говорит о том, почему он приобрел тот или иной товар. Можно предположить, что со зрителем, который ориентируется на стиль жизни любимого блогера, происходит своего рода самомотивирование к такой же покупке. Маркетолога в данном случае будет интересовать мотивация конкретного приобретения и эффект вовлечения зрителей в покупки. Социологу может быть интересна информация о месте косметики и парфюмерии в иерархии потребительских приоритетов россиянок; об их ценностях; о функции косметики как инструмента построения собственной социальной идентичности.

Потребление косметики и парфюмерии является достаточно специфичной областью рынка, где значительную долю покупок составляют спонтанные покупки под влиянием настроения, поэтому трудно объективно оценить соотношение «цена–качество» и полезность приобретенного продукта. Субъективным является и количество косметики, которое может или должно

быть у женщины. Результаты маркетинговых исследований демонстрируют увлеченность россиянок косметикой. Россиянки тратят на косметику больше, чем европейки, как в абсолютном, так и в относительном исчислении [5]. Попытка дать ответы на такие вопросы, как «что является причиной косметической расточительности россиянок?», «какие ожидания российские женщины связывают с приобретением косметики?», «является ли косметика определенными брендами маркером высокого социального статуса?», отсылает к достаточно широкой социологической проблематике.

Одно из возможных направлений исследования блогосферы YouTube – это изучение ее как особого дискурса. Beauty blogging породил специфичный дискурс потребления, который представляет собой способ говорить о косметике, который утвердился на YouTube. Не претендуя на полноту описания, остановимся на некоторых примечательных моментах. Прежде всего, это особый словарь, который сложился в этой тематической области: появились такие специфичные для описываемого дискурса слова и словосочетания, как «косметический маньяк», «лакоманьяк», «парфманьяк», «свотчи» (демонстрация косметики на руке), «расхламление», «размусоривание», «организация косметики», «ежедневная рутина» (имеется в виду уход за собой) и прочие. Участников дискурса объединяют общие представления о мире и набор тем, о которых, с их точки зрения, имеет смысл говорить. В данном случае это такие представления, как:

- косметика является неотъемлемой частью жизненного мира женщины;
- о косметике и парфюмерии можно говорить публично;
- проявление интереса к косметике и парфюмерии не является признаком ограниченности женщины;
- косметика и парфюмерия – атрибут женственности;
- на косметику необходимо тратить деньги;
- женщина должна быть ухоженной, без использования косметики быть ухоженной невозможно;
- в косметике необходимо разбираться, важно быть в курсе косметических новинок;
- косметика – это удовольствие, которое не нуждается в рациональной мотивации, способ побаловать себя;
- хорошей косметикой можно гордиться;
- при помощи парфюмерии и косметики высоких брендов можно удачным образом позиционировать себя.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что видеохостинг YouTube не только играет роль популярного канала получения информации о товаре, но и порождает и воспроизводит новые практики потребления – такие как медиатизация, виртуализация и профессионализация потребления. Публичная демонстрация покупок и рассказ о них посредством создания видео, а также просмотр таких видео становятся частью удовольствия от покупки, дополняя цикл потребления. Для блогера, который выступает экспертом-потребителем, публичное потребление становится источником дохода. Таким образом потребители активно вовлекаются не только в потребление, но и в продвижение товара на рынке.

Обращаясь к более широкому контексту, можно отметить, что потребление является распространенной темой свободной коммуникации в публичном пространстве интернета, что объективно указывает на ее высокую социальную значимость. Обсуждение потребления интегрировано в такие темы, как стиль жизни, отношения, воспитание детей, работа, здоровье, кулинария, путешествия, – происходит стирание границ между личностными и маркетинговыми коммуникациями, между рекламой и обменом впечатлениями о товаре, инициированным самими потребителями.

Список литературы

1. Статистика русского YouTube за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.epicstars.com/obnovlenie-sistemyi-ot-01-02-17/> (дата обращения: 06.12.2017).
2. Burgess J., Green J. YouTube: Online Video and Participatory Culture. Cambridge: Polity Press, 2009. 186 p.
3. Burgess J., Green J. Agency and Controversy in the YouTube Community // In: Proceedings IR 9.0: Rethinking Communities, Rethinking Place – Association of Internet Researchers (AoIR) conference, IT University of Copenhagen, Denmark [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eprints.qut.edu.au/15383/1/15383.pdf> (дата обращения: 06.12.2017).
4. Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 159 с.
5. Россиянки тратят на косметику больше, чем жительницы Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/user/3912744335/content/5106721> (дата обращения: 06.12.2017).

**BEAUTY BLOGGING ON YOUTUBE AS A NEW CONSUMPTION-MEDIATING
MEDIA ENVIRONMENT**

E.V. Mikhailova

Yaroslavl State Pedagogical University

The article presents an analysis of YouTube video hosting as a specific information environment. By examining the example of such a Russian-language YouTube segment as beauty blogging, an attempt is made to consider it as an information field and to identify some features of self-organization and trends in this field. The theoretical framework for this study is provided by P. Bourdieu's concept of information fields. The contents of vlogging on the subject of beauty is characterized as a particular discourse. We examine the specific terms of the discourse and its ideological content. It is concluded that YouTube blogging as a special information field and the discourse creates and multiplies new consumer practices – mediatization and virtualization of consumption, as well as its professionalization.

Keywords: YouTube, beauty blogging, consumption, social media, information field, life style, social identity, discourse, consumer practices, media consumption, consumption virtualization, professional consumption.

УДК 316:004.738.5

МИФОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ФРОНТИРА

© 2018 г.

Н.В. Плотицкина

Плотицкина Наталья Викторовна, к.э.н., доц.; доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар
oochronos@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 04.09.2017**Статья принята к публикации 22.01.2018*

Представлена теоретическая экспликация пространственной метафоры электронного фронта. Обоснована транспонируемость тезиса Ф.Дж.Тернера о фронтире на цифровой ландшафт. Выявлены сходные черты западного и электронного фронтиров: поэтапная колонизация пространств; малочисленность, однородность населения; изолированность колоний; децентрализация управления; снижение социальных ограничений и преследований; рост беззакония на начальных этапах освоения фронтиров; эксплуатация ресурсов фронтиров как элемент национальной политики. Фронтирные сообщества западного и виртуального пространств характеризуются общими признаками: появление новых стилей поведения, фронтирной идентичности; открытость и дружелюбие во взаимодействиях поселенцев; формирование групп интересов. Мифологический корпус электронного фронта интерпретируется как сеть мифов. Описаны этапы конструирования общего мифа об электронном фронтире, частные мифы о фронтирменах, общедоступности, децентрализации, анонимности и свободе на электронном фронтире. Показана роль цифровых интеллектуалов в построении и распространении мифа об универсальном Интернете как фронтирном сообществе. Героическая мифологема фронта раскрыта в ходе описания мифологических образов киберсквоттеров и хакеров. Миф об общедоступности электронного фронта свидетельствует о том, что степень проницаемости динамичной границы определяется уровнем цифровой компетентности пользователей. Миф о децентрализации рассмотрен в контексте технологической инфраструктуры онлайн-пространства. Описаны мифы о даркнете, циркулирующие в онлайн-среде. Показана эвристичность метафоры электронного фронта в современных исследованиях цифровой реальности.

Ключевые слова: фронт, теория фронта, пространственные метафоры Интернета, электронный фронт, мифы электронного фронта, мифологизация фронта, социология Интернета, мифология Интернета.

Введение

В 1990-х гг. в американском научном дискурсе и публицистике произошло повторное открытие фронта, подвижной динамичной границы между освоенными землями и terra nullius: метафора стала экстраполироваться на интернет-пространство, появились метафорические конструкты – «электронный фронт» («э-фронт»), «киберфронт», «виртуальный фронт», «диджитал-фронт» [1–4]. Подобные метафоры необходимы, поскольку позволяют интерпретировать историю Интернета как проекта, а не только технологии [5]. Заметим, что американским исследователям свойственно метафорически характеризовать новые явления как фронт. Например, еще в 1970-х гг. М. Мельбин выдвинула гипотезу о том, что временной фронт вытеснил пространственный в результате увеличения бодрствования городских жителей в вечерние часы; по мере освоения географической территории пограничная метафора приобрела темпоральную логику [6]. Фронтирные аналогии важны не только в целях объяснения происходящего, но и как эталонные рамки, с помощью

которых меняются текущие перспективы, формируются будущие решения и действия, конструируются «дорожные карты» в ходе освоения новых территорий, пространств.

Теоретическая экспликация э-фронта как пространственной метафоры

Использование в дискурсивном измерении цифровой социальности метафорического конструкта электронного фронта свидетельствует об интерпретации Интернета с помощью знаковых метафор американской популярной культуры [5, р. 99; 7, р. 25]. Полезность метафорических конструктов заключается в создании когнитивного толчка в воздействии на убеждения индивида; важно то, как люди используют метафоры в процессе конструирования смыслов [8, р. 155–156].

Дж. Лакофф, М. Джонсон отмечали три вида метафор, позволяющих фреймировать виртуальную географию: *ориентационные*, переводящие непространственные условия в пространственные ориентации («я онлайн», «я в сети»); *структурные*, создающие ассоциации

между знакомыми жизненными переживаниями («чат»); *онтологические* метафоры сущности и субстанции («киберпространство», сеть узлов и связей может быть эквивалентна «пространству») [9]. Метафора «э-фронта» находится на стыке между структурными и онтологическими пространственными метафорами. Фронт — это не привычный элемент повседневного опыта, как иные структурные метафоры, однако представления о фронте обрели мифологические черты.

Д. Хили характеризовал пространство, доступное для онлайн-пользователей, как «средний ландшафт» между изоляцией и связностью, в котором противоречиво выражаются стремления к независимости и к участию; э-фронт предлагает средства для «онтологического индивидуализма» и в то же время безграничные возможности для ассоциативной жизни [1, р. 60]. Ф. Тернер рассматривал фронтную метафору как идеологическое выражение интересов цифровой элиты, т.н. диджерати (Дж. Брокмэн), которая продвигала интерпретацию компьютерно-опосредованного общения посредством э-фронта в целях упрочения своих статусных позиций [10].

Электронный фронт — динамичная граница освоения пространства цифрового общества (Д. Тапскотт), проницаемость и подвижность которой коррелируют с уровнем ИТ-грамотности, цифровых компетенций пользователей, степенью распространения компьютерных технологий, фронтных поселений, онлайн-ресурсов, сетевых структур и практик.

Электронный фронт versus западный фронт

Пространственные метафоры могут быть подвергнуты критике, поскольку используемые ими символы «омрачены» историями угнетения, господства и контроля. Тема фронта всплывает в дискуссиях об онлайн-комьюнити [1; 5; 11]. Так, Л. Миллер критиковала практику транспонирования фронтной метафоры на цифровую реальность. Интерпретация западного фронта как «пустого пространства» с низким уровнем социального взаимодействия и наличием мифологии эскапизма слабо коррелирует с сетью Интернет, которая «не имеет ниче-

го, кроме общества» [11, р. 51]. «Фронт как область безграничных возможностей и незначительного социального контроля неустойчив; свобода, которую обещает фронт [*западный фронт*], — это освобождение от требований общества» [11, р. 50–51]. Однако, как отмечал Г. Кливер, понимание западного фронта как «пустыни» не учитывало динамику численности обывателей фронтного региона и было свойственно преимущественно колонизаторам, перемещавшимся на Запад из более урбанизированного капиталистического общества, не понимавшим или не принимавшим культуру местных жителей, коренных народов [12, р. 241]. Западный фронт имел две коннотации: горизонтальную — освоение terra nullius — и вертикальную — оспаривание границ иерархического общества [13].

По мнению Л. Миллер, сеть не занимает физическое пространство; «...это бестелесное символическое явление без каких-либо различимых границ или местоположения» [11, р. 51]; не учитывая «политику тела» киберпространства, характеризуя сеть как систему машин, Миллер выражает скепсис относительно применения пространственной метафоры э-фронта применительно к цифровой реальности. Вместе с тем сеть, существующая в коммуникативных действиях людей, оккупирует пространства тех, кто ее создает и участвует в повседневных интеракциях.

Согласно логике Л. Миллер, сеть Интернет возникла как результат инновационного творчества пионеров, тогда как освоение западного фронта предполагало колонизацию белыми поселенцами *уже существовавшей территории*. Те, кто отправился на Запад, наложили новый набор ограждений на земли местных народов, создавая «новую» землю капиталистической цивилизации.

Эссенциализацию научного дискурса относительно валидности аналогии западного фронта в ходе конструирования метафор онлайн-пространства следует дополнить выявлением сходных черт западной и электронной подвижных границ (см. табл.) [3; 6]. Инвентаризация корреляций между метафорическими фронтными конструктами фиксирует эвристичность метафоры фронта в концептуализации электронного пограничья.

Таблица

Общие черты западного и электронного фронтов

Общие черты фронтов	Проявление указанных черт	
	на западном фронте	на электронном фронте
1. Поэтапное продвижение, включающее последовательные шаги в колонизации, освоении пространств	На смену «пионерам», зондировавшим фронт и основавшим небольшие поселения, пришли «поселенцы», построившие колонии. На последнем этапе появились «люди капитала», «предприниматели», инвестировавшие в поселения	Периоды освоения э-фронта коррелируют с этапами колонизации западного фронта; в роли «пионеров» выступили ученые-инженеры, «поселенцев» — ученые, представители гражданской науки. «Высокотехнологичные стартапы» представляют собой новые пограничные поселения э-фронта

Продолжение таблицы

2. На начальных этапах население являлось малочисленным и более однородным	Местность, на которой плотность населения составляла 2–6 постоянных жителей на квадратную милю; поселенцы на раннем этапе западного фронта в основном были представлены молодыми мужчинами; доля белых женщин незначительна	На э-фронтире наблюдается гендерный дисбаланс с преобладанием мужчин среди «пионеров», основателей технологического пограничья, программистов, IT-специалистов
3. Меньше социальных ограничений и преследований	Житель западного фронта знал, как сохранить порядок в отсутствие легальной власти (суд Линча, войны регуляторов в колониях Каролины); поселенцы избегали классового или религиозного угнетения (например, мормонские пионеры вследствие религиозных преследований заселили территорию Юты)	Эксперименты пользователей с виртуальными идентичностями
4. Колонии изолированы на начальных этапах освоения фронта	Например, колониальные поселения Старого Запада в начале XVIII века в основном состояли из ферм и небольших поселков, находившихся на большом расстоянии друг от друга	В 1969 г. сеть ARPANET, являющаяся прототипом современного Интернета, а также научным проектом Министерства обороны США, состояла из четырех хост-компьютеров; в 1973 г. сеть стала международной, к ней подключились организации из Норвегии и Великобритании. До 1980-х гг. сеть ARPANET, создававшаяся как сеть специального назначения, была местом обитания ученых, студенческих сообществ, ограниченным в доступе для массового пользователя
5. Управление изначально децентрализовано	Новые штаты на территориях Запада образовывались поселенцами, а не федеральным правительством; их идеалом было самоуправление	До второй половины 1990-х гг. техническое сообщество осуществляло принятие решений по управлению сетью Интернет. Инженерный совет Интернета (IETF) управлял развитием онлайн-пространства на основе сотрудничества, открытого взаимодействия с привлечением широкого круга участников. Отказ от децентрализованного управления Интернетом произошел вследствие «войны DNS», вызванной коммерциализацией системы доменных имен; монополией на управление регистрацией доменов частной компанией Network Solutions, Incorporated (NSI), которая вызвала недовольство прогрессивного интернет-сообщества. «Война DNS» вовлекла в процесс регулирования Интернета международные организации и государственные структуры, итогом стало создание некоммерческой организации ICANN (Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами)
6. Появление новых стилей поведения, фронтальной идентичности	Европейцы, колонизировавшие западный фронт, в ходе контактов с местным населением постепенно превращались в американцев; влияние пограничной среды и длительное нахождение мужей в поездках имели следствием замкнутость, застенчивость, одиночество жен «пионеров» фронта [6, р. 9]; поселенцы ориентировались на ценностные установки индивидуализма в выборе поведенческой модели	Блоггинг, хакерство, цифровой просьюмеризм (производство и потребление онлайн-контента), селфи-практики и т.д.; э-фронт стал пространством конструирования виртуальной идентичности, пользователи выбирают различные модели саморепрезентации в киберпространстве

Окончание таблицы

7. Рост беззакония и насилия на раннем фронтире	В приграничье часто происходили мошеннические банковские операции; картежники, головорезы, вигиланты представляли развитие спонтанно возникающих органов власти там, где отсутствовала законная власть; общая американская правовая основа была переинтерпретирована и адаптирована в соответствии с неотложными обстоятельствами, и зачастую результатом было грубое правосудие	Киберпреступность, мошенничество, фишинг, вирусы, спам, незаконные азартные игры
8. Больше пользы и дружелюбия	Описания приграничной жизни изобилуют рассказами о теплоте к незнакомцам, о строительстве общинных домов, о помощи нуждающимся [6, р. 11–12]; поселенцы создавали фронтирные сообщества; конфликты с индейцами, с природной стихией усиливали дух взаимозависимости	Помощь «цифровых аборигенов» «цифровым мигрантам» в освоении э-фронтирной зоны, компьютерных технологий; появление виртуальных сообществ, социальных сетей, краудсорсинга, краудфандинга, открытого программного обеспечения; совместная работа пользователей над Википедией
9. Эксплуатация основного ресурса становится национальной политикой	Гомстед-акт 1863 г. свидетельствовал о намерении правительства использовать свободные западные территории в целях облегчения жизни фермеров и городских работников; земельные участки после пяти лет обработки надела бесплатно переходили в собственность поселенцев западного фронта	Преодоление цифрового разрыва стало элементом национальной политики различных государств; роль правительства США в «войне DNS» во второй половине 1990-х гг.
10. Появление групп интересов	Движение гринбекеров, грейнджеров, политических партий протеста, организованных фермерами	Electronic Frontier Foundation (Фонд электронного фронта), Internet Engineering Task Force (Рабочая группа по проектированию Интернета), ICANN, ISOC (Общество Интернета) и т.д.

Мифологический корпус электронного фронта

Термин «миф» имеет множество интерпретаций в научном дискурсе. Так, В. Доги определяет мифологический корпус как сложную сеть мифов, которые являются культурно важными (т.е. *репрезентирующими общество*), воображаемыми историями, передающимися посредством метафорического и символического дискурса, наглядных образов, эмоциональной приверженности и участия. Эти основополагающие мнения отражают аспекты реального мира и роль человечества в нем. Мифология утверждает политические и моральные ценности культуры, обеспечивает универсальной системой интерпретации индивидуального опыта, которая может содержать вмешательство сверхчеловеческих существ и естественные и культурные предписания. Мифы воспроизводятся или отражаются в ритуалах, церемониях и драмах, представляют материалы для вторичной переработки, когда структурные части мифов – мифемы – становятся ориентирами для последующей истории (народной сказки, исторической легенды, новеллы или пророчества) [14, р. 33].

Используя аналитический инструмент В. Доги, подчеркнем, что мифологический кор-

пус электронного фронта включает комплексную сеть мифов: общий миф о киберфронтире циркулирует наряду с частными мифами о фронтирной зоне, фронтисменах, барьерах на путях экспансии в цифровую реальность.

В речевой практике часто используются компьютерные термины, связанные с классической мифологией, названные в честь мифических персонажей: троян, киберфобия, демон (даймон), арес, геркулес и т.д. Список мифологических терминов в царстве электронного фронта может быть увеличен. Названия коммерческих продуктов новых медиа, компьютерных компаний могут совпадать с именами мифологических существ (например, Helicon, Mercury, Amazon). А. Фернандес-Кано, А. Фернандес-Герреро провели параллели между классическими мифологическими конструктами и виртуальной реальностью, сопоставляя героев греческих мифов с персонажами цифрового мира. Используя научный инструментариум герменевтики, авторы отметили эвристический потенциал следующих классических мифов в целях интерпретации виртуальной реальности, а значит, э-фронта: миф о Тантале, коррелирующий с неизбежным устареванием компьютерных ресурсов; миф о Тесее, коннотирующий создание антивируса для уничтожения троянов

и червей; миф об Одиссее/Улиссе, подходящий для описания неудач онлайн-пользователей; миф о Пигмалионе, отражающий эффективность интернет-технологий в процессе управления человеческими знаниями; миф о Протее, боге моря, олицетворяющем динамичную непредсказуемую природу цифрового мира [15].

Общий миф об электронном фронтире

Конструирование общего мифа об электронном фронтире происходило в 1990-х гг. в несколько этапов. Мифология западного фронтира разделяла Запад с его свободой, новыми возможностями и консервативный Восток. Чтобы завоевать э-фронтир, цифровые первопроходцы проложили границы между старым миром и прототипами современного Интернета (ARPA-NET, NSFNET), функционировавшими как закрытые академические компьютерные сети. В работе Г. Рейнгольда, вышедшей в 1993 году и ставшей бестселлером [16], популяризировался образ электронного фронтирного сообщества как виртуального комьюнити, доступного не только для «пионеров фронтира», разработчиков Интернета, но и для рядовых поселенцев, которые могли колонизировать виртуальное пространство. Основываясь на своем опыте членства в сетевом сообществе «Well», он указал на доступность, свободу, демократичность, коммуникативный потенциал электронных комьюнити, построенных по принципу интереса, вне географических барьеров. Постепенное расширение круга поселенцев виртуального мира требовало создания нетикета, правил онлайн-поведения пользователей, метафорично интерпретировавшихся как «э-фронтирная справедливость»; сетевой этикет участвовал в символическом создании электронного сообщества и играл определенную роль в конструировании мифа об э-фронтире. В 1992 г. на книжных прилавках США стали появляться первые справочники об Интернете для начинающих пользователей, а СМИ активно популяризировали э-фронтир. Новый ресурс в конструировании общего мифа был связан с появлением в 1993 г. в Сан-Франциско журнала *Wired*, ставшего трибуной для новых идей в компьютерной революции; в 1996 г. *Wired* изобрел неологизм *netizen* (гражданин Интернета) и создал раздел под этим заголовком [4, р. 100–101]. Отметим также, что в 1988 г. Стюарт Брэнд сформировал Глобальную бизнес-сеть (GBN), которая разрабатывала прогнозы относительно информационного общества и обеспечивала связи с деловым миром; бизнес-сеть тесно контактировала с журналом *Wired*. Политические коннотации

мифического дискурса э-фронтира возникли с появлением Фонда электронных рубежей Дж.П. Барлоу, отстаивавшего права и свободы в виртуальном мире. В конечном итоге, мифическое измерение киберфронтира стало транслироваться в 1990-х гг. широкой публике в ходе усилий диджера (онлайн-элиты): журналистов *Wired*, членов *Electronic Frontier Foundation*, *Global Business Network*, которые активно контактировали друг с другом [4, р. 106]. Цифровые интеллектуалы создавали миф об универсальном Интернете как фронтирном сообществе.

Мифы о героях э-фронтира

Эта область цифровой мифологии фронтира включает обширный пласт мифологических построений о пионерах, поселенцах, ковбоях, предпринимателях э-фронтира, о диджерах, хакерах, сисадминах, программистах, кибершерифах, серферах, интернавтах (виртуальных путешественниках) в киберпространстве.

Поисковая машина э-фронтира *Google* в ответ на ключевое слово «киберсквоттер» выдает следующие образные характеристики данного типажа фронтирмена: «сетевой первопроходец», «киберпоселенец», «хозяин онлайн-земли», «владелец кибержилья». В цифровом пространстве активно циркулируют мифы о киберсквоттерах, регистрирующих доменные имена брендов с целью получения прибыли от их дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования. Доменом именуют владения интернет-пользователей в адресном онлайн-пространстве; доменное имя как символическое имя, идентификатор ресурса сети (веб-сайт, веб-браузер и т.д.) реализует не только техническую функцию сетевой адресации, трансляции имен в цифровой IP-адрес, но и функцию идентификации бизнеса, индивидуализации товаров, услуг компаний. Образ киберсквоттера окутан «мифической тканью»: этот фронтирмен-спекулянт «захватывает» домены. Метафора «киберзахвата» уместна в отношении фронтирменов «первой волны», когда действовала бесплатная регистрация свободных доменных имен в зоне *.com* до 1995 г. (в 1990–2002 гг. в доменной индустрии зоны *.ru* существовала практика «прокатывания домена»). На текущий момент киберсквоттеры, в основном, – бизнесмены, инвесторы в доменные имена, аналитики рынка имен веб-ресурсов, электронной коммерции. К тому же киберсквоттинг включает различные направления: брендовый, отраслевой, именной, защитный, тайпсквоттинг (использование опечаток пользователя при введении имени попу-

лярного веб-сайта в адресной строке браузера). Негативные черты фронтирному герою придают практики использования виртуальной собственности киберсквоттеров, носящие недобросовестный характер и нарушающие права обладателей торговых марок.

Архетипический герой западного фронта, «американский ковбой», воплотился в образе хакера. В интерпретации М. Кастельса, культуре этих фронтисменов свойственны следующие мифы: психологическая маргинальность хакеров (заикленность на софте, пренебрежение к юзерам); реализация хакерских «практик дарения» только в условиях постдефицитных обществ; представители данного сообщества являются, в основном, «взломщиками» [17, с. 67–68]. Мифологизация образа хакера отражена в «романтизации» деструктивной деятельности подобного героя э-фронта, приписывании хакерам онлайн-зависимости, черт интровертов, наделения их «компьютерным сверхмоществом». Однако существуют и «этические хакеры», помогающим государственным и коммерческим организациям защитить IT-инфраструктуру. В цифровой мифологии хакер является объектом мифотворчества, героем э-фронта в силу его способности совершать поступки, предпринимать определенные действия, нарушать правила, преодолевать границы запретов, колонизировать фронтирное пространство. Образ хакера активно мифологизируется в медийных текстах, визуальных репрезентациях, что приводит к популяризации хакерской культуры. В западном дискурсе поддерживается миф о «русских хакерах», имеющий политические коннотации и обусловленный профессионализмом российских IT-специалистов.

Миф об общедоступности электронного фронта

П. Адамс фиксирует общедоступность как отличительную черту э-фронта [8, р. 163]. Киберлибертарианцы последовательно отстаивают идею о преодолении барьеров на пути «колонизации» поселенцами «электронного фронта» посредством бесплатного компьютерного образования, онлайн-публичных обсуждений с политиками и удобного для пользователя программного обеспечения. «Суровая» и «гаинственная» местность компьютерных сетей должна быть доступной для обычных жителей.

Р.М. Грин по итогам прикладного качественного исследования сформулировала факторы, препятствующие проявлению интереса к онлайн-технологиям в среде «непользовате-

лей»: отсутствие привычки к обучению, познанию нового; недоверие, страх перед компьютерными технологиями; интерпретация компьютеров как сложных в использовании, непредсказуемых; приписывание магических черт, врожденного дара «цифровым аборигенам»; приверженность луддизму; отсутствие помощи, пренебрежение со стороны активных пользователей онлайн-ресурсов. При этом наличие в семье лиц с высоким уровнем цифровых компетенций может быть ингибитором обучения онлайн-технологиям, освоения э-фронта среди других членов семьи, не являющихся IT-грамотными [18].

По данным Всемирного банка, в 2015 г. наиболее высокий уровень проникновения Интернета (90–95%) наблюдался в Люксембурге, Норвегии, Дании, Бахрейне, Японии, Нидерландах, Катаре, Финляндии, Великобритании, ОАЭ. Наиболее низкий уровень доступа граждан к онлайн-пространству (ниже 5%) характерен для следующих стран: Нигер, Сьерра-Леоне, Чад, Гвинея-Бисау, Республика Конго, Мадагаскар, Центрально-Африканская Республика, Гвинея, Бурунди [19]. Интерпретируя данные Всемирного банка, можно отметить, что 47% населения планеты имеют доступ к электронному фронтиру; при этом наиболее плотнонаселенной оказывается электронная фронтирная зона Европы и Северной Америки.

Миф о децентрализации маршрутной архитектуры электронного фронта

Характеристика э-фронта как централизованного/децентрализованного всплывает в ходе рассмотрения проблем управления Интернетом, в том числе сквозь призму технической инфраструктуры, архитектуры онлайн-пространства. С позиции различных исследователей, а также представителей технического сообщества Интернет («сеть сетей») рассматривается как распределенная система – а не децентрализованная – с различными центрами и концентрациями власти в ее конструировании и управлении.

Архитектура пространства Интернета как электронного фронта включает несколько глобальных систем: адресации (учета и распределения адресных ресурсов), доменных имен, маршрутизации и передачи данных. Интернет представляет собой сеть, узлы в которой объединены пиринговыми отношениями, в рамках которых соседние сети обмениваются трафиком, а также отношениями «провайдер – клиент». Обмен информацией о маршрутах движения трафиков между «соседними сетями» технически возможен с помощью протоколов маршрутизации.

Понимание особенностей маршрутизации и передачи данных в сети дает ключ к разгадке указанного мифа, который коннотирует с идеей о том, что Интернет создал условия для появления протоколов, технологий контроля, которые не могут быть централизованы. Подчеркнем, что маршрутная архитектура э-фронттира изначально не разрабатывалась как централизованная (с наличием главного аппаратного узла, регулирующего все коммутации) или децентрализованная система координации, контролирующая значительным количеством региональных аппаратных узлов, предпочтение отдавалось распределенному характеру управления; на разных этапах развития и функционирования технической инфраструктуры фронта существовали различные практики регулирования онлайн-маршрутизации.

В сети с коммутацией пакетов ARPANET (Advanced Research Projects Agency Network), являющейся прототипом современного Интернета, маршрутизация и передача данных между стандартизированными мини-компьютерами IMP (Interface Message Processor; т.н. роутерами) осуществлялась под централизованным контролем фирмы Bolt, Beranek and Newman (BBN) [20].

NSFNET (the National Science Foundation Network), опорная сеть Интернета начала 1990-х гг., приняла принципиально иную форму, чем ARPANET, с трехуровневой иерархической сетевой топологией: сети в учебных заведениях, исследовательских центрах были подключены к региональным сетям, которые, в свою очередь, были связаны единой магистральной сетью NSFNET по регионам. В NSFNET использовался протокол EGP (Exterior Gateway Protocol), с помощью которого осуществлялась междоменная маршрутизация между автономными системами; при этом отсутствовала необходимость в централизованном управлении и координации модернизации аппаратного и программного обеспечения для обеспечения совместимости, как в случае с ARPANET. Тем не менее основная магистраль NSFNET контролировала маршрутизацию через NSFNET в целом, а EGP был разработан прагматически с учетом иерархической топологии NSFNET [20].

В 1994 г. сеть NSFNET была приватизирована, в 1995 г. появилось много частных провайдеров интернет-услуг. Описывая архитектуру глобальной системы маршрутизации, отметим, что современный Интернет не имеет иерархической структуры NSFNET; распределенная модель маршрутизации предполагает, что рабочая топология сети определяется совместно всеми устройствами. При этом топологическая струк-

тура Интернета стала состоять из множества центров силы в разных географических масштабах.

Миф об анонимности на электронном фронтире

Наряду с «поверхностным», «видимым» Интернетом (surface web) функционирует невидимый Интернет, включающий различные сегменты: глубокая сеть (deep web) (сайты, не индексирующиеся основными поисковыми системами, но доступные с помощью стандартных веб-браузеров); темная сеть (сайты, недоступные через стандартные браузеры, базирующиеся на использовании оверлейной сети, требующей особых прав доступа, специализированного программного обеспечения) [21, с. 57]. Даркнет представляет мир скрытых сервисов Tor, I2P, Freenet и т.д. Структуры даркнета – Tor, I2P (Invisible Internet Project) – сети, располагающиеся поверх Интернета (оверлейные), предоставляющие определенную маскировку личности интернет-пользователя, но *не полную анонимность* [21; 22].

Для обычного пользователя само существование «темного интернета» является мифом; дарквеб часто ассоциируется только с темной стороной э-фронттира, представая «цифровым подпольем», местом скопления киберпреступников. Перечислим мифы о даркнете, циркулирующие в цифровой среде: даркнет такой же, как и глубокий веб; даркнет используется только для преступной деятельности; даркнет огромен. Отметим также, что даркнет-структура Tor предстает мифическим конструктом, с которым связаны представления пользователей о том, что проект может быть взломан, сложен в использовании или гарантирует полную анонимность. Глубокий веб содержит веб-сайты и веб-ресурсы, которые не индексируются поисковыми системами; но это могут быть форумы, сайты научных институтов, базы данных, правительственные веб-сайты, доступ к которым только у зарегистрированных пользователей. Определенная часть deep web содержит академический контент на сайтах университетов. Даркнет – небольшая часть невидимой сети, которая намеренно скрыта и недоступна для стандартных веб-браузеров. Посетители цифрового подполья представляют собой «пыль в галактике онлайн-пользователей». Многие услуги, доступные в даркнет, могут быть доступны на обычных веб-сайтах (финансовое мошенничество, террористические форумы, торговля запрещенными товарами, субстанциями) [23]. К тому же проект Tor входит в рабочую группу по

цифровой экономике, созданную с целью решения проблем киберпреступности. В 2010 г. даркнет-структура Tor была удостоена премии от Фонда свободного программного обеспечения, в т.ч. за поддержку активистов борьбы за права человека, диссидентов. Проект Tor используется социальными работниками для общения на веб-форумах с беженцами, жертвами насилия, лицами с отклонениями, журналистами – для общения с диссидентами и информаторами, например в целях приема компромата, конфиденциальной информации [22]. Значимость даркнет-пространства для мира киберпреступности преувеличена, однако это пространство, свободное от цензуры, и проблема состоит в том, как пользователи ведут себя в условиях анонимности.

Миф о свободе на электронном фронтире

Интернет-мифология содержит две истории относительно управления и контроля над э-фронтиром. Киберлибертарианцы утверждают, что электронный фронт свободен от корпоративного и государственного контроля как «мир, который везде и нигде» [24]. Так, для Дж.П. Барлоу метафорический конструкт э-фронтира подразумевал идею «фронтирного сообщества», противопоставленного фронтальной линии: независимый поселенец находится в опасности быть колонизированным «имперским» правительством. Эту мифологическую конструкцию *баланса свободы и дисциплины* в «промежуточном» временном состоянии, на которое пока не повлияла цивилизация (*правительственный контроль*), Барлоу экстраполирует на Интернет, интерпретируя фронтальное комьюнити с позиции риторики киберлибертарианства [5, р. 100; 24]. Киберпатерналисты, напротив, указывают на то, что архитектура Интернета может быть использована для практик контроля.

В 2010-х гг. государственные структуры начали активную интеграцию в электронное пограничье РФ; реализуется государственная политика в отношении производства и распространения фронтисменами контента в онлайн-пространстве, фильтрация веб-сайтов. С ноября 2017 г. вступил в силу ФЗ №276, который ввел запрет на использование технологий доступа к заблокированным на территории РФ информационным ресурсам, применение средств достижения анонимности на пространстве э-фронтира (VPN-сервисы, Tor и т.д.), запрет для операторов поисковых систем э-фронтира выдавать ссылки на заблокированные сайты по запросам пользователей; для этого поисковые системы

получают доступ к реестру Роскомнадзора, содержащему сведения о запрещенных сайтах [25]. Владельцам даркнет-структур запрещено предоставлять возможности их использования российским поселенцам э-фронтира в целях обхода блокировок сайтов. ФЗ № 276 отменяет обязательную регистрацию в реестре Роскомнадзора «топовых блогеров». С января 2018 г. начнет действовать ФЗ № 241, который вводит для интернет-мессенджеров обязанность по идентификации пользователей с использованием номера мобильного телефона [26]. Государство «оккупирует» пространство э-фронтира, однако программисты, технологи, пользователи неоднозначно оценивают подобные практики «вторжения», аргументируя сложность государственного регулирования сети её открытой архитектурой, динамизмом цифровых технологий, избыточностью фронтальных ресурсов.

Заключение

Мифологическая реальность фронта, «цифровой жизни» репрезентирована сетью мифов с упорядоченной матрицей значений, корреляциями, иерархическими отношениями между мифами. Мифологический корпус э-фронтира не исчерпывается перечисленными мифами; он сложен, динамичен, как и цифровая реальность; циркулируют различные мифические сюжеты о «поселениях», цифровых популяциях в онлайн-пространстве, героях фронта, фронтальном индивидуализме, демократии. Фронтальные мифы – это истории, которые мотивируют и фиксируют развитие повестки дня электронного ландшафта, фронтальных достижений; цифровой мир – это также и «гибрид» алгоритмов и метафор, науки и мифов.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-03-00339 «Фронтальное сетевое общество как пространство политического взаимодействия».

Список литературы

1. Healy D. Cyberspace and Place: The Internet as Middle Landscape on the Electronic Frontier // *Internet Culture*. N.Y and L.: Routledge, 1997. P. 55–68.
2. Cooper J.R. The CyberFrontier and America at the Turn of the 21st Century: Reopening Frederick Jackson Turner's Frontier // *First Monday*. 2000. №5 (7). Режим доступа: <http://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/768/677>. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v5i7.768> (дата обращения: 20.05.2017).
3. Neice D.C. Cyberspace and Social Distinctions: Two Metaphors and a Theory // *Inside the Communication Revolution – Evolving Patterns of Social and Technical Interaction*. Oxford: University Press, 2002. P. 55–84.
4. Flichy P. *The Internet Imaginaire*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 256 p.

5. Bødker H. The Counter-Cultural Online Frontier – or the Quest for Mythological Balance through Eternal Movement // *American Studies in Scandinavia*. 2004. № 36 (1). P. 90–114.
6. Melbin M. Night as Frontier // *American Sociological Review*. 1978. № 43 (1). P. 3–22.
7. Hartmann M. Technologies and Utopias: The Cyberflaneur and the Experience of Being Online. München: Verlag Reinhard Fischer, 2004. 297 p.
8. Adams P.C. Cyberspace and Virtual Places // *The Geographical Review*. 1997. № 87(2). P. 155–171. DOI: 10.2307/216003.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Turner F. Cyberspace as the New Frontier?: Mapping the Shifting Boundaries of the Network Society, 1999. Режим доступа: <http://fredturner.stanford.edu/wp-content/uploads/turner-cyberspace-as-the-new-frontier.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).
11. Miller L. Women and Children First: Gender and the Settling of the Electronic Frontier // *Resisting the Virtual Life: The Culture and Politics of Information*. San Francisco: City Lights, 1995. P. 49–57.
12. Cleaver H. The «Space» of Cyberspace: Body Politics, Frontiers and Enclosures // *Women & Performance: a Journal of Feminist Theory*. 1996. № 9 (1). P. 239–247.
13. Rojek C. F.J.Turner's «Frontier Thesis»: the Rise of American «Character» // *European Journal of Social Theory*. 2017. № 20(2). P. 236–251. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431016638852>.
14. Doty W.G. Mythography: The Study of Myths and Rituals. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press, 2000. 577 p.
15. Fernandez-Cano A., Fernandez-Guerrero A. Computers and Classical Myths // *AI & Soc.* 2014. № 29. P. 85–96. DOI: 10.1007/s00146-013-0446-2.
16. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. New York: Basic Books, 1993. 325 p.
17. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2004. 328 с.
18. Green R.M. Unpacking «I don't want it» – Why Novices and Non-users don't Use the Internet // *First Monday*. 2006. № 11(9). Режим доступа: <http://firstmonday.org/issues/issue119/green/index.html>. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v11i9.1395> (дата обращения: 15.05.2017).
19. Straumann R. Who Can Access the Internet? Режим доступа: <http://geonet.oii.ox.ac.uk/blog/who-can-access-the-internet> (дата обращения: 16.07.2017).
20. Mathew A. The Myth of the Decentralised Internet // *Internet Policy Review*. 2016. № 5(3). Режим доступа: <https://policyreview.info/articles/analysis/myth-decentralised-internet>. DOI: 10.14763/2016.3.425 (дата обращения: 10.06.2017).
21. Браун Б. Эволюция Darkweb // Интернет в цифрах. 2017. № 2(29). С. 56–61. Режим доступа: <https://cctld.ru/files/books/InNumbers29.pdf> (дата обращения: 03.06.2017).
22. Барглетт Д. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
23. Сох J. The Dark Web as You Know it is a Myth. 2015. Режим доступа: <https://www.wired.com/2015/06/dark-web-know-myth> (дата обращения: 10.07.2017).
24. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. 1996. Режим доступа: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 20.07.2017).
25. Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Российская газета. 2017. 4 авг.
26. Федеральный закон от 29.07.2017 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Российская газета. 2017. 4 авг.

THE MYTHOLOGY OF THE ELECTRONIC FRONTIER

N.V. Plotichkina

Kuban State University

This article provides a theoretical explication of the spatial metaphor of the electronic frontier. The author proves the transposability of F.J. Turner's thesis of the frontier on a digital landscape. Similar features of western and electronic frontiers are also revealed: stage-by-stage colonization of spaces; paucity and homogeneity of population; isolation of colonies; decentralization of management; decrease in social restrictions and prosecutions; growth of lawlessness at the initial stages of frontier development; exploitation of frontier resources as an element of national policy. According to the author, frontier communities of western and virtual spaces are characterized by some common features: the emergence of new styles of behavior, frontier identity; the openness and friendliness in the interactions of settlers; formation of the groups of interest. The mythological corpus of the electronic frontier is interpreted as a network of myths. The stages of designing the general myth about the electronic frontier, private myths about frontiers, general accessibility, decentralization, anonymity and freedom on the electronic frontier are described. The role of digital intellectuals in the construction and dissemination of the myth about the universal Internet as a frontier community is shown. The heroic mythologem of the frontier is revealed through the description of mythological images of cybersquatters and hackers. The myth about general availability of the electronic frontier indicates that the degree of permeability of the dynamic border is defined by the level of users' digital competence. The myth about decentralization is considered in the context of technological infrastructure of the online space. The author describes the myths about the darknet, which are circulated in the online environment and shows the heuristic nature of the metaphor of the electronic frontier in modern research of digital reality.

Keywords: frontier, spatial metaphors of the Internet, electronic frontier, myths of electronic frontier, mythologization of frontier, sociology of the Internet, mythology of the Internet.

УДК 316.4+614

ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2018 г.

А.В. Короленко

Короленко Александра Владимировна, м.н.с. отдела исследования уровня и образа жизни населения
Вологодского научного центра РАН
coretra@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 19.04.2017**Статья принята к публикации 16.01.2018*

Цель статьи – анализ влияния наиболее значимых факторов на состояние общественного здоровья и выявление групп риска «нездоровья» среди населения региона (на примере Вологодской области). Осуществлена систематизация сложившихся в научной среде подходов к классификации факторов общественного здоровья. На основании данных мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области проведен анализ влияния ключевых детерминант (генетических и биологических, социально-экономических, поведенческих, психологических и экологических) на основные параметры здоровья (его самооценку, наличие хронических заболеваний). Установлено, что заметное воздействие на состояние здоровья респондентов оказывают управляемые социально-экономические (уровень доходов и образования, удовлетворенность респондентов доступностью медицинских услуг, жилищными условиями и условиями труда, их семейное положение, место проживания), поведенческие детерминанты (ценностные ориентации, характер питания, употребление алкогольных напитков, уровень физической активности, соблюдение режима труда и отдыха) и неуправляемые или слабоуправляемые экологические и биологические (половозрастные) факторы. По отдельным детерминантам среди населения региона выявлены группы риска «нездоровья», которые могут использоваться в качестве целевых категорий при подготовке и реализации мероприятий региональной политики, направленных на укрепление и сохранение здоровья населения.

Ключевые слова: общественное здоровье, факторы, социологический мониторинг, Вологодская область.

Введение

На протяжении последних 15 лет наблюдается улучшение ключевых количественных показателей здоровья российского населения. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла с 65.3 до 71.4 года, а коэффициент младенческой смертности сократился с 15.3 до 6.5 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. живорожденных. Вместе с тем в качественных параметрах здоровья населения сохраняется ряд серьезных проблем. Как отмечает Н.М. Римащевская, к таким вызовам можно отнести существование так называемой «социальной воронки» нездоровья, выражающейся в ухудшении здоровья каждого следующего поколения по сравнению с предшествующим. Дети, рожденные больными, не проходят реабилитации в течение жизненного цикла и, вступая в репродуктивный возраст, воспроизводят больное поколение [1, с. 54]. В условиях функционирования «социальной воронки» нездоровья особую актуальность приобретают медико-демографические исследования, посвященные детерминантам общественного здоровья.

Изучение воздействия отдельных факторов или их комплекса на состояние здоровья населения позволяет выявлять характер и силу их

влияния, степень управляемости ими и, следовательно, находить возможные варианты улучшения параметров здоровья посредством реализации специальных мер государственной политики. Однако для грамотной интерпретации вклада факторов в формирование здоровья населения необходимо четкое представление об их природе и направленности, а также о тех категориях населения, которые в наибольшей степени подвержены их негативному воздействию. Целью данной статьи стал анализ влияния наиболее значимых факторов на состояние общественного здоровья и выявление групп риска «нездоровья» среди населения региона (на примере Вологодской области).

Методология

Подходы к классификации факторов общественного здоровья

В научной среде сформировались несколько подходов к классификации факторов, детерминирующих здоровье населения. Согласно первому, в основу которого заложена природа факторов и характер их воздействия на здоровье, специалисты выделяют несколько интегрированных блоков. Так, например, Ю.П. Лисицын,

опираясь на модель экспертов Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), выделяет следующие группы факторов: *образ жизни и социально-экономические условия, качество окружающей среды, генетические и биологические факторы, система здравоохранения*. Согласно данной классификации, первая группа определяет состояние здоровья на 49–53%, вторая – на 18–20%, третья – на 17–20%, четвертая – на 8–10% [2].

Н.М. Римашевская и М.С. Бедный группируют факторы здоровья на *биологические, природно-географические, социально-экономические и психологические* [3; 4].

При анализе детерминант здоровья населения, особенно в свете негативных воздействий, приводящих к функциональным нарушениям, часто оперируют таким понятием, как «*факторы риска*». Под ними понимают условия, обстоятельства, конкретные причины, которые повышают вероятность возникновения различных нарушений здоровья, в частности развития заболеваний [5, с. 88].

По аналогии с классификацией ВОЗ и Ю.П. Лисицына Б.А. Ревич, С.А. Бойцов и И.В. Самородская объединяют основные, значимые факторы риска в пять доминант здоровья: *социально-экономическую, поведенческую (образ жизни), средовую, медико-организационную и наследственную* [6, с. 50; 7, с. 1090], при этом отводя определяющую роль первым двум.

Т.О. Тагаева и В.М. Гильмундинов подразделяют факторы риска на *экономико-инфраструктурные, социально-психологические и эколого-климатические* [8, с. 105].

Среди причин, негативно влияющих на состояние здоровья, А.А. Шабуновой выделяются *экономические, социально-психологические и социально-гигиенические факторы* [9, с. 104].

Особое внимание при изучении детерминант здоровья населения в медико-демографических и социологических исследованиях уделяется роли поведенческих факторов, а именно самосохранительного поведения, в его формировании. Самосохранительное поведение традиционно рассматривается как система действий и отношений людей, опосредующих сохранение или отказ от сохранения собственного здоровья и жизни [10, с. 112]. К его основным индикаторам относят место здоровья в системе ценностей и действия, касающиеся таких важных сторон самосохранения, как питание, занятия физической культурой, стрессоустойчивость, активность в сфере медицины, вредные привычки, предупреждение заболеваний и т.д. [10–13].

Второй подход к классификации факторов здоровья основывается на источнике происхож-

дения фактора относительно организма воздействия. Согласно ему выделяют *эндогенные (внутренние) факторы*, порождаемые внутренним развитием человеческого организма, и *экзогенные (внешние по отношению к организму воздействия) факторы*, связанные с действием внешней среды, причин, не зависящих от самого человека [14, с. 69]. В свою очередь, третий подход подразделяет факторы обеих групп на *управляемые и неуправляемые*. Эндогенные факторы в целом достаточно тяжело поддаются воздействию и управлению по сравнению с экзогенными. К эндогенным неуправляемым детерминантам относят пол, возраст и наследственность, тогда как к управляемым – наличие у индивида тех или иных заболеваний. В число экзогенных неуправляемых факторов входят климатическая ситуация и природные условия. Самой важной с точки зрения влияния на здоровье является группа экзогенных управляемых факторов, так как включает в себя образ и уровень жизни населения, медицинское обслуживание, то есть те важные характеристики, которые формируют качество жизни населения и сравнительно легко поддаются управленческому воздействию [5, с. 88].

Социологический мониторинг как источник информации о факторах здоровья

Оценка состояния общественного здоровья, в том числе и его факторов, может осуществляться двумя путями: на основании *объективных и субъективных параметров здоровья*. Объективные параметры рассматриваются при анализе медицинской документации и статистических данных, тогда как оценка субъективных показателей осуществляется через изучение характеристик, выявленных по итогам социологических исследований [15, с. 25]. Результаты социологических опросов позволяют получить информацию о самооценке респондентами состояния собственного здоровья, об удовлетворенности медицинскими услугами, о доступности первичной медико-санитарной помощи, о параметрах самосохранительного поведения. Кроме того, показатели самооценки здоровья по результатам опросов позволяют прогнозировать поведение людей, формируя группы риска среди населения [16, с. 113].

В данной работе были использованы субъективные оценки здоровья, которые были получены в ходе очередного этапа социологического мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области (далее – мониторинг), проведенного Вологодским научным центром РАН в 2016 г. Метод исследования – раздаточное анкетирование на территории крупных об-

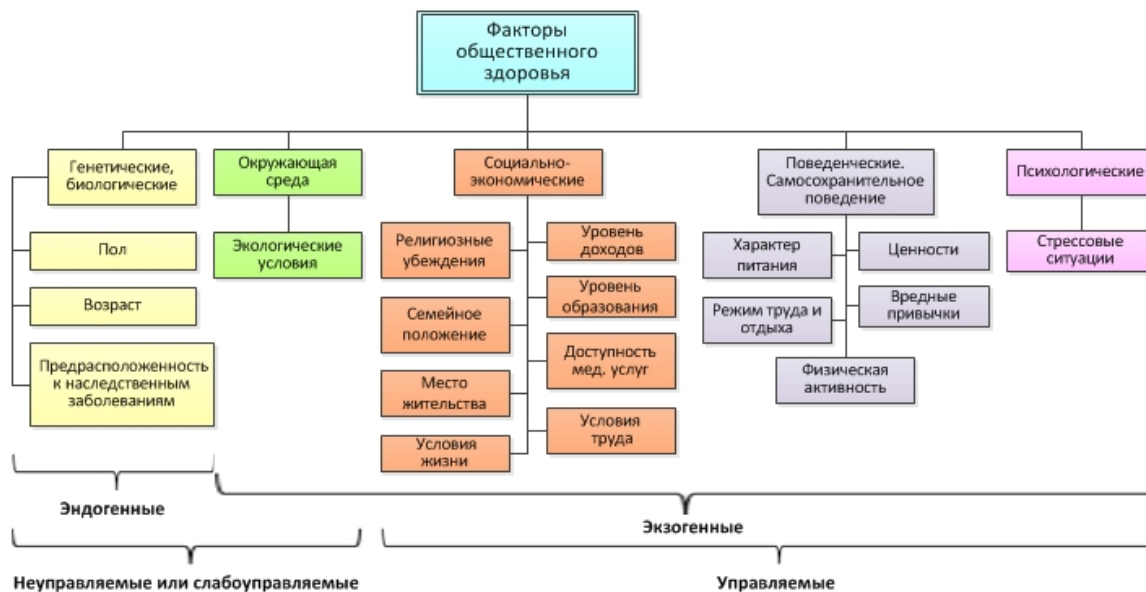

Рис. Факторы общественного здоровья населения

ластных городов Вологды и Череповца, а также в восьми муниципальных районах. Объем выборки составил 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная, репрезентативная. Ошибка выборки не превышала 5%. Техническая обработка информации производилась в программах SPSS и Excel.

Следует помнить, что метод социологического опроса имеет свои ограничения и недостатки, прежде всего связанные с искажением предоставляемых сведений под воздействием таких субъективных факторов, как личность респондента, качество разработки опросника, профессионализм анкетера или интервьюера, время и место проведения опроса, качество организации самой процедуры и т.п. Опрос используется в том случае, когда предпочтительным, а часто единственным источником необходимых сведений является человек – непосредственный представитель исследуемого процесса или явления.

Несмотря на подобные ограничения, метод самооценок признан достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга состояния здоровья населения в качестве дополнительного инструмента оценки общественного здоровья, результативности политики здравоохранения [9, с. 51].

В качестве основных субъективных критериев состояния здоровья населения в исследовании выступали: самооценка респондентами состояния собственного здоровья, наличие/отсутствие длительно протекающих (хронических) заболеваний. В рамках работы нами рассматривались следующие детерминанты

здоровья: факторы окружающей среды (экологические условия), генетические и биологические, социально-экономические, поведенческие и психологические факторы. При классификации и дальнейшем анализе детерминант здоровья нами применялся комплексный подход, опирающийся как на характер воздействия фактора, так и на его происхождение и степень управляемости им (рис.).

В данном исследовании главная задача заключалась в том, чтобы оценить субъективные характеристики здоровья внутри групп респондентов, выделенных на основании его ключевых детерминант (например, среди респондентов разного пола, возраста, уровня доходов, семейного положения, образования и т.д.). Подобный подход позволяет сопоставлять между собой «факторные» группы респондентов по критериям самооценки здоровья и, следовательно, выделять категории риска «нездоровья» населения по воздействию отдельных детерминант.

Результаты

1. Генетические и биологические факторы

Распределение ответов респондентов на вопрос о наследственной предрасположенности к хроническим заболеваниям не позволило сопоставить их с субъективными параметрами состояния здоровья ввиду большого количества пропусков при ответе на него (ответили на вопрос лишь 22.5% респондентов). Однако в связи с тем, что вклад генетических факторов в состояние здоровья населения в целом признается специалистами низким (см. выше), в рамках

Таблица 1

Соотношение биологических факторов с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Пол		Возраст		
	Мужчины	Женщины	До 30 лет	От 30 до 55 (60) лет	Старше 55 (60) лет
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	44.8	32.9	70.4	41.1	12.0
Удовлетворительное	46.1	56.5	25.8	51.5	69.6
Плохое, очень плохое	9.1	10.6	3.7	7.4	18.4
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	17.5	28.6	13.4	18.4	38.9
Отсутствуют	82.5	71.4	86.6	81.6	61.1

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

данного исследования наследственные детерминанты не рассматривались.

Изучение зависимости субъективных параметров состояния здоровья от половой и возрастной принадлежности респондентов позволило установить их комплементарность. Так, например, опрашиваемые мужского пола по сравнению с женщинами чаще оценивают состояние своего здоровья как «очень хорошее и хорошее» (45 против 33%). Среди женщин также оказалась существенно выше доля имеющих хронические заболевания (29 против 18% у мужчин). Однако при интерпретации подобных различий стоит понимать, что они зачастую объясняются не сколько биологическими особенностями, а являются результатом комплексного воздействия социально-экономических и социокультурных факторов [17, с. 129], обуславливающих гендерную специфику самосохранительного поведения. Результаты многих социологических исследований [18–20], в том числе нашего, свидетельствуют о более низких здоровьесберегательных установках представителей «сильного пола». Так, например, согласно данным мониторинга, здоровье в качестве основной жизненной ценности мужчины по сравнению с женщинами выбирают значительно реже (73 против 83%), а доля респондентов-мужчин, не заботящихся о своем здоровье, составляет 23% (против 9% у женщин).

Подавляющее большинство жителей региона в возрасте до 30 лет характеризуют свое здоровье как «очень хорошее, хорошее» (70%), тогда как респонденты 30–55 (60) лет и старше трудоспособного возраста – как «удовлетворительное» (52 и 70% соответственно; табл. 1). Закономерно, что представители старшей возрастной группы значительно хуже оценивают состояние своего здоровья. Так, доля негативных оценок среди них составила 18%, тогда как позитивных – лишь 12%. О наличии у себя хронических заболеваний заявили 39% пожилых, а у

молодежи удельный вес таких ответов составил 13%, у респондентов среднего возраста – 18%.

2. Социально-экономические факторы

Место жительства. Как показали результаты опроса, жители области оценивают свое здоровье преимущественно как «удовлетворительное» (52%). Доля ответов «хорошее, очень хорошее» составила 38%, тогда как лишь каждый десятый опрошенный оценивал свое здоровье как «плохое, очень плохое» (10%).

На территории региона помимо областного центра г. Вологды находится крупный индустриальный центр – г. Череповец. По данным опроса 2016 г., наибольшая доля положительных оценок респондентами состояния собственного здоровья была отмечена в г. Череповце (50% ответов «удовлетворительное», 43% – «очень хорошее, хорошее»), тогда как самая высокая доля негативных оценок зафиксирована в г. Вологде (15% ответов «плохое, очень плохое»; табл. 2). Среди населения районов области удельный вес респондентов, охарактеризовавших свое здоровье как «очень хорошее, хорошее», ниже по сравнению с населением крупных городов (34% против 40% в г. Вологде и 43% в г. Череповце). Как сельские, так и городские жители районов области чаще оценивают свое здоровье как «удовлетворительное» (53 и 60% соответственно против 45% в г. Вологде и 50% в г. Череповце).

Наибольший удельный вес респондентов с хроническими заболеваниями характерен для г. Вологды (34%), тогда как наименьший – для районов области (19%). Однако подобные различия также следует объяснять с осторожностью, так как, с одной стороны, они действительно могут свидетельствовать о лучших характеристиках состояния здоровья жителей сельской местности, малых и средних городов региона, с другой – о более неблагоприятной ситуации с выявляемостью хронических забо-

Таблица 2

**Соотношение места жительства с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)**

Критерии состояния здоровья	Место жительства				
	г. Вологда	г. Череповец	Районы области		
			Всего	Городская местность	Сельская местность
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	40.1	43.1	34.4	31.1	37.3
Удовлетворительное	45.1	49.9	56.7	60.3	53.4
Плохое, очень плохое	14.7	6.9	9.0	8.7	9.3
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	34.4	22.3	18.5	16.1	20.7
Отсутствуют	65.6	77.8	81.5	83.9	79.3

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНИЦ РАН.

Таблица 3

**Соотношение уровня покупательной способности доходов
с критериями состояния здоровья респондентов (в % от числа опрошенных)**

Критерии состояния здоровья	Уровень доходов				
	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	41.7	59.4	41.1	28.5	17.2
Удовлетворительное	52.8	32.3	50.7	59.5	58.6
Плохое, очень плохое	5.6	8.3	8.2	12.0	24.1
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	13.9	20.5	21.8	27.2	36.2
Отсутствуют	86.1	79.5	78.2	72.8	63.8

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНИЦ РАН.

леваный, что, в свою очередь, может быть обусловлено как низким качеством и доступностью медицинской помощи, так и низкой медицинской активностью населения.

Уровень доходов. В результате сопоставления уровня покупательной способности доходов населения с основными компонентами состояния здоровья была выявлена закономерность: чем выше респонденты оценивают покупательную способность доходов, тем лучше они характеризуют состояние собственного здоровья (табл. 3). Так, наиболее позитивные оценки здоровья дают респонденты, для которых покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна (59%). Высоким оказался удельный вес ответов «очень хорошее, хорошее» и среди людей, материально ни в чем себя не ограничивающих (42%). Доля негативных оценок здоровья макси-

мальна среди наименее обеспеченных лиц, у которых денег не хватает даже на приобретение продуктов питания (24%). Аналогичная взаимосвязь была выявлена с наличием хронических заболеваний: так, среди респондентов, самых благополучных в части покупательной способности доходов, доля тех, кто имеет длительно протекающие болезни, составила лишь 14%, тогда как среди наименее обеспеченных – 36%.

Уровень образования. Анализ субъективных критериев здоровья в зависимости от уровня образования респондентов показал, что лучше всего состояние собственного здоровья оценивают люди, имеющие незаконченное высшее образование (доля ответов «очень хорошее, хорошее» – 65%; табл. 4), тогда как население с неполным средним и средним образованием по сравнению с другими чаще оценивает его как «плохое и очень плохое» (14%). Кроме того, среди опрошенных с неполным средним и

Таблица 4

Соотношение уровня образования с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Образование				
	Неполное среднее, среднее	Среднее специальное (ПТУ)	Среднее техническое (техникум)	Незаконченное высшее	Высшее
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	32.6	33.5	38.1	64.6	43.0
Удовлетворительное	53.8	58.2	50.5	29.2	48.4
Плохое, очень плохое	13.6	8.3	11.3	6.2	8.6
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	29.6	22.2	22.8	24.6	22.5
Отсутствуют	70.4	77.8	77.2	75.4	77.5

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

Таблица 5

Соотношение уровня доступности медицинских услуг с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Уровень доступности медицинских услуг					
	Высокий	Довольно высокий	Удовлетворительный	Скорее низкий	Низкий	Медицинские услуги совершенно недоступны
Самооценка состояния здоровья						
Очень хорошее, хорошее	83.3	54.7	40.8	21.5	31.1	29.4
Удовлетворительное	16.7	39.4	51.9	65.6	51.8	51.0
Плохое, очень плохое	0.0	5.8	7.4	12.9	17.1	19.6
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний						
Имеются	5.6	23.7	21.3	25.8	33.5	15.7
Отсутствуют	94.4	76.3	78.7	74.2	66.5	84.3

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

средним образованием оказалось значительно больше тех, кто имеет длительно протекающие хронические заболевания (30%). Отчасти факт более позитивных субъективных оценок здоровья среди первой категории объясняется тем, что в ее состав входит преимущественно молодежь в возрасте до 30 лет (55%), которая по умолчанию обладает лучшими параметрами здоровья. Для сравнения: во второй группе доля лиц до 30 лет составляет лишь 22%, тогда как половина респондентов (49%) относится к возрастной категории 30–59 лет.

Уровень доступности медицинских услуг.

При сопоставлении субъективных параметров состояния здоровья с оценками уровня доступности медицинских услуг была выявлена почти прямо пропорциональная зависимость: чем выше респонденты характеризуют уровень доступности медицинской помощи, тем лучше их оценки собственного состояния здоровья (табл. 5). Так, например, те, кто охарактеризовал уровень доступности медицинских услуг как «высокий», в подавляющем большинстве случаев оценили свое здоровье как «очень хорошее и хорошее» (83%). Также среди данной категории респондентов оказалась самой высокой доля

лиц, не имеющих хронических заболеваний (94%). В то время как худшие характеристики здоровья продемонстрировали люди, отметившие, что доступность медицинских услуг низкая или медицинские услуги вовсе недоступны.

Условия труда и жилищные условия. Анализ влияния условий труда на самооценку состояния здоровья и наличие хронических заболеваний позволил выявить их тесную взаимосвязь: чем выше респонденты оценивают условия труда, тем лучше характеризуют состояние своего здоровья и тем реже отмечают наличие у себя длительно протекающих заболеваний (табл. 6). Так, например, те люди, которые называли условия труда на работе «отличными» и «хорошими», оценивали состояние собственного здоровья преимущественно как «очень хорошее и хорошее» – 64 и 62% соответственно, а также в меньшей степени отмечали у себя наличие хронических заболеваний (12 и 18% соответственно), тогда как среди тех, кто ответил, что условия труда на работе «неудовлетворительные», оказалась наиболее высокой доля негативных оценок здоровья (16%), а также удельный вес имеющих длительно протекающие заболевания (27%).

Таблица 6

Соотношение условий труда и жилищных условий с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных*, без затруднившихся ответить)

Критерии состояния здоровья	Условия труда				Жилищные условия				
	Отличные	Хорошие	Удовлетворительные	Неудовлетворительные	Очень хорошие	Довольно хорошие	Удовлетворительные	Плохие	Очень плохие
Самооценка состояния здоровья									
Очень хорошее, хорошее	64.3	62.3	35.0	34.6	59.4	43.9	29.3	39.1	33.3
Удовлетворительное	33.3	32.6	59.2	49.3	33.7	46.4	60.9	46.7	46.7
Плохое, очень плохое	2.4	5.1	5.8	16.0	7.0	9.7	9.8	14.1	20.0
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний									
Имеются	12.2	17.8	18.4	27.0	24.8	21.4	25.1	29.3	21.4
Отсутствуют	87.8	82.2	81.6	73.0	75.2	78.6	74.9	70.7	78.6

*Для условий труда – в % от числа опрошенного работающего населения.

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

Жилищные условия также напрямую влияют на самооценку здоровья. Подавляющее большинство назвавших свои жилищные условия «очень хорошими» оценивали здоровье как «очень хорошее и хорошее» (59%), а среди тех, кто считает их «очень плохими», каждый пятый характеризовал состояние здоровья как «плохое, очень плохое» (20%). Также доля указавших наличие хронических заболеваний оказалась наиболее высокой среди лиц, назвавших свои жилищные условия плохими (29%).

Семейное положение. При изучении влияния семейного положения респондентов на их состояние здоровья были получены интересные выводы. Так, например, наиболее позитивно собственное здоровье оценивают холостые респонденты (64% ответов «очень хорошее, хорошее»; табл. 7). Кроме того, среди данной категории населения оказалось значительно больше тех, у кого отсутствуют хронические заболевания (85%). Вдовы респонденты чаще по сравнению с другими характеризуют здоровье как «плохое, очень плохое» (23%), а также имеют хронические заболевания (39%). Во многом наблюдаемая зависимость обусловлена возрастными особенностями представителей данных групп: среди холостых респондентов оказалась наибольшей доля молодежи в возрасте до 30 лет (68%), тогда как среди вдовых – лиц в возрасте 60 лет и старше (62%). Выявленные закономерности совпадают с результатами других общероссийских и региональных социологических исследований здоровья населения [21; 22].

Наличие религиозных убеждений. Как показали результаты исследования, наличие у респондентов религиозных убеждений никак не

влияет на самооценку ими собственного здоровья. Вместе с тем среди лиц, не имеющих религиозных убеждений, доля тех, у кого есть длительно протекающие заболевания, оказалась почти в 2 раза выше, чем у тех, кто имеет религиозные убеждения (44 против 23%; табл. 7). Однако интерпретацию подобной закономерности затрудняет факт того, что в наше время многие люди формально причисляют себя к определенной конфессии, при этом не относясь серьезно к ее основополагающим догмам и не соблюдая ортодоксальных правил.

3. Факторы внешней среды. Экологические условия

Вопросы анкеты мониторинга позволяют оценить экологическую ситуацию в месте проживания респондентов и выяснить их мнения относительно причин ее неблагоприятного состояния. Результаты исследования продемонстрировали немаловажную роль экологических условий в формировании самооценки состояния здоровья населения. Так, каждый второй респондент, оценивший экологические условия в месте своего проживания как «очень хорошие», исключительно позитивно характеризовал состояние своего здоровья (51%; табл. 8). Среди тех, кто считает, что экологические условия «довольно хорошие», существенным оказался удельный вес хороших (42%) и удовлетворительных (49%) оценок здоровья. Тогда как чаще по сравнению с другими «плохим и очень плохим» называли состояние своего здоровья люди, проживающие в неудовлетворительных экологических условиях (14% в «плохих» и 12% в «очень плохих»). Кроме того, опрошен-

Таблица 7

Соотношение семейного положения и религиозных убеждений с критериями состояния здоровья респондентов (в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Семейное положение						Наличие религиозных убеждений	
	Состою в зарегистр. браке и проживаю совместно с мужем (женой)	Состою в зарегистр. браке и не проживаю совместно с мужем (женой)	Не состою в зарегистр. браке, но проживаю совместно с мужем (женой)	Разведен (а)	Не замужем (холост)	Вдова (-ец)	Верующий	Неверующий
Самооценка состояния здоровья								
Очень хорошее, хорошее	36.6	27.8	44.4	26.1	64.3	12.3	36.3	45.1
Удовлетворительное	34.4	22.2	38.5	23.8	53.2	11.5	33.1	39.4
Плохое, очень плохое	10.0	16.7	5.9	9.3	4.6	23.0	10.0	9.3
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний								
Имеются	22.8	44.4	21.9	26.4	15.3	39.2	22.8	44.4
Отсутствуют	77.2	55.6	78.1	73.6	84.7	60.8	77.2	55.6

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

Таблица 8

Соотношение экологических условий в месте проживания с критериями состояния здоровья респондентов (в % от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

Критерии состояния здоровья	Экологические условия в месте проживания				
	Очень хорошие	Довольно хорошие	Удовлетворительные	Плохие	Очень плохие
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	50.7	41.9	34.3	36.6	36.3
Удовлетворительное	39.4	48.9	57.1	49.4	51.5
Плохое, очень плохое	9.9	9.2	8.7	14.0	12.1
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	21.1	21.2	23.4	28.5	28.1
Отсутствуют	78.9	78.8	76.6	71.5	71.9

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

ным, проживающим в хороших условиях, в меньшей степени свойственно наличие хронических заболеваний. Тогда как те, кто оценил экологические условия как «плохие» и «очень плохие», оказались наиболее подверженными подобным заболеваниям (29 и 28% соответственно).

4. Поведенческие факторы. Самоохранительное поведение

Ценностные ориентации. При анализе самоохранительного поведения как фактора здоровья населения очень важно рассматривать его ценностную составляющую. В настоящее время здоровье занимает лидирующее место в системе ключевых ценностей жителей Вологодской области (78%) наряду со счастливой и дружной семьей (73%). Однако, как показали результаты опроса, респонденты, для которых здоровье входит в число главных жизненных приоритетов, в целом давали более негативные оценки его состояния: доля ответов «плохое, очень

плохое» составила 10% против 8% у тех, не отнес здоровье в перечень главных ценностей. Кроме того, среди людей данной категории чаще встречались те, у кого имеются хронические заболевания: в 25% случаев против 20% у людей, не отнесших здоровье к главным жизненным ценностям.

Отчасти подобная закономерность может объясняться тем, что люди, ценящие свое здоровье, более ответственно относятся к нему, а следовательно, имеют более широкие представления о нем (в том числе и о наличии у себя хронических заболеваний) и в целом более критично его характеризуют. Так, например, среди респондентов, выбравших здоровье при ответе на вопрос: «Что для Вас является главной ценностью?», доля тех, кто считает себя ответственным за его состояние, составила 94%, тогда как среди жителей, не считающих здоровье главной ценностью, – 80%.

Вредные привычки. Важнейшими деструктивными факторами общественного здоровья

Таблица 9

Соотношение наличия вредных привычек с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Употребление алкоголя		Курение		Наркотики	
	Употребляют	Не употребляют	Курят	Не курят	Пробовали	Не пробовали
Самооценка состояния здоровья						
Очень хорошее, хорошее	40.4	34.3	43.3	35.8	53.4	37.5
Удовлетворительное	53.1	49.6	50.5	52.5	40.0	52.4
Плохое, очень плохое	6.5	16.0	6.1	11.7	6.7	10.0
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний						
Имеются	19.7	30.6	17.8	26.3	13.3	24.0
Отсутствуют	80.3	69.4	82.2	73.7	86.7	76.0

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНИЦ РАН.

Таблица 10

Влияние регулярного употребления алкоголя на критерии состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Регулярно употребляют алкогольные напитки*				Не употребляют алкогольные напитки
	Пиво (более 1 бутылки)	Некрепленое вино (более 200 мл)	Крепленое вино (более 100 мл)	Крепкие спиртные напитки (более 50 мл)	
Самооценка состояния здоровья					
Очень хорошее, хорошее	31.5	45.3	44.6	46.6	34.3
Удовлетворительное	61.7	47.5	48.6	47.3	49.6
Плохое, очень плохое	6.8	7.3	6.9	6.1	16.0
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний					
Имеются	15.5	18.1	14.3	28.3	30.6
Отсутствуют	84.5	81.9	87.5	71.7	69.4

*Варианты ответа «ежедневно» и «по выходным».

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНИЦ РАН.

служат употребление алкоголя, наркотических веществ и курение. Сопоставление наличия деструктивных практик здоровья у респондентов с их субъективными параметрами здоровья продемонстрировало интересные и вместе с тем противоречивые результаты. Так, люди, имеющие вредные привычки (употребляющие алкоголь, курящие и когда-либо пробовавшие наркотические средства), по сравнению с теми, кто не имеет подобных саморазрушительных практик, намного лучше характеризовали состояние собственного здоровья, а также оказались в меньшей степени подвержены хроническим заболеваниям (табл. 9).

Более детальное рассмотрение субъективных параметров здоровья респондентов, регулярно употребляющих спиртное, в сравнении с непьющими показывает, что первая категория опрошенных в целом значительно лучше по сравнению со вторыми оценивают состояние собственного здоровья, реже подвержены хроническим заболеваниям (табл. 10). Данный факт может объясняться тем, что многие непьющие люди в связи с наличием у них длительно протекающих болезней имеют жесткие медицинские ограничения в части потребления алкоголя. Так, например, среди респондентов, не употребляющих алкоголь, почти треть (30%) соблюдают

диету, из них 14% придерживаются ее по показаниям врача, тогда как среди тех, кто употребляет спиртное, – 21 и 5% соответственно. Выявленное противоречие актуализирует вопрос более детального изучения субъективных характеристик здоровья населения, не имеющего данной вредной привычки, и тех, кто ей подвержен, на последующих этапах исследования.

Примечательно, что увеличение частоты курения в течение дня не ухудшает самооценку состояния здоровья курильщиков, напротив, такие респонденты в целом даже лучше чувствуют себя по сравнению с некурящими (табл. 11). Вместе с тем у людей, выкуривающих ежедневно более одной пачки сигарет, все же значительно чаще по сравнению с остальными встречаются хронические заболевания (в 29% случаев).

Сильное воздействие на формирование у человека практик саморазрушительного поведения оказывает поведение его родителей. Так, анализ соотношения табакокурения среди жителей Вологодской области и среди их родителей показал, что в 21% случаев у курящего населения курит(ла) мать и в 79% случаев курит(л) отец. Тогда как у некурящего населения лишь в 6% случаев курила мать и в 51% случаев курит отец.

Таблица 11

Влияние частоты курения на критерии состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Частота курения за день						Некурящие
	Не каждый день	Не более 5 шт.	Менее ½ пачки	Пачка на 2 дня	Не более 1 пачки	Более 1 пачки	
Самооценка состояния здоровья							
Очень хорошее, хорошее	30.0	42.9	48.3	47.0	46.5	36.3	35.8
Удовлетворительное	56.7	51.4	45.0	45.0	48.1	58.8	52.5
Плохое, очень плохое	13.3	5.8	6.7	8.0	5.5	5.1	11.7
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний							
Имеются	20.0	22.9	20.0	19.2	12.0	28.8	26.3
Отсутствуют	80.0	77.1	80.0	80.8	88.0	71.3	73.7

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНИЦ РАН.

Питание. Характер питания играет важнейшую роль в сохранении и укреплении здоровья. Между характером питания и оценками состояния здоровья также была обнаружена непосредственная взаимозависимость: чем лучше питание респондентов, тем выше их оценки состояния здоровья и тем ниже вероятность наличия у них хронических заболеваний. Так, большинство лиц, назвавших свое питание «полноценным», оценили здоровье как «хорошее и очень хорошее» (64%), а также отметили, что не имеют длительно протекающих заболеваний (87%; табл. 12). Тогда как среди респондентов, очень плохо питающихся или регулярно недоедающих и голодающих, оказался наиболее существенным удельный вес негативных оценок здоровья (40 и 50% соответственно), а также крайне высокой доля тех, кто имеет хронические заболевания (65 и 50% соответственно).

Физическая активность. Как показали результаты опроса, респонденты, несколько раз в месяц занимающиеся разнообразными видами двигательной активности, чаще всего давали позитивные оценки состоянию своего здоровья (49% ответов «очень хорошее, хорошее»), тогда как среди тех, кто занимается ей ежедневно, и тех, кто вовсе не занимался двигательной активностью, оказалась наибольшей доля негативных оценок здоровья (14 и 10% соответственно; табл. 12).

Кроме того, интересным представляется факт того, что люди, ежедневно занимающиеся физической активностью, и те, кто, напротив, ей никогда не занимался, значительно чаще заявляли о наличии у себя длительно протекающих заболеваний (24 и 25% соответственно). Таким образом, можно предположить, что как слишком частые занятия двигательной активностью, так и ее полное отсутствие не самым лучшим образом влияют на состояние здоровья.

Режим труда и отдыха. Важное значение в соблюдении здоровьесообразного режима труда

и отдыха имеет наличие у работающего населения ежегодного отпуска. Результаты опроса показали, что респонденты, имевшие на протяжении предшествующего года отпуск длительностью от 28 до 40 дней, в целом обладают более благоприятными параметрами здоровья: так, совокупная доля самооценок собственного здоровья «очень хорошее, хорошее» и «удовлетворительное» составила 95%, а доля тех, кто не имеет длительно протекающих заболеваний, – 84% (табл. 13). Среди респондентов, не имевших отпуска на протяжении года, оказались максимальны по сравнению с теми, у кого он был, доля оценок здоровья «плохое, очень плохое» (14%), удельный вес лиц с хроническими заболеваниями (30%).

Поскольку вопрос о наличии и длительности отпуска был ограничен рамками одного года («Укажите длительность Вашего отпуска за последний год»), то в перечень субъективных критериев состояния здоровья интересным представляется включение оценок респондентами изменения состояния собственного здоровья в течение последнего года. Так, каждый третий опрошенный, не имевший отпуска на протяжении года, отметил, что его состояние здоровья ухудшилось (32%), тогда как об улучшении заявили лишь 5% респондентов данной категории. Среди тех, кто имел отпуск длительностью более 40 дней, оказалась самой высокой доля респондентов, отметивших улучшение здоровья (10%).

5. Психологические факторы. Стресс

Результаты опроса показали, что среди респондентов, в течение года никогда не испытывавших стрессовых ситуаций, по сравнению с другими оказалось значительно больше тех, кто оценивал свое здоровье как «очень хорошее, хорошее» (44%; табл. 14). Чаще всего оценку «плохое, очень плохое» давали люди, которые подверглись стрессу лишь однажды (16%), и те, кто испытывал его ежедневно (14%). Кроме того,

Таблица 12

Соотношение характера питания и физической активности с критериями состояния здоровья респондентов (в % от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

Критерии состояния здоровья	Характер питания					Физическая активность				
	Полноценное	Нормальное	Неудовлетворительное	Очень плохое	Регулярно недоедают, голодают	Занимаются какой-либо физической активностью			Сейчас не занимаются	Никогда не занимались
						Ежедневно	2-3 раза в неделю	Несколько раз в месяц		
Самооценка состояния здоровья										
Очень хорошее, хорошее	64.0	35.5	33.3	20.0	25.0	39.2	45.5	49.2	41.8	38.3
Удовлетворительное	31.2	56.1	49.7	40.0	25.0	46.5	47.7	44.4	51.4	52.0
Плохое, очень плохое	4.7	8.5	17.0	40.0	50.0	14.3	6.8	6.4	6.8	9.8
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний										
Имеются	12.8	22.7	33.0	65.0	50.0	24.4	19.1	17.9	17.9	24.7
Отсутствуют	87.2	77.3	67.0	35.0	50.0	75.6	80.9	82.1	82.1	75.3

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

Таблица 13

Соотношение наличия ежегодного отпуска с критериями состояния здоровья респондентов (в % от численности опрошенного работающего населения)

Критерии состояния здоровья	Отсутствие отпуска	Наличие ежегодного отпуска		
		Менее 28 дней	От 28 до 40 дней	Более 40 дней
Самооценка состояния здоровья				
Очень хорошее, хорошее	36.1	44.6	44.0	37.1
Удовлетворительное	49.8	47.1	51.1	50.5
Плохое, очень плохое	14.2	8.1	5.0	12.3
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний				
Имеются	29.7	19.7	15.6	26.8
Отсутствуют	70.3	80.3	84.4	73.2
Изменение состояния здоровья за год				
Улучшилось	4.7	3.8	5.4	10.3
Осталось таким же	54.7	66.8	70.2	55.7
Ухудшилось	32.1	24.3	19.4	27.8

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

ежедневно испытывающие стресс чаще высказывались о наличии у себя хронических заболеваний (41%), а также отмечали, что состояние здоровья ухудшилось за последний год (38%).

Исходя из результатов социологического исследования нами выделены группы риска «нездоровья» среди населения региона по отдельным детерминантам здоровья (табл. 15). Так, к категории риска «нездоровья» по воздействию неуправляемых или слабоуправляемых эндогенных биологических факторов были отнесены мужчины и лица старше трудоспособного возраста; неуправляемых или слабоуправляемых экзогенных экологических факторов – люди, проживающие в плохих экологических услови-

ях. В группу риска по управляемым экзогенным социально-экономическим детерминантам попали такие категории населения, как люди с низким уровнем доходов, с неполным средним и средним образованием, проживающие в плохих жилищных условиях, работающие в неудовлетворительных условиях труда, находящиеся в статусе вдовы/вдовца, и те, для кого медицинские услуги совершенно недоступны или уровень их доступности низкий; по поведенческим – население с плохим, нерегулярным питанием, лица, либо слишком часто занимающиеся физической активностью, либо вовсе не занимающиеся ей; по психологическим – люди, регулярно испытывающие стрессовые состояния.

Таблица 14

Соотношение наличия стресса с критериями состояния здоровья респондентов
(в % от числа опрошенных)

Критерии состояния здоровья	Испытывали стресс					Никогда не испытывали стресс
	Практически ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Только однажды	
Самооценка состояния здоровья						
Очень хорошее, хорошее	32.3	31.7	40.3	37.1	39.1	44.4
Удовлетворительное	53.8	57.2	51.0	54.9	44.5	47.4
Плохое, очень плохое	14.0	11.0	8.6	8.0	16.4	8.3
Наличие длительно протекающих (хронических) заболеваний						
Имеются	41.3	38.6	26.6	18.6	20.7	15.1
Отсутствуют	58.7	61.4	73.4	81.4	79.3	84.9
Изменение состояния здоровья за год						
Улучшилось	2.2	3.4	5.8	4.1	3.4	6.0
Осталось таким же	51.6	53.1	64.4	65.4	65.8	68.8
Ухудшилось	37.6	38.6	24.4	25.4	24.0	17.3

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области ВолНЦ РАН.

Таблица 15

Группы риска «нездоровья» среди населения Вологодской области по ключевым факторам

Факторы		Группы риска «нездоровья»	
Неуправляемые или слабоуправляемые	Эндогенные	Биологические	Мужчины, лица старше трудоспособного возраста
	Управляемые	Экзогенные	Окружающая среда (экологические)
Социально-экономические		Люди с низким уровнем доходов (денег не хватает даже на приобретение продуктов питания). Люди с неполным средним, средним образованием. Люди, для которых медицинские услуги совершенно недоступны или уровень их доступности низкий. Люди, проживающие в плохих жилищных условиях. Люди, условия труда которых неудовлетворительные. Люди в статусе вдовы/вдовца	
Поведенческие		Люди, питание которых плохое, нерегулярное. Люди, или не занимающиеся двигательной активностью, или занимающиеся ей ежедневно. Люди, не имеющие ежегодного отпуска	
Психологические		Люди, регулярно (ежедневно) испытывающие стрессовые состояния	

Выводы

Обобщая существующие теоретические подходы к классификации детерминант общественного здоровья населения, стоит отметить, что при анализе факторов следует учитывать как их происхождение и вклад в формирование здоровья, так и степень управляемости ими. В соответствии с этим можно выделить следующие группы факторов:

- 1) Неуправляемые или слабоуправляемые:
 - экзогенные факторы окружающей среды (экологические условия);
 - эндогенные генетические и биологические.
- 2) Управляемые:
 - экзогенные социально-экономические, поведенческие (в том числе самосохранительное поведение) и психологические факторы.

Использование подхода, опирающегося на данные социологических исследований, при

изучении детерминант здоровья дает возможность углублять и конкретизировать имеющиеся статистические данные, позволяет выявлять такие взаимосвязи, закономерности и специфические черты, которые невозможно получить объективным путем. Кроме того, метод социологического опроса является наиболее подходящим и оптимальным в случае рассмотрения управляемых поведенческих факторов, так как итогом его применения служат конкретные сведения об образе жизни населения, удовлетворенности респондентов условиями жизни, установках относительно сохранения и укрепления здоровья и т.д.

Как показали результаты очередного этапа мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области, проведенного ВолНЦ РАН в 2016 г., заметное воздействие на состояние здоровья респондентов оказывают управляемые социально-экономические (уровень доходов и образования, удовлетворенность респондентов дос-

тупностью медицинских услуг, жилищными условиями и условиями труда, их семейное положение, место проживания), поведенческие детерминанты (ценностные ориентации, характер питания, уровень физической активности, соблюдение режима труда и отдыха) и неуправляемые или слабоуправляемые экологические и биологические (половозрастные) факторы.

Выявленные на основании социологического исследования группы риска «нездоровья» среди жителей Вологодской области по отдельным детерминантам могут использоваться в качестве целевых категорий при подготовке и реализации мероприятий региональной политики, направленных на укрепление и сохранение здоровья населения. При этом особое внимание следует уделять управляемым факторам общественного здоровья, так как они обладают наибольшим потенциалом в части государственного регулирования.

Список литературы

1. Римашевская Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. №4 (12). С. 48–61.
2. Социальная гигиена (медицина) и организация здравоохранения: Учеб. рук-во / Под ред. Ю.П. Лисицына. Казань, 1998. 698 с.
3. Бедный М.С. Семья – здоровье – общество. М.: Просвещение, 1986. 360 с.
4. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН РАН, 2001. 320 с.
5. Шабунова А.А., Калашников К.Н., Морев М.В. и др. Здоровье и здравоохранение: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 154 с.
6. Ревич Б.А. Детерминанты общественного здоровья в российской Арктике и на приарктических территориях // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 50–60.
7. Бойцов С.А., Самородская И.В. Факторы, влияющие на смертность населения // Вестник Российской академии наук. 2016. №12 (86). С. 1089–1097.
8. Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М. Статистический анализ влияния факторов риска на ухудшение общественного здоровья // Проблемы прогнозирования. 2015. №1. С. 105–118.
9. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: Монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
10. Иванова Л.Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2005 / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 110–133.
11. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66–74.
12. Кашуркина С.С. Самосохранительное поведение детей и молодежи как социальная проблема. Казань: РИЦ «Школа», 2006. 84 с.
13. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения: Монография / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: МАКС Пресс, 2007. 526 с.
14. Лебедева-Несевря Н.А., Гордеева С.С. Социология здоровья: Учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2011. 238 с.
15. Проблемы сохранения человеческого потенциала: медико-демографические аспекты / Рук. авт. коллектива А.И. Попугаев. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. 157 с.
16. Сочнев А.В. Поведенческие факторы здоровья молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 113–117.
17. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под ред. В.В. Локосова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. 411 с.
18. Браун Дж. В., Панова Л.В., Русинова Н.Л. Гендерные различия в здоровье // Социологические исследования. 2007. №6. С. 114–122.
19. Назарова И.Б. Гендерные стереотипы применительно к индивидуальному здоровью // Гендерные стереотипы в современной России / Под ред. И.Б. Назаровой, Е.В. Лобзы. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: МАКС Пресс, 2007. 306 с.
20. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №3 (27). С. 123–132.
21. Синельников А.Б. Влияние брачного статуса на самооценку состояния здоровья // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. №4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/332/lang,ru/> (дата обращения: 15.03.2016).
22. Шигаева Е.С. Осведомленность населения Свердловской области об основных показателях своего здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2012. № 2. С. 23–28.

FACTORS OF PUBLIC HEALTH: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH (ON THE MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION)

A.V. Korolenko

Vologda Science Center of the Russian Academy of Sciences

The aim of this article is to provide an analysis of the influence of the most significant factors on the public health and to identify the risk groups of «ill health» among the population of the region (on the example of the Vologda region). The

author systematized the scientific approaches to the classification of the public health factors. The article contains the analysis of the influence of key determinants (genetic and biological, socio-economic, behavioral, psychological and environmental) on the main parameters of health (self-assessment, chronic diseases), based on the data of sociological monitoring of the public health of the Vologda region. It is established that controlled socio-economic determinants (income and education level, respondents' satisfaction with the availability of medical services, housing and working conditions, their marital status, place of residence), behavioral determinants (value orientations, nature of nutrition, use of alcoholic beverages, level of physical activity, observance of the working and rest regime) and uncontrolled or hardly controlled environmental and biological factors (sex and age-related) make a significant impact on the respondents' health. The author identified the risk groups of «ill health» among the population of the region by separate determinants. These groups can be used as target categories in the preparation and implementation of regional policy measures aimed at preserving and improving the population's health.

Keywords: public health, factors, sociological monitoring, Vologda region.

УДК 316

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕМЬИ С РЕБЕНКОМ-ИНВАЛИДОМ

© 2018 г.

М.В. Курникова

Курникова Мария Владимировна, к.мед.н.; доцент кафедры адаптивной физической культуры
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mkurnikova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 05.07.2017**Статья принята к публикации 23.01.2018*

Дается теоретическое обоснование необходимости создания интегративной модели физической активности ребенка-инвалида как ресурса улучшения социального самочувствия его семьи на основе инструментов доступности, безопасности, массовости, с позиции социально-экологической модели У. Бронфенбреннера. Рассматриваются формы и средства вовлечения детей с инвалидностью в регулярную физическую активность на основе взаимодействия микросистемы семьи с экосистемой физкультурно-оздоровительных, образовательных и рекреационных учреждений. Дается характеристика современных проблем, с которыми сталкивается российская семья при решении задачи расширения диапазона физической активности своего ребенка. Приводятся результаты эмпирического исследования влияния регулярных занятий по обучению плаванию детей-инвалидов на социальное самочувствие их семей, а именно: положительная динамика внутрисемейных отношений, расширение физических возможностей ребенка, улучшение состояния здоровья, коррекция поведения, изменения в коммуникации со сверстниками и школьной успеваемости. Определены ресурсы семьи для стимуляции физического развития ребенка-инвалида, освоения им новых двигательных умений и навыков. Выявлены положительное отношение родителей к регулярным совместным тренировкам и готовность семьи планировать самостоятельные долгосрочные стратегии поддержания физической активности ребенка и нести ответственность за их реализацию.

Ключевые слова: социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом, физическая активность, интегративная модель, социально-экологическая модель семьи, обучение плаванию.

Актуальность

С 2000-х гг. усиливается интерес социологов к двум важным составляющим качества детства: здоровью и образованию детей – и двум наиболее уязвимым группам детей: сиротам и инвалидам. Внимание общественности к проблемам и тех, и других способствует внедрению новых технологий социальной адаптации и реабилитации – появляются инклюзивные и интегрированные школы, приемные семьи, детские деревни, обсуждаются вопросы безбарьерной среды, преодоления дефектов воспитания «государственных» детей [1]. Большое значение приобретают понятия «качество жизни», «социальное самочувствие», «субъективное социальное благополучие» и пути их улучшения в современном российском обществе для семей, воспитывающих ребенка-инвалида. Социальное самочувствие – это сложное, достаточно устойчивое, целевое и актуализированное психологическое состояние, возникающее у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизни и деятельности в обществе [2]. В эмпирических исследованиях по изучению социального самочувствия

одним из подходов является измерение показателей удовлетворенности различными аспектами жизни и психологического комфорта (безопасность, отношения в семье, досуг, возможность творческой самореализации, комфортная среда обитания, состояние здоровья и др.). В этом случае социальное самочувствие можно рассматривать как аналог понятия «субъективное благополучие» [3].

В российском научном пространстве практически отсутствуют социологические исследования, посвященные изучению динамики социального самочувствия семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, под влиянием расширения диапазона его физической активности. Проблемой остается отсутствие интегративной модели физической активности ребенка-инвалида, основанной на синтезе субъективных, нематериальных ресурсов семьи и ресурсов социума, которая будет содержать методы вовлечения ребенка и родителей в физическую активность, алгоритм действий при расширении ее форм, выбор наиболее безопасных и эффективных средств, максимально возможных в условиях социально-экологической системы, окружающей семью. Данная модель должна быть дос-

тупной, предлагать возможности выбора пути, прогнозировать результат и гарантировать его достижение.

Теоретическое обоснование исследования

Физическая активность человека, ее воздействие на здоровье, физическое развитие, функциональное состояние органов и систем, эмоциональную и когнитивную сферу достаточно подробно, глубоко изучено и выделено в отдельные научные дисциплины в медицине, педагогике и психологии. Положительная роль физической активности в формировании качества жизни современного человека во всех возрастных периодах неоспоримо доказана. Технологии физической культуры для лиц с отклонениями в состоянии здоровья являются эффективным и современным средством социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Тренировка двигательных умений и навыков – это мощный стимул восстановления физических возможностей, установления контакта с окружающим миром [4, 5], а следовательно, повышения субъективного социального благополучия.

Внедрение физической культуры и регулярной физической активности в быт детей и подростков с инвалидностью, превращение их в привычку и жизненную необходимость, часть активного отдыха и культурного досуга является одной из основных задач реализации принципов доступности и массовости социальной политики государства в сфере поддержки семей, воспитывающих ребенка-инвалида [5, 6].

На развитие физкультурного движения инвалидов влияют общие и специфические факторы. Специфические факторы делятся на общесоциальные и частные. К первым относятся: материально-техническая база спортивных объектов, уровень их доступности для различных категорий маломобильных граждан, финансирование, кадры специалистов, развитие науки, организация и управление физкультурным и спортивным движением инвалидов. Ко вторым – особенности организма человека с инвалидностью, его социальное положение, материально-бытовые условия жизни, уровень культурного развития, непосредственная социально-психологическая среда, семейное окружение, возраст.

Главными принципами социальной политики в сфере адаптивной физической культуры являются доступность, массовость и безопасность. На уровне муниципальных образований данные принципы в полной мере могут быть реализованы с помощью коррекции специфических факторов и при условии соблюдения опре-

деленных технологий обеспечить широкий охват физкультурным движением лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Технологии вовлечения людей с инвалидностью в сферу физической культуры и спорта должны быть доступны для массового применения и просты в исполнении. Паттерн физической активности формируется в раннем возрасте и закладывает фундамент на всю жизнь. Ребенок с нарушениями развития не может сформировать физически активный стиль жизни, так как ему намного труднее, чем здоровым сверстникам, выполнять упражнения и у него меньше возможности получать радость и удовольствие от движения [7]. Гипокинезия приводит к нервно-психическим расстройствам (слабеет память, суживаются интересы, нарушается речевая функция), развивается астенизация организма, нарастают патологические изменения нервно-мышечного аппарата [8]. Регулярная физическая активность для ребенка с особенностями развития является необходимым и обязательным средством абилитации, профилактикой осложнений основного заболевания. Задача социума – стимулировать ребенка поддерживать общую физическую активность на максимально возможном для него уровне, а также создавать условия, в которых он мог бы самостоятельно накапливать двигательный опыт, задействуя силу, выносливость, другие физические качества, и заниматься различными видами спорта. В Российской Федерации разработаны правовая база для организации адаптивной физкультурно-спортивной деятельности, нормативные показатели приема (зачисления) в спортивные секции, нормативы по наполняемости учебных групп и распределения, утверждены типовые программы для секций адаптивного спорта. Согласно Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» № 329-ФЗ от 4 декабря 2007 г. (ст. 31, п. 7.), «органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, физкультурно-спортивные организации, в том числе физкультурно-спортивные объединения инвалидов, организуют проведение физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий с участием инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, создают детско-юношеские спортивно-адаптивные школы, адаптивные детско-юношеские клубы физической подготовки. Образовательные учреждения вправе создавать филиалы, отделения, структурные подразделения по адаптивному спорту» [9]. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 528н «Об утверждении по-

рядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» с 1 января 2016 г. вводится новый вид реабилитационных (абилитационных) мероприятий: «Физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом». Ответственность за их исполнение возлагается на органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области физкультуры и спорта [10]. Этот приказ является важным и позитивным шагом в процессе вовлечения инвалидов всех возрастов в физическую активность, но сегодня отсутствуют механизмы его реализации, нет утвержденного перечня физкультурно-оздоровительных мероприятий для инвалидов по нозологиям и возрастным критериям и соответствующих исполнителей.

Новые образовательные стандарты начального общего образования предусматривают занятия физической культурой, адаптивной физической культурой до 3–4 учебных часов в неделю. В дополнение к ним образовательная организация может реализовывать внеурочные часы двигательной активности (ритмика, танцы) в объеме 1–2 часа в неделю в зависимости от нозологической принадлежности ребенка. В сумме получается, что ребенок-инвалид, посещающий общеобразовательную школу, получает структурированную физическую нагрузку от 3 до 6 часов в неделю при необходимом объеме регулярной общей физической активности 4–5 часов в день [11].

Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов в дополнение к урокам физической культуры нужны различные формы занятий и тренировок: в бассейне, в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные праздники, выездные физкультурно-рекреационные мероприятия [12–14]. При этом инициатором и активным организатором вовлечения в регулярную двигательную активность ребенка с нарушениями развития в необходимом объеме может быть только семья.

Семья является одним из основных агентов социализации детей. В семье ребенок с первых лет своей жизни усваивает нормы человеческих отношений. В семье закладываются отношения ребенка к окружающему, он получает опыт нравственности, моральных основ поведения. К сожалению, лишь незначительная часть семей имеет направленность на проведение семейных физкультурно-оздоровительных мероприятий [15]. Возможность посещения и регулярность физкультурных занятий детьми и подростками с

инвалидностью напрямую зависит от желания родителей. Для повышения мотивации к регулярным занятиям (в том числе и самостоятельным), содействия распространению простейших и эффективных практик ежедневной физической активности необходимо обучение родителей практическим навыкам использования средств плавания, фитнеса, подвижных и спортивных игр в круглогодичном режиме [16].

Согласно социально-экологической модели семьи У. Бронфенбреннера, окружение человека представляет собой систему встроженных друг в друга структур подобно матрешкам – микросистемы, мезосистемы, экосистемы и макросистемы. В качестве исходной матрешки (микросистемы) рассматривается семья или диада матери и ребенка. «Микросистема – это паттерн деятельностей, ролей и межличностных взаимодействий, переживаемых развивающимся человеком в данном окружении с конкретным набором физических характеристик и присутствием людей, которые обладают собственным темпераментом, личностью и убеждениями». Мезосистема состоит из связей между несколькими окружениями, в которых находится человек (например, дом и школа или дом и работа). Другими словами, мезосистема является комбинацией микросистем. Экосистема содержит связи между несколькими окружениями, причем хотя бы в одном из них субъект не находится, но события, происходящие в нем, оказывают влияние на окружение, в котором развивается человек. Для семьи с ребенком-инвалидом это социальные институты и организации образования, здравоохранения, социального обслуживания и т.д. Макросистема состоит из переплетения микро-, мезо- и экосистем в рамках данной культуры, субкультуры или иного более широкого контекста с особым акцентированием при этом убеждений относительно возможностей развития, жизненных стилей, источников развития, возможности выбора. В качестве макросистем могут выступить социальный класс, этнические или религиозные группы, сообщества, то есть те социальные структуры, которые обладают общими свойствами: жизненные стили, экономические источники, система взглядов и убеждений и т.д. Подход У. Бронфенбреннера предполагает учет не столько объективного окружения семьи, сколько того, как оно воспринимается самим субъектом (родителями и детьми). Поэтому коррекция субъективного социального благополучия подразумевает: 1) изменение травмирующих компонентов окружения (микросистемы), 2) изменение самого окружения, 3) изменение мезосистемы [17].

При рассмотрении специфических факторов, влияющих на физкультурное движение инвалидов, с позиции социально-экологической модели семьи мы увидим, что общесоциальные факторы находятся в структуре экосистемы, а частные – на уровне микро- и мезосистем. При возникновении проблем и вопросов, с которыми родители (микросистема) не могут справиться самостоятельно, они обращаются за помощью к родственникам, друзьям, соседям, т.е. в ближайшее окружение, в мезосистему. Специалистов по физической активности и физкультурно-оздоровительных, рекреационных организаций в мезосистеме нет, так как это следующий, более отдаленный «слой» социума (экзосистема), поэтому родители изолированы от прямого влияния информации о положительном влиянии физической активности на уровень и качество жизни детей с инвалидностью.

Современная макросистема транслирует семье завышенную «планку» показателей успешности, стереотипов благополучия, заставляя родителей готовить ребенка к завышенным требованиям по отношению к его способностям, как физическим, так и умственным. Сосредоточенность родителей на приобретении ребенком всевозможных знаний и умений порой в ущерб получению положительных эмоций и радости от семейного общения и совместного времяпровождения ведет к увеличению стресса у родителей в постоянных попытках наладить жизнь в соответствии со стереотипами, которые диктует макросистема. Это не дает семье времени на осознание и выбор долгосрочной стратегии социальной адаптации ребенка-инвалида.

В семье, воспитывающей ребенка-инвалида, основной груз по уходу за ребенком чаще всего ложится на мать. Именно от нее зависит и судьба ребенка, и общая атмосфера в семье. Матери меньше удовлетворены развитием ребенка, чаще испытывают беспомощность в его реабилитации, отмечают неясность ее перспектив. Матерей детей-инвалидов беспокоят нарушения развития движений, отставание в речевом и психическом развитии, плохой аппетит ребенка [18].

В случаях когда оба родителя воспитывают ребенка-инвалида, они тоже нередко находятся в состоянии хронического стресса, что приводит к нарастанию физической и психической усталости, эмоциональному истощению и, в результате, постепенному формированию синдрома эмоционального выгорания и редукции обязанностей. В системе «родитель – ребёнок» редукция проявляет себя в обеднении форм совместной с ребёнком деятельности, ограничении круга повседневных обязанностей и отказе от тех видов деятельности, которые требуют значительного эмоционального вовлечения [19].

Сегодня всё чаще семьи, особенно материально благополучные, перекалывают некоторые функции частично, а порой и полностью, на плечи наёмных помощников или учреждений (детский сад, няни, гувернантки, развивающие группы, школа). Так родители выпускают из-под своего контроля воздействие на своих детей, обесценивая функцию трансляции родительского культурного и личностного ресурса [20]. В этом случае с родителей как бы снимается ответственность за выстраивание внутрисемейных отношений и адаптации ребенка к ближайшему социуму – мезосистеме и экзосистеме. При контакте с учреждениями образования, здравоохранения и реабилитации родители «сдают» ребенка на медицинские процедуры и коррекционные занятия, при этом не происходит выстраивания связи «родитель – специалист», ребенка с социальными институтами, так как родитель не выступает в роли проводника, носителя знаний, умений и образцов поведения.

Цель данной работы – обосновать актуальность создания интегративной модели физической активности ребенка-инвалида как ресурса социального самочувствия его семьи на основе инструментов доступности, безопасности и массовости.

Необходимо разработать технологии вовлечения детей с инвалидностью в регулярную физическую активность на основе взаимодействия микросистемы семьи с экзосистемой физкультурно-оздоровительных, образовательных и рекреационных учреждений при условии решения следующих задач:

- достижимость целей физической активности в соответствии с личным потенциалом родителей и детей;
- восхождение от простого к сложному с постоянными замерами двигательных умений и приобретения навыков новых движений на входе-выходе;
- адекватная оценка ресурсности своих детей в соотношении с социальными нормами и возможностями реализации потребностей в физической активности людей с инвалидностью в современном социуме [20].

Интегративная модель должна представлять собой систему технологий вовлечения в регулярную физическую активность на основе методов, форм и ресурсов, которые реализуются с учетом социально-экологической модели конкретной семьи. Разработка данной модели требует эмпирического исследования отношения родителей к предлагаемым технологиям вовлечения в физическую активность детей через практические мероприятия на разных этапах ее реализации.

Для семьи с ребенком-инвалидом при решении задачи расширения диапазона физической активности своего ребенка проблемой является отсутствие подходящих физкультурно-оздоровительных или адаптивных спортивных секций в «шаговой доступности» от дома, неудобное расписание занятий, финансовая недоступность занятий. Ребенку с инвалидностью зачастую предлагаются или «одноразовые» физкультурно-оздоровительные массовые мероприятия, как правило, приуроченные к праздничным датам, благотворительным акциям, или индивидуальные занятия только на платной основе. При этом практически все педагоги указывают, что дети с двигательными нарушениями должны участвовать в физкультурной деятельности только вместе с родителями для обеспечения дополнительного контроля за самочувствием ребенка и его безопасности.

Регламент работы муниципальных физкультурно-спортивных учреждений не предусматривает присутствия родителей на тренировках и их участия в тренировочном процессе, что сразу делает недоступным посещение секций детьми и подростками, имеющими двигательные расстройства и не способными к самостоятельному обслуживанию.

Организация систематического посещения такого учреждения детьми и подростками с инвалидностью, обеспечение безопасности занятий требуют повышенной ответственности администрации и координации усилий всех служб и отделов, так как муниципальные физкультурно-спортивные учреждения имеют свой регламент работы, внутренний распорядок, требования к правилам посещения, рассчитанные в основном на здоровый контингент [21].

Проанализируем результат реализации одной из форм работы с использованием ресурса учреждений дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, отношение родителей к предлагаемому пути вовлечения ребенка-инвалида в физическую активность и динамику изменений социального самочувствия семьи.

Методы и организация исследования

Группа по обучению плаванию для детей и подростков с инвалидностью была создана на базе муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Дворец спорта для детей и юношества «Заречье» Ленинского района города Нижнего Новгорода, который располагает двумя бассейнами различной глубины и необходимым инвентарем, позволяющими моделировать упражнения для обучения плаванию.

Инициатором начала занятий выступили родители детей-инвалидов общественной организации «Нива», которая ведет свою деятельность на территории Ленинского района города Нижнего Новгорода с 1993 г. Согласно нашему опыту работы по внедрению различных моделей инклюзивного образования в сфере физической культуры и спорта, в данном случае была выбрана модель постоянной частичной инклюзии – посещение детьми групповых занятий по плаванию по отдельному расписанию и под руководством специалиста по адаптивной физической культуре.

Тренировки проводятся 2 раза в неделю по 45 мин в течение учебного года совместно с родителями (или другими членами семьи). Летние месяцы – каникулы. Контингент – дети и подростки от 4 до 18 лет с органическим поражением центральной нервной системы, синдромом Дауна, врожденными аномалиями развития опорно-двигательного аппарата, расстройством аутистического спектра. У всех детей имеются двигательные расстройства средней и тяжелой степени, снижение интеллекта, нарушения речи.

Для иллюстрации возможностей эффективного взаимодействия микросистемы семьи с экосистемой социума (в нашем случае – это муниципальное физкультурно-спортивное учреждение) мы приводим пример алгоритма взаимных действий, соблюдения условий, правил и договоренностей со стороны физкультурно-спортивного учреждения и со стороны родителей и детей. Соблюдение этих условий, на наш взгляд, максимально обеспечивает интересы сторон. Физкультурно-спортивное учреждение предоставляет свою базу для организации занятий, возможность пользования раздевалками для мам с мальчиками подросткового возраста, не способными к самостоятельному обслуживанию, тренера-специалиста по адаптивной физической культуре и допускает родителей к участию в тренировках. Семья, в свою очередь, соблюдает регламент посещения муниципального учреждения, санитарно-гигиенические требования и правила поведения в бассейне. Необходимым условием является готовность родителя находиться в воде во время занятий, контролировать безопасность ребенка, выполнять задания тренера и не прекращать посещения занятий по причине кажущихся «неуспехов» ребенка.

Занятия начались в феврале 2013 г. и продолжаются по настоящее время. За этот период курс обучения плаванию прошли 35 детей и подростков.

В данное исследование были включены семьи, посещавшие занятия в течение от 3 лет до 10 месяцев. По завершении годового цикла

тренировок проведено анкетирование и полуструктурированное интервьюирование родителей с целью выявления влияния занятий плаванием на внутрисемейные отношения, изменения в физических возможностях ребенка, в его самочувствии, поведении, коммуникации со сверстниками и школьной успеваемости. Нами были заданы вопросы родителям об организации занятий, необходимости участия родителей в тренировках и роли физкультурно-оздоровительного учреждения в вовлечении в физическую активность семей с ребенком-инвалидом. Целью анкетного опроса было выявление отношения родителей к совместным тренировкам в бассейне, регистрация видимых изменений физического (или психического) состояния ребенка и динамика социального самочувствия семьи.

Результаты и их обсуждение

В анкетировании приняли участие 25 родителей, посещающих занятия плаванием в течение учебного года с октября по май ($n=25$). Большинство семей охарактеризовали себя как «полные», только в четверти случаев мама одна воспитывает ребенка-инвалида.

Среди источников информации о данной группе обучения плаванию первое место занимают знакомые, родственники и общественная организация «Нива», в которой состоят родители, что подтверждает теорию У. Бронфенбрнера о доминировании в информационном сопровождении семьи ближайшего окружения (мезосистемы). На втором месте – средства массовой информации (телепередача), и на третьем месте – представители экзосистемы: участковые врачи и ответ на обращение матери за помощью в обеспечении физкультурными занятиями ребенка-инвалида в городской департамент по спорту и молодежной политике. Более чем в половине семей решение о посещении бассейна принимала мать, в остальных случаях родители советовались друг с другом, и все семьи учитывали пожелания ребенка. Мать также ответственна за посещаемость и сопровождает ребенка на тренировках в подавляющем большинстве семей, в некоторых семьях эти обязанности распределены между другими членами (бабушка, папа, дедушка, тетя).

Все без исключения родители отмечают положительные изменения физического, психического состояния ребенка и его успехи в бытовой, коммуникативной, учебной деятельности, которые произошли, по их мнению, под влиянием регулярных тренировок в бассейне. Все родители обращают внимание на расширение «репертуара» двигательных умений ребенка: улучшение координации, освоение основных локомоций (самостоятельная ходьба, подъем и

спуск по лестнице, перешагивание бордюров и порогов), умение плавать. Четверть опрошенных считают, что благодаря плаванию ребенок стал меньше болеть простудными заболеваниями.

Положительную динамику со стороны школьной успеваемости отметили только треть родителей, и столько же уверены, что плавание улучшило отношения ребенка со сверстниками. В основном мы получили ответы о расширении коммуникативных навыков, речевого запаса, появлении устойчивого внимания и интереса к другим детям от родителей детей с расстройством аутистического спектра.

В оценках бытового обслуживания родители высказали единодушное мнение, что их дети стали самостоятельны в соблюдении личной гигиены, надевании одежды и обуви, владении предметами домашнего обихода.

Практически все семьи отмечают положительное влияние тренировок на отношения между членами семьи. Основная причина, по мнению родителей, в улучшении физического и психического состояния ребенка: *«чем больше успехов у ребенка, тем лучше отношения в семье», «повод для гордости родителей», «пример для младшей сестры (развивается нормально), как упорный труд помогает брату, имеющему нарушения здоровья, достигать цели», «успехи детей всегда радуют», «близкие родственники отмечают, что сын стал более самостоятельным, общительным, активным, «совсем другим», и это дает повод для хорошего настроения», «у сына появилось чувство значимости»; если раньше мама «разговаривала с дочерью как с куклой, не видя ответной реакции, то сейчас со стороны ребенка есть ответы на простые вопросы и слова «да», «нет», «хочу», «дай», и мы стали понимать друг друга».* Только две семьи не заметили изменений в семейных отношениях: *«конфликты не прекратились из-за переходного возраста ребенка (мальчику 15 лет)» и «отношения в семье всегда хорошие, и плавание на них не повлияло».*

Все родители дали высокую оценку уровня организации занятий на базе муниципального физкультурно-спортивного учреждения и выразили готовность продолжать тренировки в долгосрочной перспективе, отметили необходимость присутствия и непосредственного участия членов семьи в занятиях в качестве помощника тренера, отводя при этом главную роль в процессе тренировок специалисту.

Выводы

Среда, в которой развивается ребенок (микросистема, семья), должна выстраивать ближайшее внешнее окружение для стимуляции физического развития ребенка-инвалида, освоения им новых

двигательных умений и навыков. Для этого у семьи есть внутренние ресурсы (желание совместной деятельности родителя и ребенка, член семьи, который взял бы на себя эту функцию) и внешние ресурсы (учреждения дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности и работающие в них специалисты).

Расширение физической активности ребенка ведет к улучшению функций движения и положительным изменениям во всех сферах жизни ребенка – повседневной, коммуникативной, досуговой, образовательной, что, в свою очередь, положительно влияет на внутрисемейные отношения и опосредованно повышает уровень социального самочувствия семьи.

Создание интегративной модели физической активности детей-инвалидов с непосредственным участием родителей в совместных регулярных тренировках, основанной на синтезе субъективных, нематериальных ресурсов семьи и ее ближайшего окружения, поможет решить многие задачи социальной политики государства по отношению к семьям, воспитывающим ребенка-инвалида, а именно: снизить уровень стресса и нормализовать внутрисемейные отношения, снять социальную изоляцию и информационную депривацию, сформировать новый тип отношений между родителями и ребенком, при которых семья видит успехи своего ребенка и готова планировать самостоятельные долгосрочные стратегии поддержания его физической активности и нести ответственность за их реализацию.

Список литературы

1. Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. №1(41). С. 80–87.
2. Симонович Н.Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: Дисс. ... док-ра психол. н. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/> (дата обращения: 30.04.2017).
3. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2(4). С. 118–127.
4. Колобков П.А., Евсеев С.П. и др. О создании условий для занятий физической культурой и спортом для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов // Адаптивная физическая культура. 2014. № 4 (60). С. 2–8.
5. Частные методики адаптивной физической культуры: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Шапковой. М.: Советский спорт, 2004. 464 с.
6. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fizvosp.ru/assets/media/d1/ee/1370.pdf> (дата обращения: 03.02.2016).
7. Ключкова Е.В. Введение в физическую терапию: реабилитация детей с церебральным параличом и другими двигательными нарушениями неврологической природы. М.: Теревинф, 2014. 288 с.
8. Лобзин В.С., Михайленко А.А., Панов А.Г. Клиническая нейрофизиология и патология гипокинезии. Л.: Медицина, 1979. 216 с.
9. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» № 329-ФЗ от 4 декабря 2007 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12157560/> (дата обращения: 26.05.2017).
10. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2015 года №528н «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71169212/> (дата обращения: 26.05.2017).
11. Реестр примерных основных общеобразовательных программ / Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosreestr.ru> (дата обращения: 26.05.2017).
12. Ключкова Е.В. Интегративный лагерь для детей с двигательными нарушениями. Программы для детей, родителей и волонтеров. М.: Теревинф, 2009.
13. Курникова М.В., Оринчук В.А., Фомичева Е.Н. Сценарий физкультурно-спортивного праздника для лиц с ограниченными возможностями различных нозологических групп // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2013. № 1. С. 60–63.
14. Мосунов Д.Ф. Гидропедагогика – основа гидрореабилитации // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. 2006. Вып. № 20. С. 37–49.
15. Бельц В.Э., Малофеева О.В. Взаимодействие спортивного клуба с семьей как активным субъектом социализации личности ребенка // Вестник ТГПУ. 2016. № 8(173). С. 106–110.
16. Курникова М.В. Взаимодействие социальных партнеров для формирования навыка круглогодичной двигательной активности детей и подростков с инвалидностью // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 15–16 сентября 2016 г.). Н. Новгород: ННГУ им. Лобачевского, 2016. С. 707–713.
17. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2014. № 10. С. 55–56.
18. Кочерова О.Ю., Филькина О.М., Долотова Н.В. и др. Психологические особенности матерей, воспитывающих детей-инвалидов // Вестник РАМН. 2014. № 5–6. С. 92–101.

19. Алиева Н.Ф., Кошелюк Н.А. Специфика социально-психологических условий в семье, воспитывающей ребенка-инвалида, как фактор развития синдрома эмоционального выгорания // Социально-педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы. Сборник научных трудов VI Международных социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица: в 2-х частях. Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 7–12.
20. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(34). С. 118–123.
21. Курникова М.В., Гольшев Н.И., Лабутина Н.А. Практический опыт организации работы группы по плаванию для детей и подростков с инвалидностью (на базе муниципального физкультурно-спортивного учреждения) // Адаптивная физическая культура. 2016. № 1(65). С. 46–47.

INTEGRATIVE MODEL OF PHYSICAL ACTIVITY AS A SOCIAL WELL-BEING RESOURCE FOR A FAMILY WITH A HANDICAPPED CHILD

M.V. Kurnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article gives a theoretical justification for the need to create an integrative model of a handicapped child's physical activity as a resource for improving the social well-being of the child's family based on availability, safety and mass character from the perspective of Urie Bronfenbrenner's socio-ecological model. Forms and instruments for involving handicapped children into regular physical activity based on family micro system interaction with wellness, educational and recreational institutions' ecosystem are considered. Modern problems that Russian families have to face when trying to expand a child's physical activity range are characterized. We present some empirical research results of swimming trainings for handicapped children that influence their families' social well-being, such as: positive dynamics of intra-family relations, the expansion of the child's physical capabilities, improvement of health status, behavioral changes, changes in peer communication and school performance. The family resources have been identified that stimulate the physical development of a handicapped child, and contribute to the development of new motor skills. We have revealed parents' positive attitude to regular joint training, the families' willingness to plan independent long-term strategies for maintaining their child's physical activity and their readiness to assume responsibility for their implementation.

Keywords: social well-being of a family with a handicapped child, physical activity, integrative model, social and ecological family model, swimming trainings.

УДК 316.3

ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

© 2018 г.

О.В. Красуцкая

Красуцкая Ольга Викторовна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
k.olga777@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2017

Статья принята к публикации 22.01.2018

Информационная доступность рассматривается как принцип социального обслуживания, правовой основой реализации которого являются обязанности поставщиков социальных услуг по обеспечению информационной открытости, закрепленные в федеральном и региональном законодательстве. Целью работы является анализ механизмов информирования населения о социальных услугах. В качестве эмпирической базы выступают данные интервью со специалистами учреждений социальной защиты населения. Особое внимание уделяется информационным технологиям, упрощающим процесс информирования граждан с инвалидностью. Выбор механизма информирования определяется ресурсностью учреждения и ресурсностью клиента.

Ключевые слова: информационная доступность, информационные технологии, социальные услуги, реабилитация инвалидов.

Введение

В настоящее время происходит становление информационного общества, одним из основных ресурсов которого являются знания и информация.

Исследователи определяют информационное общество как новую общественную систему, формирующуюся в странах с высокой степенью технологического развития, где управление информацией, ее качество, скорость передачи являются важными факторами конкурентоспособности как в индустрии, так и в сфере услуг [1, с. 99].

Процесс информатизации в значительной степени затронул сферу социального обслуживания, о чем свидетельствует широкое применение автоматизированных информационных систем, интернет-технологий, внедрение информационных киосков, программ компьютеризированного интервью, экспертных и консультативных систем, предназначенных для оказания помощи специалистам и руководителям при принятии решений. Данные технологии способствуют обеспечению информационной доступности системы социальной защиты.

Ряд технологий, направленных на упорядочивание информации, позволяет обеспечить доступ специалистов по социальной работе к достоверной и объективной информации о клиенте, включая сведения о материально-бытовом положении гражданина, его социальном окружении, ранее оказываемых видах социальной помощи. Основываясь на полученных данных, специалист информирует клиента о возможно-

сти и способах получения услуг социальных служб. В большей степени технологии систематизации информации применяются для совершенствования деятельности социальных служб и обеспечения работы сотрудников в целях экономии времени, затрачиваемого специалистом на подбор и оценку информации, соответствующей потребностям клиента.

Однако не следует забывать об инструментальном аспекте информационной доступности социальных услуг, подразумевающим механизмы информирования населения о социальном обслуживании. Уровень информированности граждан зависит от наличия каналов распространения информации о социальных программах в источниках, которыми пользуются различные группы граждан, понятности информации, возможности получить уточнения, ответы на вопросы.

Методология

Информационная доступность определяется наличием как информации общего характера (о существующих видах помощи, местах обращения за ней, телефонах консультационных линий и т.п.), так и детальной специализированной информации (по процедурам обращения за теми или иными услугами).

В Федеральном законе Российской Федерации от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон Российской Федерации №442-ФЗ) информацион-

ной доступности социальных услуг отводится значительное место, в статьях данного нормативно-правового акта освещены различные аспекты данной категории.

Согласно указанному закону, информационная доступность является одним из принципов социального обслуживания, который изложен следующим образом: «Социальное обслуживание осуществляется также на следующих принципах: <...> приближенность поставщиков социальных услуг к месту жительства получателей социальных услуг, достаточность количества поставщиков социальных услуг для обеспечения потребностей граждан в социальном обслуживании, достаточность финансовых, материально-технических, кадровых и информационных ресурсов у поставщиков социальных услуг» [2].

Обеспечение доступности информации о социальном обслуживании регулируется органами государственной власти различных уровней. К полномочиям федерального органа государственной власти в сфере социального обслуживания относится утверждение порядка размещения и обновления информации о поставщике социальных услуг, включая требования к содержанию и форме предоставления указанной информации на официальном сайте поставщика социальных услуг в сети Интернет. В свою очередь, органы государственной власти субъектов Российской Федерации обязаны обеспечить бесплатный доступ к информации о поставщиках социальных услуг, предоставляемых ими социальными услугами, сроках, порядке и условиях их предоставления, в том числе через средства массовой информации, включая размещение информации на официальных сайтах в сети Интернет.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания регулируют права и обязанности поставщиков услуг. Поставщики социальных услуг имеют право делать запрос в соответствующие органы государственной власти, а также органы местного самоуправления и получать от указанных органов информацию, необходимую для организации социального обслуживания.

К обязанностям социальных служб относится бесплатное, в доступной для клиентов форме предоставление информации об их правах и обязанностях в сфере социального обслуживания; использование информации о получателях социальных услуг в соответствии с требованиями о защите персональных данных; предоставление уполномоченному органу субъекта Российской Федерации информации для формирования регистра получателей социальных услуг.

Соблюдение поставщиком социальных услуг своих прав и обязанностей является залогом его

информационной открытости, под которой понимается формирование общедоступных информационных ресурсов, содержащих информацию о деятельности поставщика, обеспечение доступа к данным ресурсам с помощью размещения их на информационных стендах в помещениях поставщиков социальных услуг, в средствах массовой информации, в сети Интернет, в том числе на официальном сайте организации социального обслуживания.

Перечислим некоторые пункты, указанные в Федеральном законе Российской Федерации № 442-ФЗ, относительно которых поставщик социальных услуг должен предоставлять полную и доступную информацию: дата государственной регистрации, учредитель, место нахождения, график работы, контактный телефон, адрес электронной почты; структура и органы управления организации социального обслуживания; форма социального обслуживания, виды социальных услуг, порядок и условия их предоставления, тарифы на социальные услуги; численность получателей социальных услуг по формам социального обслуживания и видам социальных услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц.

Информационная открытость организаций социального обслуживания позволяет клиентам выбирать поставщика социальных услуг, отстаивать свои интересы.

Информация о социальных учреждениях представляется в реестре поставщиков социальных услуг. Данный реестр включает в себя сведения об общем количестве мест, предназначенных для предоставления социальных услуг, о наличии свободных мест, в том числе по формам социального обслуживания, об условиях предоставления социальных услуг, об опыте работы поставщика социальных услуг за последние пять лет, о результатах проведенных проверок и т.д.

Однако информация является важным ресурсом не только для получателей социальных услуг, но и для их поставщиков, поэтому обязанностью клиентов является информирование специалистов социальных служб об изменении обстоятельств, обуславливающих потребность в предоставлении социальных услуг. Поставщики социальных услуг имеют возможность получать информацию о клиенте и необходимых ему услугах как от него самого, так и от специалистов служб, в которые индивид уже обращался, что предусмотрено межведомственным информационным взаимодействием.

С целью организации обмена информацией между учреждениями социальной сферы преду-

смотрены регистры получателей социальных услуг, содержащие данные о клиенте и оказанной ему помощи. Данный регистр является разновидностью информационной системы в сфере социального обслуживания, осуществляющей сбор, хранение, обработку и предоставление информации о получателях социальных услуг на основании данных, представляемых поставщиками социальных услуг.

Для контроля деятельности учреждений социальной защиты Федеральным законом Российской Федерации №442-ФЗ вводится независимая оценка качества оказания услуг организациями социального обслуживания. Качество социального обслуживания анализируется общественным советом, в состав которого входят представители общественных организаций, средств массовой информации, представители высших учебных заведений, независимые эксперты. Одним из критериев оценки является открытость и доступность информации об учреждении социального обслуживания. В ходе анализа данного показателя учитывается уровень рейтинга организации на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях www.bus.gov.ru; полнота, актуальность и понятность информации, размещаемой на официальном сайте учреждения; наличие и доступность способов обратной связи с получателями социальных услуг; доля лиц, которые считают информирование о работе организации и порядке предоставления социальных услуг достаточным, от числа опрошенных [3].

По результатам проверки составляется рейтинг организаций социального обслуживания, который размещается на сайте органа исполнительной власти, координирующего деятельность общественного совета [4]. Таким образом, данный рейтинг и информация о деятельности общественного совета являются дополнительными источниками информации для потребителей социальных услуг.

В целях реализации Федерального закона Российской Федерации №442-ФЗ разработан ряд нормативно-правовых актов регионального уровня, в которых затронуты вопросы информационной доступности социальных услуг.

Закон Нижегородской области от 30.10.2014 г. №146-З «О социальном обслуживании граждан Нижегородской области» закрепляет за министерством социальной политики Нижегородской области полномочия по обеспечению информационной доступности социальных услуг гражданам, проживающим на территории данного субъекта [5]. Данные полномочия реализуются посредством обеспечения для населения

бесплатного доступа к информации об организациях социального обслуживания и предоставляемых ими услугах.

Указанным законом в перечень видов социальных услуг вводится такая услуга, как оказание помощи в обучении навыкам компьютерной грамотности, которая относится к числу услуг, направленных на повышение коммуникативного потенциала получателей социальной помощи, имеющих ограничения жизнедеятельности.

Обучение инвалидов компьютерной грамотности осуществляется по программе «Азбука Интернета» на базе комплексных центров социального обслуживания населения, однако данный курс недоступен для инвалидов по зрению ввиду отсутствия необходимого программного обеспечения. Учебное пособие, содержащее основные разделы данного курса, размещено на сайте, предусматривающем версию для слабовидящих.

Введение данной услуги обосновано тем, что обеспечение информационной доступности социального обслуживания зависит не только от деятельности органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений, но и от готовности населения получать информацию о социальных услугах в новой форме. Однако в настоящее время большее внимание уделяется регулированию деятельности учреждений социального обслуживания, направленной на обеспечение информационной доступности.

Примером этому является Приказ министерства социальной политики Нижегородской области от 09.10.2014 № 440 «Об обеспечении бесплатного доступа к информации о предоставлении социальных услуг в Нижегородской области» [6]. Данный нормативно-правовой акт устанавливает порядок обеспечения информационной доступности социальных услуг. Согласно указанному документу, ответственность за предоставление информации о социальных услугах распределяется между министерством социальной политики Нижегородской области и поставщиками социальных услуг. Министерство социальной политики Нижегородской области предоставляет сведения о правах и обязанностях граждан при получении социальных услуг, публикует перечень социальных услуг и тарифы на них, формирует реестр поставщиков социальных услуг. В свою очередь, поставщики социальных услуг конкретизируют данную информацию в соответствии с теми услугами, которые они оказывают. Перечисленные в данном приказе требования к информации о поставщике социальных услуг идентичны требованиям, указанным в Федеральном законе Российской Федерации № 442-ФЗ.

Данная нормативная правовая база лежит в основе формирования механизмов обеспечения информационной доступности социальных услуг, применяемых специалистами системы социальной защиты населения.

Результаты

В 2015–2016 годах на базе учреждений системы социальной защиты Нижнего Новгорода было проведено социологическое исследование, позволяющее изучить условия и перспективы использования различных механизмов, применяемых специалистами социальной сферы в целях информирования населения о социальных услугах. Материалы экспертных интервью со специалистами системы социальной защиты продемонстрировали, что в практике работы данных учреждений используется широкий спектр способов информирования населения о социальных услугах, включающий в себя размещение информации на интернет-сайтах учреждений, стендах, публикации в средствах массовой информации, консультирование по телефону и на личном приеме граждан. В качестве примера приведем ответ специалиста управления социальной защиты населения: *«В нашем учреждении развешены информационные стенды, в отделе приема граждан раздаются листовки и брошюры, не реже одного раза в месяц публикуются статьи в районной газете, специалисты обзванивают и консультируют граждан по телефону, а также у нас есть сайт».*

Наиболее часто информирование граждан осуществляется посредством консультирования по телефону и на личном приеме: *«Чаще всего обзваниваем граждан по спискам из Пенсионного фонда, органов ЗАГС, бюро медико-социальной экспертизы. Также бывают случаи, что клиент в своем заявлении указал не все пособия и услуги, на которые он/его семья имеет право, – звоним и консультируем».*

В качестве вспомогательных источников информирования специалисты отмечают сайты и информационные стенды учреждений.

Объяснить подобный выбор позволяет анализ проблем, возникающих в процессе информирования о социальных услугах.

Одной из наиболее острых проблем, отмеченных специалистами, является нехватка кадров. Согласно мнению респондентов, в связи с недостатком специалистов информирование отнимает большое количество времени у сотрудников, а также повышает их нагрузку. Сотрудник министерства социальной политики Нижегородской области отмечает следующее: *«С учетом дефицита и текучести кадров в*

системе социальной защиты сложно выстроить модель информирования, как и решить другие вопросы. Постоянно меняющиеся кадры не позволяют системе развиваться, данная проблема касается всех направлений, включая информационную составляющую».

В связи с этим возникает следующее противоречие: испытывая «кадровый голод», учреждения системы социальной защиты должны искать способы оптимизации работы, в вопросе информирования населения это выражается в снижении степени вовлеченности специалистов в данный процесс посредством использования таких механизмов информирования, как интернет-сайт, информационные стенды, средства массовой информации, печатная продукция (буклеты, листовки). Несмотря на это, специалистами учреждений системы социальной защиты применяется наиболее трудоемкий способ информирования – консультирование.

В качестве причин данного явления можно рассмотреть финансовые и технические проблемы, осложняющие процесс информирования населения.

В качестве финансовых проблем респондентами обозначены ограниченные возможности размещения информации, а именно с помощью уличной рекламы, радио и телевидения (на социальную рекламу отводится меньшее количество эфирного времени, чем на коммерческую); высокие затраты на разработку специализированных электронных сервисов.

Под техническими проблемами специалисты подразумевают трудности, связанные с отсутствием доступа в Интернет как у специалистов, так и клиентов, недоступность адресатов вследствие смены телефонного номера или адреса электронной почты.

Одним из наиболее веских аргументов в пользу выбора консультирования как способа информирования являются указанные специалистами особенности восприятия и получения информации разными типами клиентов: *«Из-за сниженных когнитивных способностей представителям старшей возрастной группы и лицам с ограниченными возможностями легче получить информацию от специалиста, чем искать ее самостоятельно».*

Однако другим специалистом высказано мнение, что многие клиенты имеют трудности с усваиванием услышанной информации, поэтому необходимо применять одновременно несколько способов информирования.

Одной из таких категорий клиентов являются инвалиды, для которых доступность информации определяется видом и степенью тяжести нарушений функций организма.

Современные информационные технологии позволяют преобразовывать один вид информации в другой, что позволяет компенсировать нарушенные функции организма человека. Так, например, речевой ввод информации в компьютер и управление ею компенсирует нарушения функций подвижности рук, ввод печатной, текстовой информации и компьютерный синтез речи компенсируют функциональные искажения речи, а визуальное представление текста – недостатки слуха [7, с. 52]. Данные технологии способствуют тому, что интернет-сайт становится одним из наиболее удобных источников получения информации о социальном обслуживании. Ознакомившись с информацией о том или ином виде услуг, размещенной на сайте, клиент становится более подготовленным к процессу взаимодействия со специалистом (знает порядок оказания помощи, документы, необходимые для её получения), сокращается время, затрачиваемое на поиски учреждения.

Возможности интернет-сайта позволяют инвалиду не только получить общую информацию о сети учреждений системы социальной защиты, но и индивидуальную специализированную информацию, например о возможности получения различных выплат и льгот, а также осуществить запись на прием к специалисту учреждения или на получение конкретной услуги.

В Нижегородской области с 2014 года действует сервис «Узнай размер своих социальных пособий», размещенный на портале государственных и муниципальных услуг Нижегородской области. Для получения сведений о пособиях клиенту необходимо заполнить интернет-форму, в которой указывается дата рождения и номер паспорта. Указанный сервис позволяет частично заменить консультацию специалиста, экономит время клиента.

Вместе с этим на сайте государственных и муниципальных услуг размещен сервис «Узнайте, какие Вам полагаются льготы». Для этого гражданину необходимо выбрать одну или несколько сфер, относительно которых он хочет получить информацию о полагающихся правах и льготах. К числу данных сфер относятся: транспортные льготы, труд и занятость, образование, жилище, медицина и здравоохранение. Указав сферу, клиент выбирает категорию, к которой он относится. В результате система формирует список льгот, полагающихся гражданину.

Сервис «Узнайте, какие Вам полагаются льготы» и сервис «Узнай размер своих социальных пособий» аналогичны друг другу. Однако основным отличием последнего является указание персональных данных, без которых невозможно предоставление информации о размере

выплаты. Предоставление персональных данных клиентом необходимо также для использования интернет-сервисов, позволяющих осуществлять запись для получения социальных услуг.

В Нижегородской области действует единая система предварительной интернет-записи к специалистам управлений социальной защиты населения.

В основу создания системы заложена возможность самостоятельно производить запись пользователями сети Интернет на прием к специалисту учреждения в желаемое время.

Запись на прием доступна гражданам на официальных сайтах некоторых управлений социальной защиты населения и на сайте министерства социальной политики Нижегородской области.

В сети Интернет граждане могут предварительно записаться на оформление пособий, выплат, компенсаций, получение удостоверений, справок и т.д.

Следует отметить, что интернет-сайт как механизм информирования о социальных услугах подходит для работы с различными категориями инвалидов, однако данный механизм имеет значительные ограничения применения, когда речь идет об инвалидах по зрению, поскольку не все сайты соответствуют ГОСТу (ГОСТ Р 52872-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению»).

Заключение

Электронная форма взаимодействия упрощает процесс получения социальных услуг, делая его более оперативным, сокращает издержки индивида на взаимодействие со специалистами социальных служб, а также во многом позволяет инвалидам избежать проблем, связанных с физической доступностью учреждений, под которой понимается оснащенность учреждений специальными техническими средствами, обеспечивающими возможность инвалидам посещать данные учреждения.

В настоящее время интернет-сайт учреждения системы социальной защиты в большинстве случаев выполняет информационную функцию, несмотря на имеющийся потенциал для перевода части социальных услуг в электронный вид.

Формируемая нормативная правовая база способствует внедрению интернет-технологий в деятельность социальных служб, тем самым усиливая данный механизм информирования населения о социальных услугах и повышая уровень информационной доступности.

Правовой основой обеспечения информационной доступности социальных услуг выступа-

ет Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который вводит характеристики данного вида доступности социальных услуг, конкретизируемые региональными нормативно-правовыми актами.

Особое внимание в законодательстве уделяется обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации о социальных услугах, поскольку открытость данной информации увеличивает возможность получения социальной помощи, необходимой для социальной адаптации и реабилитации данной категории граждан.

Список литературы

1. Калишевска К. Инвалиды в обществе знаний // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 97–106.
2. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/.
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2013 г. № 391а «О

методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/.

4. Распоряжение Правительства Нижегородской области от 10.09.2013 г. № 1844-р «О формировании в Нижегородской области независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/36516600/>.

5. Закон Нижегородской области от 30.10.2014 г. №146-З «О социальном обслуживании граждан Нижегородской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW187;n=82629>.

6. Приказ министерства социальной политики Нижегородской области от 09.10.2014 №440 «Об обеспечении бесплатного доступа к информации о предоставлении социальных услуг в Нижегородской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req==doc;base=RLAW187;n=82613>.

7. Аймалетдинов Т.А., Любимова Л.И. Инновационные возможности интернет-технологий в социальной адаптации инвалидов // Социология медицины. 2012. № 1. (20). С. 51–55.

ACCESSIBILITY OF SOCIAL SERVICES FOR THE DISABLED: THE INFORMATIONAL ASPECT

O.V. Krasutskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Information accessibility is considered as a principle of social service. Social service providers' responsibility to keep informational transparency established by federal and regional legislation provides the legal basis for the implementation of this principle. The aim of this paper is to analyze different mechanisms for informing people about social services. The empirical basis for this study is provided by the interviews conducted with specialists of social agencies. The choice of informing mechanism is determined by the agency's and the client's resources. Particular attention is paid to information technologies that simplify the process of informing citizens with disabilities.

Keywords: information accessibility, information technologies, social services, rehabilitation of the disabled.

УДК 316.663

ЕСТЬ ТАКИЕ ПРОФЕССИИ – ЛЮДЯМ ПОМОГАТЬ: К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ И ВРАЧЕЙ

© 2018 г.

И.В. Лисовская, К.А. Галкин

Лисовская Ирина Викторовна, аспирант департамента социологии Высшей школы экономики,
Санкт-Петербургский филиал
ilisovskaya@hse.ru

Галкин Константин Александрович, аспирант департамента социологии Высшей школы экономики,
Санкт-Петербургский филиал
kagalkin@hse.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2017

Статья принята к публикации 19.01.2018

Рассматриваются процессы формирования и маркирования профессиональной идентичности педагогов и врачей. Целью является рассмотрение общих транзаций в процессе формирования принадлежности к профессии, которые проходят индивиды, достигая профессионализма в карьере. Методологической базой исследования выступают биографические интервью с врачами (лечебные специальности) и педагогами различных профилей ($n=16$). В рамках анализа нарративов интервью было выделено два макроконтекста в развитии идентичности педагогов и врачей: личный и социальный. На основании этого авторы предлагают 5 основных транзаций, которые проходят индивиды, достигая полного профессионализма в карьере. Данное исследование выявило множество сходств в формировании профессиональной идентичности, но показало и барьеры, сложности анализа.

Ключевые слова: социономические профессии, профессиональная идентичность, конструирование профессиональной идентичности, профессиональная коммуникация, педагоги, врачи.

Введение

Бюджетные профессии в России, как и сама сфера бюджетной занятости, характеризуются сегодня определенным структурным кризисом, который выражен в проблеме бюрократизации и формализации работы, текучести кадров, неудовлетворенности работников бюджетной сферы, отсутствия инициатив и карьерного роста. При этом большинство бюджетных профессий определяются как профессии социального государства, то есть профессии, вписанные в социально значимые контексты деятельности современного общества [1], социономические профессии. В данной работе акцентируется внимание на исследовании вопроса о конструировании и маркировании профессиональной идентичности представителей бюджетной сферы: врачей и учителей.

На первый взгляд, сравнение двух различных профессиональных групп в вопросах формирования идентичности является сложным для анализа, однако авторы проводят сравнительную параллель между врачами и учителями, исходя из категориального анализа (маркирования) формирования профессиональной идентичности. С точки зрения социологического анализа, врачи и педагоги определены особым

структурным положением в контексте професий бюджетной сферы и необходимостью конвертации своего профессионального капитала в повседневность [2]. Кроме того, врачам присуща гедонистическая мотивация получения удовольствия от процесса работы, несмотря на общий контекст неудовлетворенности условиями труда [3], что также характерно и для педагогов [4]. Эмпатия, заботливое отношение к своим пациентам или ученикам становятся ключевыми характеристиками педагогов и врачей, а несформированность или слабое восприятие деонтологических идеалов являются значимым критерием депрофессионализации специалиста, профессиональной девиации [5].

Методология и выборка

В данной работе исследуются процессы формирования и маркирования профессиональной идентичности работников образования и здравоохранения. Соответственно, одной из задач становится определение наиболее общих, схожих транзаций в карьере, которые проходят специалисты, достигая полного профессионализма. В качестве объекта исследования были выбраны врачи и педагоги с большим стажем работы по медицинскому и педагогическому

профилю. Данный выбор не случаен и методологически обоснован, поскольку учителя и врачи с большим опытом работы – это профессионалы в своем деле, у которых отчетливо прослеживается принадлежность к профессии в повседневной жизни, так называемое служение профессии. Основным методом является биографическое интервью, выборка сконструирована методом снежного кома. Дизайн выборки ($n=16$) составляют 8 интервью с врачами лечебных профессий, 8 интервью с педагогами различных профилей.

Авторы ориентируются на диалектическую теорию идентичности Р. Дженкинса о том, что профессиональная идентичность формируется в двух «мирах»: в личном пространстве индивида и социальном контексте [6]. Таким образом, формирование профессиональной идентичности врачей и учителей рассмотрено в двух макроконтекстах – личном (представление о профессии, понятие о долге и ответственности, мотивы профессионального выбора и влияние авторитетных фигур) и социальном (взаимодействия с коллегами и создание своего community of practice, практики коммуникации с учениками/пациентами, родственниками и семьей).

Выбор профессии, путь в профессию

Первый этап становления склонности к социномической профессии как у врачей, так и у педагогов происходит в детском возрасте через игровые практики. Формирование профессиональных предпочтений в детстве закладывается на индивидуальном уровне: ребенок представляет себя врачом либо педагогом посредством детских игр и увлечений (копирует определенные ролевые модели поведения). Если в раннем детстве – это игра в «школу» или «больницу», то в дальнейшем формируются интересы к изучению определённого рода литературы, например особый интерес к изучению иллюстративных детских энциклопедий по анатомии. Это можно определить как первую транзигцию на пути к будущей карьере: от детских игр к первым склонностям и увлечениям:

«Я помню, что я брала бабушкины очки, надевала каблук, я считала, что именно так должна выглядеть учительница, брала какую-то тетрадь или альбом под мышку, мне бабушка рассказывала, и бежала в школу. Я все время кричала: «Бабушка! Я в школу опаздываю!». Во дворе я тоже девчонок собирала, и мы играли или у меня дома, или в подъезде, или на улице, все время играли в школу, конечно же, мне всегда хотелось быть учительницей» (ж., 48 лет, учитель начальных классов);

«Заинтересовалась медициной впервые, наверное, обучаясь еще в классе 7–8-м, тогда просто стала интересна биология, а потом уже и анатомия, да и другие специальности, которые близкие к медицине в принципе, вот, наверное, это все и сложилось в единую картину выбора профессии» (ж., 38 лет, терапевт).

В детском возрасте значимую роль играет поколенческий бэкграунд, преобладание профессионального опыта близкого окружения. Это становится особым толчком к становлению интереса к профессии. Наличие родственников-специалистов или друзей семьи воспринимается как некий авторитет или пример для подражания:

«Мама моя работала в детском саду, с утра вставала, сажала меня с сестрой на санки, и мы все вместе отправлялись в детский сад (смеется). Когда я закончила школу, все равно часто приходила к ней в детский сад. Она всю жизнь у меня проработала воспитателем детского сада» (ж., 48 лет, учитель начальных классов);

«То есть да, с самого детства, с самого момента, наверное, работы, я всегда хотела быть, как мама и папа, то есть быть врачом, и, наверное, с класса пятого о другой профессии я и не грезила, а как побывала в медицинском университете впервые, так, можно сказать, и «влюбилась» (ж., 60 лет, пульмонолог).

Далее начинается следующий этап формирования профессиональной идентичности, который обусловлен обучением в школе, где фигура учителя становится важным компонентом в развитии потенциала ребенка. У будущих учителей данный этап выражен в наблюдении за своими педагогами и перенятии определенных ролевых моделей поведения. В ходе интервью многие информанты отмечали, что первоначально важными качествами для них были «человечность» самого учителя и восприятие им ученика как взрослой личности, а также активная манера преподавания – именно такие педагоги становились авторитетами. Заимствованные ролевые модели поведения транслируются на окружение одноклассников, сверстников – многие являются лидерами и обладают особыми способностями к коммуникации и разрешению конфликтов:

«Они нас воспринимали как взрослых, и были все, допустим, дети есть дети, шалости там какие-то были, да, и они с нас спрашивали не как с детей, а как с взрослых. Вот именно разговор всегда был на равных. Вот это вот имеет большое значение» (ж., 61 год, мастер производственного обучения);

«Я еще очень любила свою учительницу начальных классов, с первого по четвертый класс меня учила Вера Николаевна. Я до сих пор ее

хорошо помню, и роль учителя определила в моей лично жизни этот профессиональный выбор» (ж., 49 лет, завуч).

Однако если для будущего педагога становятся привлекательны сама личность учителя и его качества, а интерес к предмету является вторичным, то для будущих врачей, наоборот, первичен интерес к предмету и качества педагога как компетентного специалиста в интересующей области:

«Была у нас в школе одна преподавательница по биологии, и вот она умела заражать, умела рассказывать, она была из древнего дворянского рода, и так очень увлекательно рассказывала про человека, про простейших, организм человеческий и то, как и какие процессы там происходят, не хотелось даже уходить с уроков» (м., 69 лет, психиатр).

Таким образом, на школьном этапе формирования будущей профессиональной идентичности врачей и педагогов имеет место вторая транзикация: от интересов и склонностей к изучению и освоению первых навыков, характерных для этих сфер.

Школьный этап профессионального самоопределения завершается дилеммой «на кого пойти учиться?». Если одни информанты отмечают определенность своего выбора – педагогика или медицина, то другие указывают, что выбор был не настолько очевиден. В отдельных случаях приходилось выбирать между медициной и педагогикой, либо происходил конфликт родителей и детей в пользу выбора иной специальности.

Согласно анализу нарративов интервью, была выделена интересная особенность: транзикации профессионального выбора могут варьироваться от педагога до врача либо наоборот. Подобное размежевание «либо врач, либо учитель» происходит в силу детских игровых практик еще на этапе первичного становления интересов и склонностей. Это можно объяснить тем, что социономические профессии учителя и педагога имеют общую помогающую специфику, и в детских переживаниях ребенок идентифицирует себя со «спасителем», не разграничивая профессии. Поскольку детские игры трансформируются в первые профессиональные предпочтения, то в некоторых случаях возникает дилемма – либо педагог, либо учитель:

«Ну, я думаю, что не я выбрала эту профессию, а профессия меня нашла, будем говорить так, потому что когда учились в техникуме, мы были очень юными, педагогика нас привлекала. Тогда было очень популярно мальчикам стать военными, девочкам – либо врачами, либо педагогами» (ж., 52 года, мастер производственного обучения).

Острота дилеммы выбора между медициной и педагогикой выражается следующим образом у врачей:

«Я уже окончательно решила, что медицина, а не педагогика; медицина, наверное, потому, что это все-таки ближе было мне по духу, а так... педагогика потом стала тоже моей профессией, и сейчас преподаю студентам, и вот приходится, наверное, как-то и в этой области в итоге развиваться, так что выбор в пользу медицины, наверное» (ж., 60 лет, пульмонолог).

Однако дилемма выбора может быть выражена и в поколенческом аспекте, где родители сами педагоги или врачи. На примере учителей происходит конфронтация родительского учительского опыта в противовес желанию самого ребенка стать педагогом. При анализе нарративов интервью учителей было выделено несколько случаев, когда родители-педагоги были против того, чтобы ребенок пошел по их стопам, объясняя это низким престижем специальности в обществе, невысокой оплатой труда и проблемой «зависания на работе». Также это объясняется высокой профессиональной ответственностью, понятиями этики и профессионального долга и, соответственно, желанием для своих детей более легкого профессионального пути. Однако во всех отдельных случаях информанты все равно выбрали профессию по душе либо пришли к ней спустя много лет, как, например, мастер производственного обучения:

«Надо слушать родителей! Все! Но иногда надо послушать и принять свое решение. Вот иногда, да. Но я вот ... мама сказала: «Да зачем тебе, девочке, еще там что! Высшее это образование – уже живи, как живешь». И я вот как-то попустительски, я считаю, ругала себя всю жизнь. Всю жизнь себя ругала, что надо было мне пойти заочно доучиться на педагога» (ж., 61 год, мастер производственного обучения).

После выбора специальности начинается этап профессиональной социализации в образовательном учреждении (высшем либо среднем), в рамках которого происходит формирование идентичности посредством первых профессиональных практик и интеграции в контексты будущей деятельности. Это можно назвать транзикацией от школьного увлечения высокими идеалами профессии к первым пробам себя в ней, идентификации себя с педагогом или врачом. На данном этапе формирования идентичности важными ее компонентами выступают фигуры преподавателей и их ролевые модели поведения. Преподаватель ассоциируется с реальным специалистом высокого уровня, поэтому происходит вторичное усвоение определенных ролевых ожиданий. Если школьный учи-

тель является мотиватором, идейным вдохновителем, и усвоенные паттерны поведения транслируются на одноклассников, то преподаватель в учебном заведении становится фигурой, чьи идеалы переносятся уже на объект деятельности:

«Они, конечно, всегда вызывали, ну, наверное, некоторый пиетет, то есть, наверное, особенное отношение к себе. Наверное, это и послужило толчком, отправной точкой потом, чтобы, во-первых, учиться хорошо, во-вторых, не пропускать пары, да и просто работать во благо для того, чтобы быть преданным, как и сами профессора, своему делу, своей профессии...» (м., 69 лет, психиатр).

Однако в учебном заведении усваиваются не только первые профессиональные практики и паттерны поведения, именно медицинский или педагогический университет или колледж становятся объединяющим полем для создания своих студенческих профессиональных сообществ community of practice. В процессе студенческих активных инициатив происходит выработка особой активной жизненной позиции, конструирование представлений о своем собственном идеале специалиста, и, соответственно, педагоги и врачи склонны идеализировать профессию как нечто уникальное уже в студенческие годы:

«И мы с девочками, вот студенты, доезжали до Ласточки, а потом 2 км пешком шли зимой, потому что летом-то у нас каникулы преимущественно. Зимой, весной и осенью мы ходили в школу в этом поселке и вели кружки различные, проводили мероприятия с детьми, и с маленькими, и с большими. Мы делали это совершенно бесплатно, нам просто это нравилось! (смеется)» (ж., 48 лет, учитель начальных классов);

«Медицина и вообще все профессии, связанные с медициной, это особенные профессии, которые требуют развития логического мышления, как правило, это мышление развивается как раз во время обучения в медицинском институте, и, например, мы, врачи, расцениваем свою профессию, наверное, как немного другую, не такую, как профессию в сервисе или там те же экономические профессии» (ж., 51 год, терапевт).

После окончания учебного заведения происходит интеграция в полноценные профессиональные практики. Этот процесс обуславливается взаимодействием с коллегами и первой самостоятельной работой. И здесь идентичность, которая формировалась под влиянием учебных практик, начинает изменяться под воздействием реальности. Данный этап, связанный с интеграцией в профессиональную сферу, также обусловлен авторитетами и наставниками на

работе. Таким образом, можно говорить о четвертой транзиции на пути формирования идентичности врача или учителя: от студенческих активных действий до реальных профессиональных практик.

Профессиональная идентичность в повседневности, маркирование профессиональной идентичности

Одним из важных компонентов маркирования профессиональной идентичности выступает гедонистическая мотивация, желание работать по специальности, несмотря на общую тенденцию к снижению социального престижа данных профессий в обществе. То есть именно ощущение себя внутри профессионального сообщества, маркирование своей профессии как особенной мотивирует индивида на достижение высокого уровня профессионализма. В нарративах интервью информанты отмечали личностный активизм как основной элемент профессиональной деятельности, который способствует достижению статуса профессионала и уважаемого человека в своем сообществе. Гедонистическая мотивация, которая выражена в получении удовольствия от работы, наблюдается в двух анализируемых профессиональных группах:

«В данном случае должно исходить изнутри самого человека. Я имею в виду желание заниматься своим делом, работать по профессии и так далее – вот это становится крайне важно для понимания и ощущения того, что представляет собой медицинская профессия, это, скорее, альтруизм, самоотдача» (м., 69 лет, психиатр).

Немаловажную роль в контексте конструирования профессиональной идентичности врачей и учителей играют профессиональные сообщества практик – community of practice. Они транслируют две важнейшие функции. Во-первых, это ощущение себя как профессионала внутри своего сообщества единомышленников и коллег и, во-вторых, функция поддержки и взаимопомощи друг другу. Первая функция заключается в коллегиальности обмена мнениями и принятия решений:

«Да у меня все общение и все друзья, наверное, за исключением только близких друзей, все вокруг медицины, так или иначе, завязаны, и общаемся мы, как правило, в основном на медицинские темы, когда встречаемся. Например, на работе или на конференциях, разговор как-то сам и произвольно переходит именно на медицину и проблемы наши медицинские, потому что, и сказать по правде, важно в медицине это ощущение себя внутри профессионального сообщества, что ли» (ж., 38 лет, терапевт).

Вторая функция подобных сообществ заключается в силе социальных связей, то есть формируются сети поддержки, которые распространяются и на объект деятельности в том числе. У педагогов, на примере работников коррекционного инклюзивного образования, – это сплоченный коллектив, который совместными усилиями стремится реабилитировать ученика, оказавшегося в трудной жизненной ситуации:

«Вот он сказал: «Мария Геннадьевна, лучшие коллектива я в своей жизни нигде не встречал!». Он молодой, конечно, он прошел несколько детских домов. Сложная такая у него судьба. Я заинтересовалась, говорю: «Миш, ребят, с которыми ты здесь общался?». Он говорит: «Нет, взрослых». Очень приятно, потому что тяжелый был Мишка по характеру очень» (ж., 52 года, мастер производственного обучения).

Совместные практики по разрешению трудных ситуаций учеников, общие усилия и вмешательства дают непростому, травмированному влиянием неблагополучной семьи ученику положительный пример сильных социальных связей, что способствует его интеграции в общество.

Профессиональные сообщества могут быть как в рамках рабочей среды, где происходит обсуждение различных тем и развивается коллегиальность принятия решений, так и в личном пространстве индивида. Супруга или супруг, родственники, имеющие медицинское или педагогическое образование, также формируют профессиональное сообщество:

«У меня муж... педагог. Он работает педагогом дополнительного образования в центре туризма. И еще... я хочу сказать ему огромное спасибо за то, что я работаю в школе и чего я достигла» (ж., 48 лет, учитель начальных классов).

В нарративах интервью было выделено много интересных обыденных понятий как у врачей, так и учителей относительно роли своих профессиональных сообществ в их жизни. Учителя в интервью называют подобное «педсовет за праздничным столом», то есть практика, когда во время торжества собираются преимущественно друзья-учителя, родственники-учителя и тематика праздника смещается на рабочие темы. Однако если это в какой-то степени позитивное либо нейтральное явление, то существуют и отрицательные стороны роли подобных сообществ в повседневной жизни индивидов. В семьях врачей это называется «медицинским разводом», когда супруги имеют медицинское образование и повседневная коммуникация в доме превращается в профессиональный ад, то есть люди просто не могут жить вместе друг с другом.

Другим характерным маркером идентичности представителей медицинских и педагогических профессий является восприятие объекта профессиональной деятельности. У обеих категорий это исключительно эмоциональное восприятие, однако в остальном отмечается существенная разница. Коммуникация с учениками или пациентами выстраивается исходя из представлений об ответственности и долге, роли профессии в обществе. Однако у врачей в ходе анализа нарративов отмечалось восприятие своей профессии в контексте профессионального и исследовательского интереса к применению новых методик и практик лечения. Если для врачей характерна физическая и ментальная помощь (психиатрические специальности), то для педагогов это эмоциональная связь и желание пройти путь вместе с учеником. При этом в обоих случаях это носит характер эксперимента: врачи практикуют разные виды лечебной помощи и участия в судьбе больного, а педагоги используют педагогический эксперимент. В интервью многие педагоги отмечали, что для них не существует «плохих» детей и если индивид является профессионалом, то он в силе изменить и повлиять на судьбу непростого ребенка. Однако подобные воззрения сильно дифференцируются в зависимости от принадлежности человека к определенной педагогической специальности. В рамках исследования авторы брали интервью у педагогов различных профилей, в том числе и учителей, работающих в коррекционных, специализированных образовательных учреждениях, где у педагогов присутствуют различные контексты отношения и восприятия индивидуальной травмы учеников:

*«Я не верю людям, которые говорят: «Как я безумно люблю детей». Не верю. Я считаю, что моя задача, и не согласно должностным инструкциям, а просто чисто человеческая, найти в этих мальчишках, которым **ОЧЕНЬ СИЛЬНО** не повезло в жизни, что-то хорошее и попробовать их вытянуть» (ж., 51 год, завуч специализированного училища).*

Однако общеобразовательная школа иначе рассматривает личную травму учащегося:

«А тут получился какой-то отстойник! Они все в одной массе – они все одинаковые, им вообще не стыдно» (ж., 49 лет, завуч).

Данная цитата была взята из интервью с педагогом школы, которая поменяла общеобразовательный статус на коррекционный, в связи с чем контингент учеников резко изменился, к чему не были готовы многие учителя. Педагогам общеобразовательной школы больше по душе участие в судьбе одаренных или успешных в учебе детей (мотивируют на золотые ме-

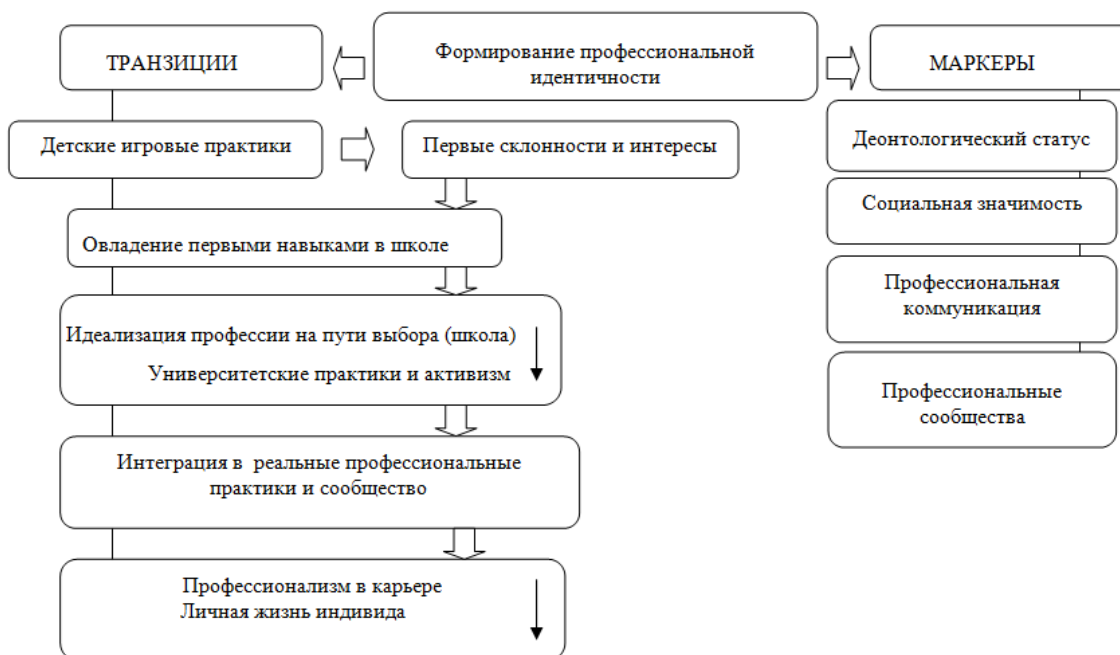

Рис. Процесс формирования профессиональной идентичности

дали, участие в олимпиадах и призовые места), и эксперимент в этом случае – это особый подход к личности ребенка, чтобы его одаренность запрограммировать на успех. Педагоги коррекционного профиля экспериментируют иначе – из неблагополучных учеников стремятся сделать успешную личность, и далеко не всегда только в учебном плане.

У врачей эксперимент может носить характер поиска новаторских практик, применения новых видов лекарственных препаратов или инновационных методик лечения. Однако и те, и другие профессионалы заинтересованы в своей роли и участии в судьбе подопечного:

«Быть врачом – для меня это, наверное, прежде всего помочь людям, поэтому работа в таком случае представляет собой скорее даже увлечение, что ли, чем работу» (м., 69 лет, психиатр).

Таким образом, через восприятие и детерминацию объекта маркируется особенность своей профессии и профессиональной идентичности, а именно как врачебные, так и педагогические профессии связаны деонтологическим восприятием объекта деятельности. Как правило, такое отношение конструируется посредством эмоциональной окраски своих собственных действий и мыслей, в рефлексивном восприятии пациентов или учеников.

Дискуссия

В ходе анализа нарративов биографических интервью было диагностировано, что процесс

формирования профессиональной идентичности педагогов и врачей определяют пять основных транзаций. К ключевым транзациям относятся: формирование первых склонностей и интересов в рамках детских игровых практик, далее следует транзация, обусловленная обучением в школе, – овладение первыми навыками и качествами, характерными для данной профессии. Следующий этап – переход от школьного обучения и характерной для этого периода идеализации профессии педагога или врача к обучению профессиональному. Затем в стенах учебного заведения начинается этап профессиональной социализации, где молодой педагог или врач интегрируется в профессию и профессиональные практики. Две последние транзации обусловлены интеграцией непосредственно в рабочее пространство и сообщество единомышленников и, соответственно, достижением некоторой степени профессионализма, начинается постепенное перетекание рабочих практик, увлечений в пространство личной жизни (рисунок). Данные транзации являются общими для педагогов и врачей. Также были выделены и общие структурные элементы (маркеры) профессиональной идентичности – это деонтологический статус, социальная значимость профессии, профессиональная коммуникация с объектом и профессиональные сообщества, в рамках которых формируется и структурируется идентичность педагогов и врачей. Однако как у врачей, так и у педагогов существуют свои внутренние миры, которые представляют трудности для аналитического сравнения. Восприятия личност-

ной травмы, боли другого человека сильно разнятся и зависят от специализации индивида внутри самой профессии. Отметим, что как медицина, так и педагогика – это особые сферы, внутри которых существует своя иерархия узких специалистов и даже есть списки своих «нетерпимых специальностей». Так, например, одни категории узких специалистов предвзято относятся к представителям другой специализации у педагогов – это педагоги коррекционного образования, которые относятся с предвзятостью к учителям общеобразовательных школ; у врачей «конфликт узких специальностей» выражен в контексте отношений между врачами хирургических и терапевтических, лечебных специальностей. Изучение подобных явлений внутри самого профессионального сообщества представляет исследовательский интерес. Качественный анализ позволил углубленно рассмотреть проблему эмоционального конструирования профессиональной идентичности у индивидов, а также обозначить дальнейшие перспективы для исследований.

Список литературы

1. Профессии социального государства / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2013. С. 159–178.
2. Петрова Л.Е. Профессиональная мобильность педагогов и врачей: возможности и ограничения сравнительного анализа // Педагогическое образование в России. 2014. №. 1. С. 127–130.
3. Галкин К.А., Малахов И.Н. От любви до неудовлетворенности. Удовлетворенность и профессиональная идентичность персонала и молодых врачей центров амбулаторной хирургии Санкт-Петербурга // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. №. 4 (17). С. 457–461.
4. Истомина А.Г., Оберемко О.А. Профессиональная идентичность учителей: конструирование негативной и позитивной свободы // Профессии социального государства / Науч. ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2013. С. 159–178.
5. Майсак Н.В., Великанова Л.П. Девиативные тенденции в профессиях: сравнительные аспекты // Фундаментальные исследования. 2013. №. 10/4. С. 879–885.
6. Jenkins R. Categorization: Identity, social process and epistemology // Current Sociology. 2000. V. 48. №. 3. P. 7–25.

A PROFESSION DESTINED TO HELP: ON THE ISSUE OF PROFESSIONAL IDENTITY OF TEACHERS AND DOCTORS

I.V. Lisovskya, K.A. Galkin

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg Branch

In this article, we examine the process of shaping the professional identity of doctors and teachers. The aim of the study is to consider the general transitions that individuals undergo in the process of formation of their belonging to the profession. The methodological basis of our research are biographical interviews with medical doctors and teachers in various pedagogical fields ($n=16$). During the analysis of the interviews, we identified two macro contexts in the identity development of teachers and doctors: personal and social. Based on this, the authors propose 5 main transitions that are important in reaching full professionalism in one's individual career. This study reveals many similarities in the development of professional identity, but also shows some barriers and the complexity of the analysis, which provides a wide field for discussion.

Keywords: socioeconomic professions, professional identity, constructing a professional identity, professional communication, teachers, doctors.

УДК 316

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕЛОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

© 2018 г.

Н.И. Тюрина

Тюрина Наталья Игоревна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
tyurina-natasha@list.ru

*Статья поступила в редакцию 13.09.2017**Статья принята к публикации 30.01.2018*

Анализируются теоретические подходы к феномену неформальных практик на предприятиях отечественных и зарубежных исследователей. Прослеживается эволюция понятия «неформальные отношения на работе». Представлены позиции исследователей того или иного исторического периода относительно восприятия неформальных отношений в трудовых коллективах: от резкого отрицания этого феномена и попытки срочной ликвидации до положительных отзывов и осознания благотворного влияния на производственные процессы. Аргументированно рассмотрено соотношение часто отождествляемых понятий «неформальные отношения на работе» и «неформальная организация». Предложено авторское определение неформальных отношений в деловых организациях и их классификация по четырём основаниям с учетом особенностей современных компаний, а также на основе синтеза знаний, накопленных наукой.

Ключевые слова: неформальные отношения и практики, организация, компания, неформальная организация, неформальные отношения в компании, классификация неформальных отношений.

Введение

Неформальные элементы в управлении деловыми компаниями играют значительную роль, что обусловлено их повсеместным распространением в современных компаниях, независимо от организационно-правовой формы организации, целей, приверженности тому или иному типу экономики и др. Например, Л.Н. Захарова указывает на присутствие стереотипов доминанты семейной роли и приоритета солидарности над конкурентоспособностью в подавляющем большинстве процессов принятия решений управленцами компаний (до 70%) [1]. Исходя из этого, логично при подборе методов управленческого воздействия на рабочий процесс организации учитывать присутствие в компании неформальных практик. Если субъект управления ограничивается в своей деятельности исключительно анализом и диагностикой формализованной структуры коллектива, формальными процессами внутри него, он изначально лишает себя осведомленности о всех текущих процессах в организации в силу того, что человеческие отношения куда более многогранны и неизбежно оказывают влияние на работу через неформальные взаимодействия.

Очевидно, что ни одно современное предприятие и его работа невозможны без двух составляющих – формальной структуры и неформальной, порожденной неформализованными элементами, практиками. Первая создается четкой структурой, правами и обязанностями ра-

ботников, вторая базируется на симпатиях, антипатиях и спонтанных нормах поведения.

Автор ставит перед собой цель рассмотреть основные теоретические подходы и аспекты изучения неформальных отношений в компаниях, выработанные в зарубежной и отечественной науке, и на основе этого накопленного теоретического знания предшественников дать наиболее полное, объединяющее в себе черты различных подходов, авторское определение неформальных отношений и составить их классификацию, синтезировав имеющийся в науке опыт.

Выбранная тема представляется актуальной, так как для успешного процесса работы внутри компании, правильного выбора методов управления коллективом необходимо учитывать не только формальные элементы, но и неформальные практики. Только так менеджер и формальный лидер может привести свою команду к успеху. С помощью неформализованных элементов руководство способно оказывать влияние на решение производственных и непроизводственных задач, на психологический климат внутри рабочего коллектива, его мотивацию. Считаем, что настоящее время потенциал неформализованных практик в структуре компаний и процессов управления применяется в недостаточной мере.

Теоретические подходы к феномену неформальных практик на предприятиях

В начале XX века Фредерик Уинстон Тейлор высказал мнение: все неформализованные прак-

тики должны быть исключены из производственного процесса [2]. Позднее эту мысль развивал в своих трудах и Макс Вебер, для которого идеальной моделью организации была бюрократия, основанная и строго действующая по должностным инструкциям с четкой иерархией полномочий и конкретными границами ответственности [3]. По его мнению, причиной неэффективной работы компании становится в большинстве случаев произвол, избежать которого можно только четко соблюдая все установленные правила в компании, управляя ею в соответствии с четким регламентом.

Идейным продолжателем теории М. Вебера стал Толкотт Парсонс («Структура социальной деятельности», 1937), основная идея которого – сохранение равновесия некой социальной системы, повлиять на которую индивид не в силах, однако в его власти изменить самого себя, подстроившись под систему. Таким образом, неформальные отношения вновь исключались в рассматриваемом подходе [4].

Вместе с тем американский психолог и социолог Элтон Мейо благодаря проведенным Хоторнским экспериментам (1924–1932) разработал иную точку зрения на неформальные отношения, группы и практики на производстве: оказывается, они могут быть бонусным фактором, способным повысить производительность труда [5]. Среди важнейших тезисов Э. Мейо о неформальных группах выделим следующие: выработка работника находится в зависимости не только от физических возможностей, а в основном от коллективных неформализованных норм; неформальные лидеры в коллективах сменяются в зависимости от окружающей действительности – они могут лидировать в одной ситуации и не быть лидерами в другой.

В середине XX столетия ученые Манчестерского университета М. Гликман и Д. Хоманс провели исследование неформальных отношений на уровне цеха – были выбраны 5 компаний из разных отраслей промышленности и с разными типами рабочей силы. Важнейший вывод проведенного эксперимента: неформальные взаимоотношения в иерархической системе приобретают непостоянный характер, из них возникают неожиданные союзы, способные не только оказывать благотворное влияние на систему, но и, напротив, – рождать конфликт в ней. Такие союзы получили название «эквипробума» и «аккомодации» [6] для объяснения разных стилей приспособления между рабочими и администрацией.

В своих работах Т. Бернс и Д. Столкер провели разделение организаций на механические (формализованные) и органические (неформа-

лизованные), что позволило им показать преимущества и недостатки каждого из типов [7]. Первый вид организаций более адаптирован к условиям внешней среды, каждый работник решает конкретно перед ним стоящую задачу, он не заботится о том, помогает ли его работа достижению общей цели компании или же, наоборот, препятствует. Органические организации с большей легкостью осуществляют свою деятельность в условиях нестабильной внешней обстановки при возникновении неожиданных проблем и задач, вследствие этого личные задачи каждого сотрудника также подлежат постоянной корректировке. В такой организации ключевую роль играет лидер, а ответственность каждого сотрудника не имеет четких границ. Исследователи пришли к выводу, что в чистом виде органические организации не встречаются, в силу того, что такая система нестабильна. Более того, сотрудники таких организаций должны сами брать на себя задание и даже сами пересматривать собственную нагрузку. Соответственно, в периоды изменений неясным становится вопрос, какие задачи стоят перед работниками, в результате этого возникает и неизвестность относительно того, что и кого требуется координировать.

Во второй половине XX столетия американский социальный психолог, представитель школы поведенческих наук, Дуглас Мак-Грегор (1906–1964) придерживался точки зрения, что основу управления персоналом на предприятиях составляют следующие факторы: мотивация и коммуникация в коллективе, характер власти, лидерство и авторитет руководителя, а также обязательное осознание высшим менеджментом, что персонал – это активные человеческие ресурсы. Д. Мак-Грегор разработал теорию стилей руководства – теория X и теория Y, считая, что именно стиль власти оказывает влияние на производительность труда и степень удовлетворенности работниками от рабочего процесса. Теория X и теория Y – полные противоположности: первая предусматривает авторитарный стиль руководства с четкими и жесткими требованиями, контролем, принуждением к работе; в то время как теория Y основывается на демократических принципах с гибким контролем, отсутствием принуждения, заинтересованностью в труде, моральной мотивацией и участием персонала в управлении. Д. Мак-Грегор в теории Y предположил, что восприятие сотрудником работы как удовлетворения зависит в первую очередь от самих условий труда и отношений в коллективе. На основе такого выделения теорий руководства Д. Мак-Грегор сделал вывод о несомненном преимуществе демократического

стиля управления трудовыми коллективами с присутствием неформальных взаимодействий, что в результате приводит к повышению эффективности деятельности организации [8].

В 1981 году работу Д. Мак-Грегора дополнил американский профессор У. Оучи своей теорией Z. В ее основу он положил следующие тезисы: рабочие мотивы людей всегда имеют социальные и биологические потребности в основе; именно личность обеспечивает успешную деятельность компании; люди отдают предпочтение работе в группе, а в качестве контроля выбирают неформальные способы отслеживания результатов труда на основе четких методов и критериев оценки. Таким образом, основное отличие теории Z в том, что лучше мотивирует работников так называемый «производственный клан», то есть ситуация, когда компания понимается одной большой семьей. Отсюда и развивать у коллектива необходимо такие качества, как солидарность, преданность компании и общим целям [9].

Необходимо также отметить работу Ренсиса Лайкерта, американского социального психолога, последователя школы «человеческих отношений», который во второй половине XX века работал над вопросом, как добиться оптимального управления предприятием лишь силами и усилиями конкретных работников. В Мичиганском университете появилась исследовательская группа, изучающая компании с высокой и низкой производительностью труда. Респондентами были тысячи служащих различных отраслей промышленности с совершенно разным функционалом на предприятии – от самых простых задач до высококвалифицированного труда, требующего определенного уровня образования работника.

В результате проведенных исследований Р. Лайкерт пришел к выводу, что разница в производительности труда на предприятиях зависит от стиля управления, если менеджер предприятия настроен только на формальные показатели, результативность работы коллектива падает. И напротив – если руководитель фокусирует свое внимание на бытовых человеческих проблемах коллектива, узнает работников как личностей, допускает максимальное участие работника в принятии производственных решений, производительность труда подчиненных возрастает. Обобщив имеющийся опыт и полученные результаты исследования, Р. Лайкерт предложил четыре базовых стиля руководства предприятием [10].

Первый носит название эксплуататорско-авторитарный, в нем руководитель не доверяет подчиненным, все решения принимаются «на-

верху» и готовыми спускаются «вниз». Люди работают под влиянием давления, страха, угрозы наказания. Формальные и неформальные структуры являются противоборствующими.

Система вторая, благосклонно-авторитарная, наделяет коллектив определенными полномочиями – некоторые решения работники могут принимать сами, однако в строго ограниченных рамках. Также имеет место неформальная структура, которая лишь частично противостоит формальной.

Консультативно-демократическая – такое название получила третья система Р. Лайкерта. Здесь мы уже видим значительное доверие руководства к подчиненным, делегирование вниз частных вопросов для решения, если возникает неформальная организация, то не совпадает с формальной частично.

Но больше всего нас интересует последняя система, «основанная на участии». Она строится на полном доверии между менеджментом и рабочими. Сам Р. Лайкерт считал именно этот стиль руководства самым эффективным. К отличительным чертам этой системы относим следующие: групповое принятие решений, полное доверие руководителей и подчиненных, экономическое стимулирование работников, использование руководством участия группы подчиненных в установлении целей, связанных с высокой производительностью и с улучшением методов работы. При такой расстановке сил неформальная и формальная структуры совпадают. Руководство, прибегающее к такой системе, поощряет работников, ориентировано на персонал, поэтому такие предприятия будут достигать наибольших высот и наилучших результатов.

Так, подводя итог исследованиям Р. Лайкерта, касающимся неформализованных практик на рабочих местах, отметим, что они продемонстрировали эффективность менеджеров, которые уделяют внимание в первую очередь личности работника, человеческим аспектам его проблем, которые выстраивают отношения в коллективе на принципах взаимопомощи. Таким образом, Р. Лайкерт подтвердил, что благодаря неформальным элементам компания может достигнуть успеха, и углубил представления о деловых отношениях между руководством и подчиненными.

Нидерландский социолог Герд Хофстеде в начале 1980-х годов разработал свою типологию организационных культур. Для этого он провел масштабные исследования, опросив 116 тысяч рабочих транснациональной компании ИВМ в 40 различных странах. В результате Хофстеде смог выделить четыре параметра для оценки деловой культуры, каждый из которых интересен нам с той точки зрения, что они все оставляют место неформальным практикам

внутри трудовых коллективов. Среди этих параметров: индивидуализм – коллективизм; дистанция власти; мужественность – женственность; неприятие неопределенности [11].

Индивидуализм – коллективизм характеризует меру, с которой члены рабочего коллектива той или иной компании предпочитают действовать самостоятельно, индивидуально, а не как часть группы работников. Если на первый план выходит индивидуализм, то члены коллектива избегают вмешательства компании в их личную среду, в компании приветствуется индивидуальная инициатива, которая совместно с личным вкладом работников учитывается при вознаграждении, а отношения в коллективе зачастую сводятся к чисто рабочим, формальным; если в культуре преобладает коллективизм, то в сознании работников живет мысль, что работодатель в лице компании будет защищать их интересы, разрешать их личные проблемы и дела, в результате в коллективе поощряются и процветают такие чувства, как лояльность, сплоченность и преданность (привязанность) компании, личные неформальные отношения в коллективе играют большую роль.

Дистанция власти – это доступность или, напротив, отдаленность власти от подчиненных. Так, в компаниях с большой дистанцией те, кто стоят у власти, рассчитывают и получают определенные права и привилегии, чуждые рядовым работникам, имеется многоуровневая иерархия от низшего к высшему звену руководства, широко развита дифференциация заработной платы в зависимости от ступени, на которой ты находишься. В компаниях, где не придают большого значения разности в положении работников, мы обнаруживаем большую вовлеченность сотрудников в работу компании, в принятие решений, руководители для рядовых рабочих доступны для общения, дифференциация в уровне зарплаты ниже.

Неприятие неопределенности демонстрирует ощущения и чувства людей в неизвестных ситуациях, когда они не знают, что ожидает их в будущем. В компаниях, где такое чувство находится на высоком уровне развития, работники боятся перемен, всячески им противостоят и всегда неукоснительно следуют правилам, инструкциям, памяткам. В таком случае преобладают формальные отношения и взаимодействия в коллективе. Работники стараются не брать на себя ответственность, все поглощено выполнением текущих заданий. В компаниях с низкой степенью развития данного параметра, напротив, присутствует здоровая конкуренция среди персонала, который обязательно мотивирован на успех и достижение отличного результата.

Менеджмент основывается на гибком стиле управления и ориентации на людей, неформальные практики и взаимодействия выходят на передний план.

Последний параметр Хофстеде – мужественность – женственность – показывает баланс ролей в обществе и власти у мужчин и женщин. Жизнь для работы – это проявление мужественности с ориентацией на результат и цель; работа ради жизни – женственность с важностью выполнения задачи. Неформальная доминанта проявляется больше в женском типе: руководитель уделяет много внимания сотрудникам, при принятии решений может основываться на интуиции, работает над созданием благоприятного климата в коллективе.

Культура в понимании Хофстеде всегда представляется коллективным социальным явлением. В этом понимании человек обучается культуре только находясь во взаимодействии с социальной средой, в том числе с рабочим коллективом, и в первую очередь именно посредством неформальных практик и взаимодействий с коллегами.

Согласно точке зрения американского экономиста Дугласа Норта (1920–2015), именно неформальные отношения создают фундамент для формализации и формирования компании. Это своеобразная основа, с которой и начинается построение, а в дальнейшем и развитие формальных отношений. В свою очередь, формализация является неотъемлемой частью организации в силу того, что именно она становится фактором, способствующим стиранию неопределенности в существующих неформальных отношениях среди участников компании. Именно благодаря формализации, проще говоря – форме, мы имеем дело с предсказуемостью организации, поскольку во взаимоотношениях и взаимодействиях между членами компании определяются их роли и статусы, предсказываются потенциальные модели развития их отношений [12].

Переходя к анализу исследований неформальных отношений в компаниях в отечественной науке, стоит констатировать, что данному вопросу уделялось мало внимания. Первым, кто обратился к рассмотрению этого феномена, был С.Ю. Алашеев. Путем проведения многочисленных интервью и включенного наблюдения он пришел к выводу, что неформальные отношения играют особую роль в организации трудового процесса советского общества. Управленцы того периода прибегали к помощи неформальных отношений, устраняя таким образом недостатки формализованной системы управления. Кроме того, Алашеев предложил

свою классификацию неформальных отношений на производстве, выделив три группы в зависимости от того, как их воспринимает работник и к чему они его приведут. Первая группа – единичное нарушение – это несистемные нарушения установленных формальных норм, которые не повлекут санкций со стороны администрации. Вторая группа – неформальные отношения как система зависимостей. В данном случае возможны два сценария развития событий: либо работник подвергается формальному наказанию руководителем, либо последний не прибегает к наказанию и тогда возникает личная зависимость работника от него. В рамках этой зависимости будет иметь место личная просьба или производственное требование начальника, причем, возможно, не сразу, отсюда и долгосрочность неформального взаимодействия. И последняя группа – неформальные отношения как устоявшиеся нормы, это ситуация, когда неформализованные практики фактически вытесняют из коллектива формальные правила и становятся обыденностью для работников. На практике именно этот вариант и является самым широко распространенным [13].

Необходимо отметить, что в советской действительности взгляд на институт неформальных отношений в компаниях был скорее негативный, нежели нейтральный или положительный. В современной России исследователями уделяется внимание неформальным отношениям в компаниях, причем зачастую с эмпирической точки зрения. Так, неформальные взаимодействия в многонациональных корпорациях сквозь призму различных культур рассматривал В.Н. Гаськов [14], О.И. Шкаратан [15] предпринимал попытки составить портрет русского рабочего.

Значительный вклад в развитие отечественной науки относительно неформализованных элементов на предприятии внес В.В. Радаев, который придерживается мнения, что культурно-нормативная система советского общества основана на трех стандартах поведения и жизни – официальных (публичное поведение), неофициальных (неписаные, но регламентированные нормы) и неформальных стандартах (поведение в кругу близких) [16].

В работах В.Н. Гаськова, О.И. Шкаратана, Д. Норга, М. Вебера и других можно проследить два уровня подхода к неформальным отношениям в организациях – социетальный и корпоративный. Указанные исследователи являются сторонниками первого уровня, который предполагает, что неформальная составляющая появляется в компании в виде социокультурных образцов, возникающих в ходе повседневной и

хозяйственной практики индивидов, то есть культурные традиции, ценности и нормы поведения, принятые в социуме, привносятся на микроуровень их социальных связей – в компанию. Приверженцами корпоративного уровня неформальных отношений в организациях были Э. Мейо, С.Ю. Алашеев: природа, типы и специфика неформальных взаимодействий напрямую связаны с особенностями самой компании.

Л.Н. Захарова в своих трудах также затрагивает неформальные практики в компаниях, говоря о том, что любой человек, попадая в рабочий коллектив, становится частью организационного поведения, которое, в свою очередь, имеет четыре компонента: производственный, формальный, неформальный и внеформальный [17]. Под неформальным компонентом понимаются межличностные отношения добровольного характера; под внеформальным – попытки снижения напряженности, конфликтности, то есть решение задач формального компонента путем применения неформальных средств. По ее мнению, зачастую причины проблем в развитии компаний, в решении внутренних конфликтов, кроются в том, что на предприятиях продолжают сохраняться иерархические и кланово-иерархические типы организационной культуры с устоявшимися канонами поведения, что не соответствует требованиям обновляющейся социальной и экономической среды, сдерживает развитие компаний. Более того, следует противостоять социально-психологическим стереотипам современных менеджеров (стереотип доминанты семейной роли, стереотип приоритета солидарности над конкурентоспособностью, стереотип административной доминанты и другие), которые также наносят вред компании – делают управленца уязвимым, зависимым, подверженным манипуляции, склонным к архаичности.

Неформальные отношения на работе сквозь призму подходов академической науки

Ознакомившись с основными значимыми точками зрения на неформализованные практики на производствах как отечественных, так и западных исследователей, обратимся к анализу этого явления с точки зрения академической науки и ее трёх основных подходов – экономического, социологического и антропологического, что позволит составить картину неформальных практик в компаниях еще более полно.

Экономический подход представляется родственным управленческому в силу того, что оба они видят в неформальных отношениях помеху успешного экономического развития на макроуровне. В таком случае исследователям необходимо

определить разницу между реальной экономической деятельностью и формально фиксируемой.

Экономические социологи придерживаются точки зрения, что неформальные отношения – это рациональный выбор личности в целях снижения транзакционных издержек, следствием чего становится деформация социальных институтов и замена формальных правил неформальными. При такой расстановке ролей исследователи ставят перед собой цель – проанализировать роль неформальных отношений в работе экономических институтов и спрогнозировать последствия их распространения для компании и экономики.

В.В. Радаев пишет в своем труде «Экономическая социология», что экономист видит неформальные отношения как систему обмена благами в рамках так называемых «квази-рынков», когда каждый, преследуя свои выгоды, вступает в «рыночный» торг: оказал услугу сегодня, значит, можешь ждать ответную завтра [18]. По его мнению, неформальная экономика – это совокупность хозяйственных отношений, которая не имеет своего формального закрепления в официальной отчетности.

Особенностью социологического подхода к изучению неформальных отношений в организациях становится неразрывность их с самими социальными отношениями. Исследовательская проблема в данном случае – воссоздание картины происходящего глазами самих участников процессов. Для социолога предметом изучения становятся особенности поведения работников в различных по типу организации компаниях, при различных системах управления и т.д. Ценными в этом свете становятся исследования Б. Латура, в которых он рассматривал деятельность ученых в лабораториях, рождение конкуренции членов коллектива, где их работа – это взаимодействие с другими индивидами и материальными артефактами.

Говоря об антропологическом подходе, стоит отметить, что по своей сущности, своим методам и природе он очень близок к социологическому и разделять их не представляется до конца правильным. Ряд антропологических исследований, ставящих перед собой цель изучения микропрактик индивидов, дает повод задуматься над тем, что понятию «неформальные отношения» соответствует реальное социальное явление с внутренней логикой и эмпирическим ядром.

Разработка авторской классификации неформальных отношений в рабочих коллективах

Для более глубокого понимания рассматриваемого института необходимо проанализировать классификации неформальных отношений.

Стоит отметить, что существуют многочисленные основания для классификации, различающиеся в зависимости от интересов, характера деятельности, социального состава.

По основанию деления на идейную и нравственную направленность и стилю поведения неформальные отношения делят на три группы: просоциальные (позитивно направленные социальные отношения – любительские объединения, группы, кружки); асоциальные (стоят в стороне от социальных проблем); антисоциальные (разновидность неформальных отношений, представляющая собой наибольшую тревогу для организации, выражается в нравственной глухоте и слепоте, с одной стороны, и в личной боли и страданиях участников отношений, с другой стороны) [19].

Неформальные отношения могут быть дружественными и враждебными. В дружественных весь коллектив делится на небольшие группы с общими интересами, схожим социальным положением и одной возрастной категории. Такая структура идет на пользу компании, так как такие подгруппы направляют свои стремления на достижение деловых целей организации. Враждебная структура компании, или «офисные войны», наиболее распространена по причине того, что каждый сотрудник преследует свои цели – повышение зарплаты, карьерный рост, расположение руководства к себе, повышение своей самооценки.

В таких войнах сотрудников есть и положительный, и отрицательный аспекты. К негативному аспекту относим недружественную атмосферу в коллективе, что порой создает сильные барьеры для работников при осуществлении своих трудовых функций. Здоровые, дружеские отношения всегда благоприятствуют производственному процессу. Однако если сотрудники видят друг в друге соперников и стремятся быть лучше, чем остальные, то и, соответственно, к работе относятся внимательнее, собраннее и кропотливее, что также способствует повышению производительности.

Существует еще одна немаловажная классификация неформальных отношений – по целям, совпадающим или не совпадающим с целью формальной организации.

Неформальные отношения, цель которых совпадает с формальной целью, – это совокупность не регламентированных локальными актами компании связей, отношений между членами организации, направленных на достижение целей компании за счет неформальных способов.

Неформальные отношения, цель которых не совпадает с целями компании, являются в чистом

виде неформальными отношениями. Таким образом, неформальные отношения, цель которых не совпадает с целями компании, – это не регламентированные локальными актами компании контакты между регулярно взаимодействующими сотрудниками для достижения общей цели.

Среди причин вступления сотрудников в межличностные неформальные отношения можно выделить следующие:

1. Необходимость быть членом той или иной группы, частью некоего коллектива [20].
2. Потребность в помощи по личным и профессиональным вопросам.
3. Необходимость защитить свои интересы.
4. Потребность в получении дополнительной информации.
5. Заинтересованность и симпатии к коллегам.
6. Потребность во власти.
7. Желание добиться результата.

На основе указанных классификаций неформальных отношений мы предлагаем свою, соединяющую в себе, на наш взгляд, наиболее значимые для функционирования компании основания.

1. По влиянию, оказываемому на достижение целей компании:

- совпадают с целью компании и способствуют ее достижению;
- совпадают с целью, не способствуют и не препятствуют ее достижению;
- не совпадают с целью компании и препятствуют ее достижению;
- не совпадают с целью компании, не способствуют и не препятствуют ее достижению.

2. Мотивы сотрудников для вступления в неформальные группы:

- удовлетворение личных потребностей (помощь в решении профессиональных и иных вопросов, защита своих интересов, доступ к дополнительной информации);
- потребность в общении (желание быть частью коллектива, симпатии к коллегам);
- «корыстные» мотивы (желание получить власть, достижение определенных карьерных и профессиональных результатов).

3. Идеальная и социально-нравственная направленность:

- дружественно-просоциальные;
- враждебно-антисоциальные;
- нейтрально-социальные.

4. По наличию социального ориентира (кумира):

- не имеющие социального ориентира неформальные группы;
- имеющие социального «кумира» референтные неформальные группы.

Выводы

1. Подводя некий итог, считаем правильным уделить внимание соотношению рассматриваемого феномена с термином «неформальная организация» в силу того, что эти два понятия зачастую отождествляют. Причем, по нашему мнению, они могут быть как синонимами, так и антонимичными категориями в зависимости от того, как определять понятия «отношения» и «организация».

Под термином «организация» в большинстве случаев принято понимать некое объединение, цели и функции которого более или менее ясны и очерчены, поэтому основное внимание стоит уделять определению отношений. В случае когда мы имеем в виду отношения, обладающие стойкими связями внутри своей структуры, достижение общей цели компании через индивидуальное для которых предстает в качестве основного направления деятельности, такие «неформальные отношения» справедливо можно отождествлять с «неформальной организацией».

2. В большинстве случаев под неформальными отношениями в компании принято понимать ценности, нормы, убеждения, неофициальные правила, кроме того, структуру социальных связей, центров влияния и коммуникации, сложившиеся внутри и между составляющими организацию группами при формальных структурах, но не конкретизированные ими. Мнение исследователей по поводу неформальных отношений разделились: одни видят в этом благотворное влияние на производственный ритм, другие же считают это причиной конфликтов между интересами разных групп работников. Причем такое разделение взглядов исследователей сложилось в науке исторически. Выше мы проанализировали, как менялось восприятие неформальных отношений в компаниях: начало XX века ознаменовалось отрицанием рассматриваемого феномена и пропагандой полной ликвидации всякого рода его проявлений в трудовых коллективах. Однако чем больше проводилось исследований, опросов в компаниях разных стран мира, тем больше укоренялось мнение, что неформальные отношения нельзя исключить полностью из рабочего процесса, соответственно, их потенциал и влияние необходимо направлять на благо компании и использовать для достижения ее формальных целей. Это касается как исследователей зарубежных, так и отечественных.

В начале XX столетия в структурах производства не было места для неформальных отношений, поскольку создавались все условия, чтобы они попросту не могли зародиться, так

как именно в них видели производ и помеху для рабочего процесса. Только с течением времени общество пришло к выводу, что грамотно выстроенные неформальные взаимодействия внутри трудового коллектива способны повысить производительность, привить доверие и уважение работников к фирме.

Уяснив различие между формальными и неформальными отношениями членов коллектива современной компании, мы сделали вывод о том, что эти две категории всегда находятся в тесной взаимосвязи между собой.

Стоит отметить, что свое название неформальные отношения получили благодаря тому, что возникают они без привязки к установленным правилам и формам, однако функционируют всё же в рамках конкретного «формата».

3. Автором описаны существующие в науке классификации неформальных взаимодействий в трудовых коллективах, рассмотрены подходы к описываемому явлению с точки зрения академической науки (экономический, социальный и антропологический подходы), указаны наиболее часто встречаемые причины вступления работников в неформальные взаимосвязи на работе. На основании представленного материала предложена авторская классификация неформальных отношений в современных компаниях, основанная на выделении четырех основных критериев – по влиянию, оказываемому на достижение целей компании, по мотивам сотрудников для вступления в неформальные группы, по их идейной и социально-нравственной направленности, по наличию социального ориентира, в каждой из которых выделены свои подвиды.

4. На основе рассмотренных подходов к понятию неформальных отношений в современных фирмах, их социальной природы и приведенных выше определений этого понятия мы выработали свою авторскую трактовку, которая отражает различные точки зрения на неформальные практики в трудовых коллективах, имеющиеся в настоящее время в науке, и первостепенные признаки, отличающие неформальные взаимодействия от формальных. *Под неформальными отношениями в деловых компаниях будем понимать совокупность коммуникаций, норм, убеждений, принципов, взаимоотношений между постоянно взаимодействующими сотрудниками одного трудового коллектива, не имеющих регламентации в официальных документах, преимущественно произвольно возникающих и носящих спонтанный характер с неопределенным сроком реализации или действия, но совершаемых регулярно в современных компаниях.*

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Психологические стереотипы в управлении как барьер социально-экономического развития России // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-steriotipy-v-uvpravlennii-kak-bariery-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 15.10.2017).
2. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М.: Дело, 1991. 378 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 880 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
5. Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilisation. Boston, 1945. 178 p.
6. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1998. С. 164–175.
7. Burns T., Stalker G.M. The Management of Innovation. London: Tavistock, 1961. 269 p.
8. McGregor D. The Human Side of Enterprise. New York: McGraw-Hill, 1960. 246 p.
9. Ouchi W.G. Theory Z: How American business can meet the Japanese challenge. Avon, 1993. 244 p.
10. Likert R. Developing patterns in management. New York: American Management Association, 1955. 49 p.
11. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. 188 с.
13. Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: Взгляд изнутри // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.
14. Гаськов В.Н. Социальные проблемы взаимодействия в международных организационных системах. М.: МНИИПУ, 1989. 196 с.
15. Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю. Старые и новые хозяева России (От властных отношений к собственническим) // Мир России. 1992. №1. Т. 1. С. 67–90.
16. Радаев В.В. Типы стратификационных систем // В кн.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
17. Захарова Л.Н. Основы психологического консультирования организаций. М.: Логос, 2012. 432 с.
18. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.
19. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.
20. Мескон М.Х. Основы менеджмента. М.: Дело, 2000. 704 с.

INFORMAL RELATIONSHIPS IN MODERN BUSINESS COMPANIES*N.I. Tyurina*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes different theoretical approaches of Russian and foreign researchers to the phenomenon of informal practices in business companies. We trace the evolution of the researchers' perception of the concept «informal relations» at work: from a very negative attitude requiring urgent elimination of such relations to a positive assessment recognizing the beneficial effect of this type of relations on production processes. The correlation between the concepts of «informal relations» at work and «informal organization» are analyzed. A definition is proposed of informal relations in business organizations, as well as their classification on four grounds with the account of modern companies' specific features and on the basis of a synthesis of knowledge gained in this field.

Keywords: informal relations and practices, organization, company, informal organization, informal relations in a company, classification of informal relations.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 374.72

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

© 2018 г.

И.А. Власова

Власова Ирина Анатольевна, к.пед.н.; доцент Института педагогики и психологии
Петрозаводского государственного университета
dentelle@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 21.01.2018**Статья принята к публикации 08.02.2018*

Рассматриваются проблемы организации и реализации дополнительного образования взрослых. Осуществляется анализ рынка образовательных услуг России в области общего дополнительного образования. Представлены результаты реализации проекта «Доступная среда в действии», в ходе которой были выявлены как общие организационно-педагогические проблемы дополнительного образования взрослых, так и специфические проблемы дополнительного образования взрослых инвалидов: возрастное ослабление физиологических функций; негативное воздействие стрессовых ситуаций на формирование устойчивой, длительной мотивации; неоднородность целевых установок; напряжение физических и психических сил и повышение роли самостоятельной работы; приоритетность выполняемых социальных ролей; наличие жизненного и профессионального опыта; ограниченная доступность среды; степень готовности педагогов работать с инвалидами; необходимость в разработке специальных учебных пособий и дидактических материалов; уровень общего образования инвалидов; желание и мотивация приобретать новые знания, умения и навыки. Сделан вывод о необходимости государственной поддержки учреждений и организаций, осуществляющих дополнительное образование взрослых инвалидов, а также о необходимости поддержки работодателей, готовых принять на работу инвалида.

Ключевые слова: проблемы дополнительного образования взрослых инвалидов, доступная среда.

Постановка проблемы

Проблемам организации и осуществления дополнительного образования взрослых посвящено много публикаций. Проводя анализ этих публикаций, приходим к выводу, что подавляющее большинство авторов рассматривает дополнительное образование взрослых в контексте дополнительного профессионального образования. Между тем закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года предусматривает возможность получения взрослыми не только дополнительного профессионального образования, но и дополнительного общего образования, «направленного на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [1, с. 3].

Цели экспериментальной работы

Организация общего дополнительного образования взрослых носит в нашей стране в боль-

шей части «дикий» характер. С одной стороны, основными поставщиками дополнительных образовательных услуг являются органы исполнительной власти, то есть созданные при муниципальных образованиях учреждения культуры и образования. Также дополнительные образовательные услуги взрослому населению оказывают общественные организации и индивидуальные предприниматели. С другой стороны, «дикость» рынка образовательных услуг определяется тем, что на просторах Интернета, в том числе социальных сетей, существует огромное количество поставщиков этих услуг и их деятельность никем не контролируется и не лицензируется. Кроме всего прочего, подобные объединения существуют не только в виртуальном мире, но и в реальном, в виде всевозможных мастер-классов, досуговых клубов и т.д. Закон «Об образовании» очень четко трактует необходимость лицензирования любой образовательной деятельности, тем не менее в нем можно отыскать лазейки, позволяющие его обходить.

В Автономной некоммерческой организации по оказанию социальных услуг инвалидам «Особая семья» в апреле 2013 года было принято решение о лицензировании дополнитель-

ных общеобразовательных программ для взрослых и создано структурное подразделение, осуществляющее образовательную деятельность.

В течение 2015–2016 годов был разработан и реализован проект «Доступная среда в действии» для решения актуальных проблем дополнительного образования взрослых инвалидов. Проект направлен на предоставление инвалидам детства возможностей приобретения профессиональных навыков и трудоустройства, получения специальных навыков социальной адаптации, участие их в социальной и экономической жизни, на мобилизацию сил и развитие творческой активности, раскрытие творческого потенциала. В настоящее время не все молодые люди с инвалидностью имеют возможность получать профессиональное образование и трудоустроиваться наравне со своими сверстниками из-за отсутствия программ сопровождения инвалидов детства, специализированных рабочих мест.

Цель реализации проекта – содействие формированию социальных и профессиональных навыков у инвалидов детства, способствующих их трудоустройству и самореализации.

Задачи реализации проекта:

- 1) организация цикла обучающих занятий по профориентации для молодёжи с инвалидностью;
- 2) разработка программно-методического обеспечения учебных курсов;
- 3) создание условий для проведения обучающих курсов на базе Организации;
- 4) оснащение компьютерного класса для обучения молодых инвалидов современным информационно-коммуникационным технологиям и создание рабочего места под конкретного инвалида для наработки практических навыков;
- 5) проведение семинаров и тренингов для молодых инвалидов и их родителей для снятия психологических установок, мешающих адаптации к современному обществу, а также для повышения профессионального уровня руководителей социально ориентированных некоммерческих организаций;
- 6) содействие в трудоустройстве инвалидов детства.

В ходе реализации проекта были проведены следующие мероприятия:

- 1) учебные занятия по программам «Как найти работу», «Школа рукоделия», «Компьютерная грамотность», «Основы менеджмента»;
- 2) семинары, тренинги для целевых групп, родителей, представителей и руководителей некоммерческих организаций;
- 3) анкетирование и опрос целевой аудитории, экспертов.

Факторы, влияющие на процесс дополнительного образования взрослых

Анализ публикаций по дополнительному образованию взрослых показал, что авторы выделяют ряд факторов, влияющих на процесс обучения [2, с. 66–68; 3, с. 113–114]. В результате реализации проекта нами были вскрыты новые проблемы, которые, казалось бы, не должны были возникнуть, так как само дополнительное образование взрослых предусматривает их решение. Список факторов был переработан и дополнен.

– Возрастное ослабление физиологических функций, таких как: снижение зрения, слуха, ухудшение памяти, быстроты и гибкости мышления, замедление реакции, что оказывает отрицательное влияние на процесс обучения. У инвалидов, в зависимости от заболевания, эти физиологические функции могут быть ослаблены от рождения или в связи с приобретенным заболеванием.

– Препятствие формированию устойчивой, длительной мотивации к дополнительному образованию в связи со стрессовыми ситуациями. Процессу обучения мешают такие психологические установки, как беспокойство о своем авторитете; боязнь выглядеть некомпетентным в глазах окружающих; несоответствие образа «солидного, взрослого человека» традиционно понимаемой роли ученика; предубеждение против старой педагогической парадигмы. У людей с инвалидностью сюда добавляются переживания, связанные с принятием их обществом как равноправных членов. Не секрет, что у многих физически здоровых людей общение с инвалидом вызывает спектр чувств от жалости до отращения и неприятия.

– Целевые установки, которые ставят перед собой взрослые обучаемые, неоднородны. Таким образом, педагогу приходится либо «выравнивать» цели обучающихся (что происходит чаще всего, и это может вызывать негативные эмоции у слушателей в связи с тем, что не оправдываются ожидания), либо формировать индивидуальный маршрут обучения каждого слушателя (что требует от педагога дополнительных эмоциональных и профессиональных усилий). Любое заболевание, повлекшее за собой инвалидность, накладывает отпечаток на психоэмоциональное развитие личности, и с возрастом это только усугубляется, вследствие чего при обучении взрослых инвалидов приходится использовать индивидуальный подход к обучению в большей степени, чем при обучении людей без инвалидности.

– Организационные условия проведения занятий по дополнительному образованию тре-

буют от слушателей напряжения физических и психических сил и повышения роли самостоятельной работы, так как курсы в большинстве своем проходят в вечернее время либо в выходные дни. Здесь могут оказывать влияние на восприятие информации снижение работоспособности и пропуск занятий по уважительным причинам. Снижение работоспособности у инвалидов наступает значительно быстрее, чем у здоровых людей. Поэтому следует использовать различные формы организации работы, уделять особое внимание выбору форм и методов обучения. Как показала практика, у людей с разными заболеваниями и разной их степенью возникают проблемы с выполнением самостоятельной работы, подыскиваются предлоги, чтобы ее не выполнять, в связи с этим снижается эффективность обучения.

– Выполнение различных социальных ролей также может ограничивать эффективность и успешность обучения. Взрослый человек сам определяет свои жизненные приоритеты. К сожалению, дополнительное образование, имеющее статус факультативного, то есть необязательного, а иногда являющегося хобби, уходит на второй план по отношению к выполнению приоритетных социальных ролей сослуживца, подчиненного, родителя, супруга и т.д. У инвалидов может добавляться еще, в некоторой степени, инфантилизм. Инвалиды детства окружены заботой и, подчас, излишней опекой со стороны своего ближайшего окружения. Вырастая, взрослый инвалид ожидает такого же отношения к себе и со стороны других людей. Не получая желаемого, инвалид отказывается от выполнения заданий, а иногда проявляет агрессию в адрес педагога.

– Наличие жизненного и профессионального опыта у слушателей имеет большое значение для организации эффективного процесса обучения. С одной стороны, наличие такого опыта может служить базой для собственного дальнейшего обучения и способствовать обучению коллег, с другой стороны, может затруднять учебный процесс. Отсутствие профессионального опыта у инвалидов накладывает ограничение на восприятие информации и требует дополнительных временных и физических затрат на освоение учебного материала.

Вышеперечисленные факторы иллюстрируют диапазон проблем, связанных с обучением здоровых людей. Мы провели параллели с особенностями обучения инвалидов. Проект «Доступная среда в действии» позволил также выявить специфические проблемы обучения взрослых инвалидов. Этим проблемам уделяется меньше внимания.

– Доступность среды. При организации дополнительного образования взрослых инвалидов

следует в первую очередь технически оснастить учебные помещения и обеспечить возможность прибыть к месту обучения. Существуют различные коммуникационные средства, позволяющие, не выходя из дома, получать дополнительные образовательные услуги. Но, во-первых, прибегая к ним, мы лишаем инвалида возможности живого общения без посредника в виде монитора компьютера и веб-камеры. Во-вторых, не все заболевания позволяют пользоваться этими средствами. Например, слабослышащие, глухие и глухонемые люди не могут без помощи сурдопереводчика общаться с педагогом, если педагог не владеет языком жестов. Слабовидящие и слепые люди также нуждаются в помощи специалистов и спецсредств при освоении дополнительных образовательных программ. У инвалидов-колясочников могут быть сложности с преодолением «барьеров» на пути к занятиям.

– Готовность педагогов работать с инвалидами. Педагоги, имеющие профессиональное педагогическое образование и получившие теоретическую подготовку в области специальной коррекционной педагогики и психологии, в основе своей остаются теоретиками. Работая с инвалидами, начинаешь понимать, что у каждой группы инвалидности есть свои особенности, которые следует учитывать при подготовке к занятиям и разработке программ. И нет абсолютно никакой гарантии, что методы и приемы, сработавшие в одной группе, сработают так же хорошо и в другой. Это требует от педагогов постоянной мобилизации внутренних резервов, эмоциональных сил и готовности к постоянному самообразованию. Например, обучение группы слабослышащих и глухих обучающихся практическим навыкам в области рукоделия потребовало от педагога разработки и внедрения ряда специальных жестов, обозначающих те или иные трудовые операции. Во время объяснения материала приходилось тщательно артикулировать все звуки, хотя в группе работал сурдопереводчик.

– Разработка специальных учебных пособий и дидактических материалов требует от педагога дополнительной подготовки и продумывания на ближайшую перспективу подробной методики преподавания, а также формирования у себя таких качеств личности, как педагогическая интуиция, педагогический оптимизм, педагогическая эрудиция.

– Наличие специалистов-помощников, таких как сурдопереводчик, социальный работник, помощник педагога, психолог. Для того чтобы эти специалисты органично влились в учебный процесс, необходимо первоначально их обучить тому предмету, который потом будет преподаваться

инвалидам. Это поможет не тратить дополнительного времени на занятиях для повторного объяснения и воспроизведения учебного материала.

– Уровень общего образования инвалидов зависит от того, в какой школе они обучались (в специализированной или массовой), есть ли у них профессиональное образование. Иногда специфика заболевания такова, что у инвалидов ограничены словарный запас и способность воспринимать информацию, они не понимают слов педагога. В связи с этим во время занятий приходится выделять время на то, чтобы объяснить более понятным языком учебный материал. Следует отметить, что расширение словарного запаса никоим образом не зависит от степени коммуникабельности человека. Он живет в своем кругу, понимает ближайшее окружение, и этого достаточно. Таким образом, мы видим, что дополнительное образование несет на себе еще и функцию культурно и эмоционально обогащать и насыщать жизнь инвалида.

– Желание и мотивация приобретать новые знания, умения и навыки порой очень низкие. Проект показал, что ни сами инвалиды, ни члены их семей не готовы затрачивать время и тем более тратить деньги на приобретение новых компетенций. Даже бесплатные образовательные услуги не всегда являются стимулом к саморазвитию. Вероятно, это связано с тем, что жизнь в определенном плане упорядочена, а личная инертность и невидение возможности применить новые знания на практике мешают повысить качество жизни.

Выводы

Проведенное нами исследование проблемы, с одной стороны, показало социальную значимость реализованного проекта, с другой сторо-

ны, позволило обосновать, почему проблемам дополнительного образования взрослых инвалидов уделяется мало внимания. Проблем много, они требуют глубокого и системного решения, вложения средств, но, как показывает практика, муниципальные учреждения культуры и образования не готовы взять на себя решение этих проблем из-за ограниченного финансирования и, возможно, отсутствия специалистов по работе с инвалидами. Общественные организации могут решать эти проблемы частично за счет финансирования проектов. Индивидуальные предприниматели, ориентированные на коммерческую привлекательность проектов, не готовы, а иногда не имеют возможности заниматься подобной благотворительностью. Таким образом, можно сделать вывод, что нужна государственная поддержка учреждений и организаций, осуществляющих дополнительное образование взрослых инвалидов и членов их семей, и поддержка работодателей, готовых принять на работу инвалида.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 декабря. Федеральный выпуск № 5976. С. 2–10.
2. Змеёва Т.Е. Андрагогические особенности обучения иностранному языку в системе дополнительного образования взрослых // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 65–69.
3. Кононова А.П. К вопросу о психологических особенностях обучения взрослых в системе дополнительного образования // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2013. № 1. С. 112–115.

ORGANISATIONAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF SUPPLEMENTARY EDUCATION FOR ADULTS

I.A. Vlasova

Petrozavodsk State University

Problems of organization and realization of supplementary education for adults have been covered in a great number of articles and research papers. Most of them focus on the system of supplementary professional education rather than problems related to general supplementary education. For Russian reality, the problem is even more important as most research refers to foreign experience and the issue of realization of supplementary education is underrated. Currently, state, non-profit organizations or business structures offer supplementary education courses using Internet sources, social networks and groups of interest. Our analysis of such courses indicates that the majority of them is aimed at people without disabilities which rules disabled people out. In 2015–2016, we tried to close the gap by implementing a project «The world at the reach of your hand» in a non-profit organization «Families with special needs». Working on the project enabled us to identify general organizational and pedagogical problems of supplementary education for adults and specific needs to consider when organizing supplementary education for disabled people: age-related weakening of physiological functions; building stress reluctance; forming durable motivation; discrepancy in aims and objectives of adult learners; much psychological and physical effort that adult learners have to make; the amount of independent work in the course; priorities learners set in their social status; life and professional experience; limited opportunities; readiness of educators to work with disabled people; the need to construct sets of learning materials for the target group; education level; desire to acquire new knowledge and skills.

The problems we have identified emphasized the importance of our project work and explained the lack of attention paid to supplementary education for disabled adults. In conclusion, we can state that government support is needed for institutions and organizations that provide supplementary education for adults with disabilities and for potential employers who are ready to hire a disabled person.

Keywords: problems of supplementary education for adults, supplementary education for disabled people.

УДК 37.036.5

РАЗВИТИЕ ГИБКОСТИ МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ВНЕУРОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ПРОГРАММЕ «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КОМБИНАТОРИКА»

© 2018 г.

И.Б. Румянцева, И.И. Целищева

Румянцева Ирина Борисовна, к.пед.н., доц.; доцент кафедры математики, физики и методики обучения
Шуйского филиала Ивановского государственного университета
irina.rum2011@yandex.ru

Целищева Ира Ивановна, доц.; доцент кафедры математики, физики и методики обучения
Шуйского филиала Ивановского государственного университета
irina.rum2011@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.12.2017**Статья принята к публикации 29.01.2018*

Представляются результаты применения авторской программы организации внеурочной деятельности младших школьников «Занимательная комбинаторика». Рассматривается педагогический эксперимент, проводившийся с детьми 7–8 лет на базе школы № 2121 им. маршала Советского Союза С.К. Куркоткина (г. Москва). Описывается технология развития гибкости мышления школьников средствами решения комбинаторных задач, которая предусматривает последовательную реализацию ряда этапов: подготовка к выполнению комбинаторных заданий; выполнение комбинаторных заданий на основе предметного моделирования; выполнение комбинаторных заданий на основе графического моделирования; обобщение рациональных приёмов систематического перебора как основы дальнейшего введения комбинаторных формул. Подтверждается гипотеза о том, что целенаправленное и поэтапное овладение школьниками методами выполнения комбинаторных заданий способствует развитию гибкости их мышления как важного компонента математического мышления.

Ключевые слова: внеурочная деятельность школьника, развитие гибкости мышления младших школьников, комбинаторные задачи.

Проблема исследования

В Указе президента РФ (№ 899 от 07.07.2011) о приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники и перечне критических технологий РФ обозначен вектор на развитие нано-, био-, информационных, когнитивных технологий. Но чтобы эти направления успешно реализовывались и позволяли получать качественные результаты, нужны высококвалифицированные специалисты. Основная профессиональная подготовка таких специалистов происходит в условиях среднего и высшего образования. Но следует отметить, подготовка мышления растущего человека к проектной и технической деятельности начинается гораздо раньше.

Один из первых этапов проектирования – это рассмотрение различных вариантов выполнения планируемой работы для достижения результата. На следующем этапе из нескольких вариантов выбирается один, наиболее оптимальный. Поэтому для проектирования инновационных разработок в сфере робототехники, кибернетики, нанотехнологий и т.д. человеку важно иметь способность просчитывать разные способы своих действий, видеть различные алгоритмы дос-

тижения поставленной задачи, выдвигать гипотезы и предположения, создавать новые разнообразные и оригинальные продукты. Достижение высокого уровня развития этой способности растущего человека – стратегическая задача, которая требует проведения регулярного, длительного развивающего обучения. Способность человека в процессе интеллектуальной деятельности вырабатывать разные способы решения задачи, находить разные варианты применения какого-либо объекта, видеть несколько путей выхода из проблемной ситуации психологи связывают с гибкостью его мышления.

Обзор литературных данных

Влияние обучения математике на развитие гибкости мышления подчёркивали Л.В. Занков, А.Н. Колмогоров, В.А. Крутецкий, Н.И. Непомнящая, В.Ф. Парламарчук и другие. Гибкость и разносторонность мышления, по мнению В.Ф. Парламарчук, зависит от умения сравнивать объекты, сознательно находить новые признаки в них, рассматривая с разных сторон, что обеспечивается обучением фундаментальным основам математики.

Учёные, изучавшие математические способности, выделяли те их показатели, которые относятся к проявлениям гибкости мышления. Ещё А.Н. Колмогоров считал основной и существенной особенностью математического мышления «способность находить пути решения, не подходящие под стандартное правило» [1, с. 17]. В.А. Крутецкий выделял в качестве компонента математических способностей «свободное переключение от одной умственной операции к другой, свободу от шаблонов и трафаретов» [2, с. 79]. Ф. и Ж. Папи считали «рассмотрение ситуации с различных сторон наиболее эффективным фактором, развивающим математические способности» [3, с. 17].

По мнению Л.В. Занкова, основным направлением математической подготовки должно стать развитие таких средств мыслительной деятельности, как гибкость и быстрота реакций. Л.В. Занков уделяет особое внимание развитию гибкости мышления младших школьников: «когда речь идёт о мышлении, на первый план обычно выдвигается вопрос об усвоении знаний и понятий. Говорится также о процессах сравнения и обобщения. Но особое значение приобретает одна особенность мышления, которая до настоящего времени оставалась в тени. Мы имеем в виду рассмотрение одного и того же предмета с разных точек зрения» [4, с. 139].

Таким образом, гибкость мышления растущего человека возможно развивать средствами решения математических задач, отвечающих вышеуказанным требованиям.

Методические возможности комбинаторных задач

Подобным требованиям удовлетворяют комбинаторные задачи. Они характеризуются как задачи, требующие выбора из некоторого заданного множества его подмножества в том или ином порядке. Включение комбинаторных задач в обучение детей от случая к случаю не позволяет решить проблему развития гибкости мышления. Возникает необходимость использования системы обучения детей решению комбинаторных задач.

Наш многолетний опыт убедил нас, что развивать такой компонент творческого мышления, как гибкость, необходимо начиная с дошкольного и младшего школьного возраста. Причём кратковременная педагогическая деятельность в данном направлении не имеет большого развивающего эффекта. Развивающие занятия должны быть регулярными и построенными на психологической основе. Существуют большие возможности интеллектуального развития школьников

во внеурочной деятельности. Это отмечалось участниками Всероссийской научно-практической конференции «Организация внеурочной деятельности школьников: опыт, проблемы, перспективы», прошедшей 24.11.2016 на базе Ивановского государственного университета.

Теоретические предпосылки экспериментального исследования

С целью реализации направления интеллектуального развития школьников во внеурочной деятельности, указанного во ФГОС НОО, нами разработана и внедряется в практику дополнительная образовательная программа «Занимательная комбинаторика» [5], которая направлена на овладение учащимися различными методами решения комбинаторных задач с применением конструирования и моделирования.

В процессе реализации этой программы «обучение выступает не самоцелью, а условием интеллектуального развития детей. Дети самостоятельно добывают знания и способы действия, перестраивают ранее полученные способы решения задач, открывают новые способы. В процессе освоения программы у учащихся развиваются приёмы умственных действий: сравнение, классификация, анализ, синтез и обобщение. Учащиеся учатся применять при выполнении комбинаторных заданий следующие методы: метод практического перебора, графический метод (с применением таблиц и графов), метод обобщённых рассуждений» [6, с. 210]. В помощь педагогу нами разработаны методические рекомендации к каждому занятию, в соответствии с тематическим планом [7].

Содержание программы обеспечивает реализацию технологии, построенной на дидактическом синтезе обучения и развития. «Дидактический синтез» – это второй уровень интеграции в учебном процессе (по В.П. Аберган [8]), предполагающий единство, взаимопроникновение таких процессов, как обучение, развитие, воспитание, коррекция, адаптация, социализация и т.д. для достижения комплексной дидактической цели. Мы относим указанную технологию к интегративным технологиям в образовании, т.к. она является результатом интеграции технологии развития гибкости мышления детей Е.С. Ермаковой [9] и технологии обучения детей решению комбинаторных задач.

Отличительной особенностью программы является то, что в ней реализована авторская технология обучения детей решению комбинаторных задач, которые выступают средством развития гибкости мышления. В основе технологии лежат следующие принципы:

– «психологическое содержание обучения составляет стратегия развития гибкости мышления детей (следование этапам её формирования);

– учёт процесса интериоризации (первоначальное выполнение заданий детьми в практической деятельности, затем перенесение практических действий через речевые в план умственных действий);

– тесная связь содержания комбинаторных заданий с основным содержанием начального курса математики в соответствии с образовательными стандартами для детей младшего школьного возраста;

– последовательное использование метода перебора с целью обучения рациональным приёмам систематического перебора и как основы для введения в дальнейшем комбинаторных правил и формул» [10, с. 75].

Актуальность программы «Занимательная комбинаторика» обусловлена тем, что, во-первых, младший школьный возраст затрагивает чувствительный период развития ребёнка, когда наиболее интенсивно развиваются свойства творческого мышления при создании специальных условий. Во-вторых, программа является преемственной по отношению к стохастической линии, введённой в настоящее время в содержание математики в старших классах общеобразовательной школы.

Мы провели анализ содержания современных программ и учебников математики для начальной школы следующих авторов: М.И. Моро, М.А. Бантова и др. (ООП «Школа России»); Г.В. Дорофеев, Т.Н. Миракова (ООП «Перспектива»); Н.Б. Истомина (ООП «Гармония»); Т.Е. Демидова, С.А. Козлова, А.П. Тонких (ООП «Школа 2100»); В.Н. Рудницкая (ООП «Начальная школа XXI век»). Он показал, что комбинаторные задания представлены в них эпизодически, предлагаются для выполнения от случая к случаю как средство применения обучающимися знаний вопросов нумерации. В учебниках нет чёткой системности в последовательном развитии у детей комбинаторных умений, не разъясняются основные комбинаторные понятия, не формируются представления о комбинаторных методах решения задач, доступных младшим школьникам. Всё это в итоге позволяет младшим школьникам выполнять комбинаторные задания лишь на интуитивном уровне, не способствуя подготовке к продвижению, а тем более к переходу на понятийный уровень.

Необходимо отметить, что в системе начального образования широко применяется авторская программа внеурочной деятельности Е.Э. Кочуровой «Занимательная математика» [11], основная цель которой – повысить интерес

детей к математике средствами разнообразных эвристических задач, дидактических, развивающих и подвижных игр, соревнований по темам «Числа. Арифметические действия. Величины», «Мир занимательных задач», «Геометрическая мозаика». Безусловным достоинством этой программы являются разнообразие и насыщенность её содержания разнообразными заданиями, видами деятельности детей и формами взаимодействия школьников. Но в данной программе не просматривается чёткая психологическая основа развития интеллекта младших школьников средствами математики (например, на основе поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина), не выделены этапы, позволяющие реализовывать принцип преемственности и последовательности во внеурочной деятельности.

В нашей авторской программе «Занимательная комбинаторика» иные приоритеты в расстановке основных целей, одна из которых – развитие гибкости мышления обучающихся средствами выполнения комбинаторных заданий практико-ориентированной направленности. Авторами теоретически обоснованы стратегия, принципы внеурочной деятельности, выделены этапы работы. Новизна программы обусловлена своей направленностью на реализацию технологии развития гибкости мышления детей, соответствующей современной теории психологии обучения и развития детей, теории и методике обучения математике детей младшего школьного возраста.

Программа является естественным дополнением начального курса математики в школе. Она педагогически целесообразна, т.к. в процессе её реализации происходит не только усвоение определённого математического содержания, но и обогащение опыта творческой деятельности учащихся, расширение математического кругозора детей.

Цель программы – общеинтеллектуальное развитие личности учащихся средствами овладения методами решения творческих, эвристических и комбинаторных заданий, математического содержания в условиях внеурочной деятельности образовательного учреждения.

Программа ставит целью решение следующих задач:

– формировать умение применять метод моделирования при поиске способов решения проблем творческого, поискового и комбинаторного характера (с математическим содержанием);

– формировать умение использовать знаково-символические средства (таблица, направленный и ненаправленный графы, граф-дерево и др.) представления содержания математиче-

ских заданий для его всестороннего анализа и выработки нескольких способов решения обозначенной проблемы;

– формировать умение выполнять логические действия: сравнение, анализ, синтез, обобщение, классификацию по родо-видовым признакам рассматриваемых наборов элементов комбинаторных заданий;

– формировать умение устанавливать причинно-следственные связи в содержании комбинаторных заданий; на основе практического опыта строить рассуждения в обобщённом виде для выработки рациональных приёмов систематического перебора, как основы дальнейшего введения комбинаторных формул;

– уточнить, дополнить и обобщить знания учащихся о множествах, отношениях между множествами, операциях над множествами (объединения, пересечения, вычитания, декартова произведения), а также об элементе множества и отношениях между элементами множества;

– познакомить с рядом понятий теории множеств и математической логики («некоторый», «каждый», «все», «отдельные», «множество», «элемент множества», «часть», «целое»), понимать смысл союзов-связок «и», «или», частицы «не» и других и применять эти знания при решении практико-ориентированных комбинаторных заданий;

– подготовить мышление учащихся к изучению тем стохастической линии курса математики старших классов.

Теоретико-методологические основы курса строятся на системно-деятельностном подходе. Программа рассчитана на 128 часов и предполагает проведение регулярных еженедельных (1 раз в неделю) внеурочных занятий со школьниками 1–4 классов.

При взаимодействии с детьми в процессе их общеинтеллектуального развития используются следующие виды деятельности: игровая, исследовательская, поисковая, предметная, коммуникативная, проектная, конструктивная.

Психологическое обеспечение программы включает в себя следующие компоненты:

– создание комфортной, доброжелательной атмосферы на занятиях;

– организация рефлексии и саморефлексии деятельности детей на занятии;

– применение парных и групповых форм обучения, с учётом индивидуально-типологических особенностей учащихся.

Экспериментальная методика

Реализация экспериментальной программы на практике предполагает соблюдение ряда этапов, каждый из которых опирается на закономерности

развития гибкости мыслительной деятельности детей и логику изучения комбинаторики.

Первый этап – подготовка детей к решению комбинаторных задач. На этом этапе выполняются задания на выделение признаков, установление сходства и различия предметов; задания на классификацию различных объектов (с указанием основания для классификации и без указания, с указанием количества классов разбиения и без указания).

На подготовительном этапе у обучающихся формируется ряд элементарных понятий и положений теории множеств. Такие слова, как «некоторый», «каждый», «все», «отдельные» и другие встречаются в большинстве формулировок комбинаторных задач. Без осознанного понимания математического смысла этих слов ребёнок не сможет выработать правильные решения. Организовать работу по усвоению этих и подобных им понятий можно следующим образом. Детям предлагается внимательно послушать и решить следующие задачи.

1. Все ученики вашего класса пойдут завтра в кино. Пойдёшь ли в кино ты?

2. Все ли животные имеют волосяной покров?

3. Все ли квадраты жёлтые?

4. Часть ребят пойдёт в кино, а часть в парк. Пойдёт ли в кино Коля?

5. Назовите имена каждого мальчика своего класса (группы). Сколько среди них различных?

6. Назовите имена некоторых девочек группы. Зовут ли хотя бы одну девочку из группы Машей?

7. Отдельные животные зимой впадают в спячку. Можно ли в зимнем лесу встретить животное?

8. Почему вы так считаете? Что означают слова «все», «некоторые», «отдельные», «часть»? Что же больше: «все» или «некоторые», «целое» или «часть»?

Для усвоения смысла союзов-связок «и», «или» возможно выполнение с детьми следующих заданий.

9. Завтра будет солнечно или холодно. Какая погода может быть завтра?

10. Завтра будет солнечно и холодно. Какая погода будет завтра?

11. Нарисуйте треугольник и квадрат.

12. Нарисуйте круг или прямоугольник. Сколькими способами ты сможешь выполнить задание?

Важное место в ходе подготовительного этапа также должны занять упражнения, направленные на развитие умения устанавливать отношения между элементами множеств и между множествами. Большой интерес у детей вы-

зывают игры с двумя и тремя обручами. Например, игры «Вершки и корешки», «Дикие животные Европейской и Азиатской частей России», «Садовые и лесные ягоды», «Садовые и полевые цветы» и др., где играющие должны разложить карточки с предметами в обручи (пересекающиеся или непересекающиеся), согласно определённому условию.

Второй этап – этап овладения практически действиями как способом решения комбинаторных задач. На этом этапе комбинаторные задачи решаются детьми на основе практических действий путём перебора. Перебор может предусматривать обнаружение как всех возможных комбинаций с объектами, так и лишь их части, удовлетворяющей условиям, заданным в задаче.

Например, детям предлагается приготовить для Маши и трёх медведей разные компоты из пяти фруктов (трёх яблок и двух груш разного цвета). В каждом компоте должно быть четыре фрукта. Сначала дети используют элементарное моделирование, замещая фрукты геометрическими фигурами (кругами и треугольниками разного цвета). Затем каждый ребёнок самостоятельно выполняет задание, составляя четыре вида компотов, с помощью перебора различных комбинаций бумажных геометрических фигур разного цвета. В итоге у школьников получается 5 различных рецептов компотов для медведей и Маши.

Третий этап – этап использования таблиц и графов при решении комбинаторных задач.

На этом этапе происходит переход обучения от предметных действий к использованию схематизации. Накопленный на предыдущем этапе практический опыт дети обобщают, переходя к более рациональным средствам организации перебора: таблицам и графам. Это позволяет более чётко выстраивать ход своих рассуждений, учитывать все возможные ситуации перебора.

Практико-ориентированное значение имеют следующие задания, которые выполняются с помощью таблиц.

Задание 1. Мама готовит суп, в который ей нужно положить морковь и лук. У неё есть три морковки разного размера и три луковицы разного размера. Сколькими способами мама может отобрать для супа одну морковь и одну луковицу?

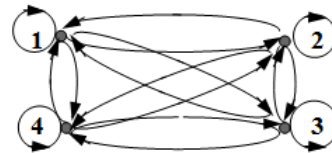
	○	○	○
△	△○	△○	△○
△	△○	△○	△○
△	△○	△○	△○

Задание 2. Даша решила нарисовать натюрморт из трёх яблок (зелёного, жёлтого и красно-

го). Она стала думать, как их лучше расположить на картине. Помогите Даше найти все варианты расположения яблок на натюрморте и выбрать лучший вариант. Впишите свои варианты в таблицу.

Задание 3. «Меню для крольчихи». Педагог предлагает решить задачу: «Даша приехала в деревню к бабушке и дедушке. У них жила большая крольчиха. Бабушка с дедушкой приготовили ей в качестве корма на неделю четыре морковки разного размера и три кочана капусты разных размеров. Бабушка сказала Даше, что эти овощи нужно давать крольчихе в течение недели. Для этого она попросила Дашу составить овощное меню на одну неделю для крольчихи».

На этом этапе предлагаются задачи, выполняемые детьми с помощью ориентированных и неориентированных графов. Например: Рассмотрим такую ситуацию на примере задачи: «На стройке мастеру выдали много табличек с цифрами 1, 2, 3, 4. К скольким квартирам с двузначными номерами он сможет составить таблички и прикрепить их?».

Четвёртый этап – этап обобщения рациональных приёмов систематического перебора как основы для дальнейшего введения комбинаторных формул.

Обобщая рациональные приёмы систематического перебора, дети переходят на такой уровень решения комбинаторных задач, когда они могут, рассуждая вслух, проводить доказательства в обобщённом плане, не обращаясь к выделению каждого частного варианта перебора. Следует заметить, что здесь подразумевается не полный отказ от схем, таблиц и графов, а лишь их рациональное использование при необходимости (например, затруднении) поиска решения в исследовании каждой новой комбинаторной ситуации. Все сформированные на предыдущих этапах комбинаторные действия детей позволяют на заключительном этапе предлагать детям задачи и на правило суммы, и на правило произведения, а также задачи, связанные с подсчётом размещений, перестановок и сочетаний из n элементов по m элементов. Таким образом, дети имеют возможность по-новому посмотреть на способ решения уже знакомых задач, а также познакомиться с новыми комбинаторными задачами.

Этап обобщения рациональных приёмов систематического перебора целесообразнее начать с комбинаторных задач на правило суммы. Правило суммы дети могут «открыть» для себя

на примере такой задачи: «В вазе лежат 4 яблока и 3 груши. Сколькими способами можно из вазы взять один из фруктов?». Приведём возможный вариант беседы учителя с детьми:

- Что значит «взять один из фруктов»?
- Взять яблоко или грушу.
- Сколькими способами можно взять одно яблоко? Почему?
- Четырьмя способами, т.к. яблок всего 4 и они разные.
- Сколькими способами можно взять одну грушу и почему?
- Одну грушу можно взять тремя способами, т.к. груш всего 3 и они различные.
- Сколькими способами можно взять один из фруктов?
- семью способами.
- Подумайте, как получилось число 7?
- $4 + 3 = 7$.
- Это правило суммы.

Каждый этап обучения комбинаторике, хотя и связан с возрастными особенностями интеллектуального развития детей 6–10 лет, не имеет жёсткой привязки к определённой возрастной группе. Методику этих этапов мы раскрыли в системе конспектов 128 занятий (Румянцева И.Б., Целищева И.И. Занимательная комбинаторика: Учебное пособие. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2015. 230 с.), а также в своих публикациях в журналах ВАК «Начальная школа», «Начальное образование», «Начальная школа До и После».

Формы подведения итогов реализации программы – тесты, викторины, выставки, соревнования, проекты, конкурсы. Закончить и обобщить полученные детьми знания рекомендуется в ходе выполнения и защиты проектов по составлению детьми своих комбинаторных заданий разных типов.

Программа внеурочной деятельности И.Б. Румянцевой, И.И. Целищевой «Занимательная комбинаторика» успешно применяется в Ивановской области и за её пределами.

Результаты исследования

Проведём анализ результатов применения во внеурочной деятельности учащихся первых классов этой технологии в 2016/17 уч. году в школе № 2121 им. маршала Советского Союза С.К. Куркоткина (г. Москва). Экспериментальную группу составили 26 учащихся первых классов, с которыми учитель начальных классов Е.Б. Муравьёва регулярно в течение учебного года организует занятия по программе И.Б. Румянцевой и И.И. Целищевой «Занимательная комбинаторика». Группа формировалась на

добровольной основе из обучающихся параллельных классов, по желанию и познавательному интересу школьников. Другая часть школьников из этих же классов (35 учащихся) – контрольная группа, не принимавшая участия в специально организованных занятиях.

В ходе экспериментальной работы была подвергнута статистической проверке гипотеза о том, что организация внеурочной деятельности младших школьников по программе «Занимательная комбинаторика», построенной на основе интегративной технологии, оказывает влияние на развитие гибкости их мышления. Для оценки уровня развития гибкости мышления школьников контрольной и экспериментальной групп была использована методика Е.С. Ермаковой «Найди похожий» [12]. В начале учебного года (констатирующий этап) был изучен начальный уровень развития гибкости мышления, а в конце учебного года (контрольный этап) итоговый уровень.

Характеристики положения выборок на констатирующем этапе контрольной группы ($X_{cp.} = 2.400$, $Mo=2$, $Me=2$) и экспериментальной группы ($X_{cp.}=2.538$, $Mo=2$, $Me=2$) практически совпадают, что говорит о равных стартовых возможностях групп школьников, о равных начальных условиях эксперимента. Выборки центрированы и равномерно распределены. Так как средние значения выборок представительны, то можно сделать вывод о том, что в целом уровень развития гибкости мышления у школьников на констатирующем этапе – ниже среднего (по тестовой методике Е.С. Ермаковой).

С помощью t -критерия Стьюдента проверим на уровне значимости $\alpha=0.05$ следующую гипотезу: до проведения эксперимента обе группы по исследуемому признаку однородны (средние результаты в указанном тесте для обеих групп не имеют статистически значимого различия). Расчёты, полученные в среде Excel, позволили нам воспользоваться средними арифметическими значениями выборок и дисперсиями (констатирующего этапа), которые соответственно равны $X_{cp.}=2.538$; $Y_{cp.}=2.4$; $D_x=1.2984$; $D_y=1.6$. Для вычисления t -эмпирического воспользуемся следующей формулой (*)

$$t_{эмп} = \frac{|\bar{x} - \bar{y}|}{\sqrt{M \cdot D_x + N \cdot D_y}} \cdot \sqrt{\frac{M \cdot N}{M + N} \cdot (M + N - 2)},$$

где M и N – объёмы выборок сравниваемых групп, D_x , D_y – дисперсии выборок, \bar{x} и \bar{y} – средние значения выборок.

Вычисления позволили нам получить следующий результат $t_{эмп}=0.4328$. По таблице

Сравнительные результаты оценки уровня развития гибкости мышления школьников контрольной и экспериментальной групп

Уровень развития гибкости мышления	Констатирующий этап				Контрольный этап			
	Экспериментальная группа (26 чел.)		Контрольная группа (35 чел.)		Экспериментальная группа (26 чел.)		Контрольная группа (35 чел.)	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Низкий	17	65.3	23	65.7	4	15.4	20	57.1
Средний	7	26.9	7	20	15	61.5	10	28.6
Высокий	2	7.8	5	14.3	6	23.1	5	14.3

«Критические значения t -критерия Стьюдента» находим $t_{кр.}(\alpha, \nu)=2.000$ при заданном уровне значимости $\alpha=0.05$ и числе степеней свободы $\nu=M+N-2=59$. Сравним полученные значения $t_{эмп}=0.4328$ и $t_{кр.}=2.0211$. Не сложно заметить, что $t_{эмп} < t_{кр.}$. Поэтому выдвинутая гипотеза принимается с вероятностью 95%, т.е. группы по исследуемому признаку на констатирующем этапе однородны.

В течение учебного года (один раз в неделю) с учащимися экспериментальной группы во внеурочное время организовывались внеурочные занятия в соответствии с интегративной технологией развития гибкости мышления детей средствами решения комбинаторных заданий.

В конце учебного года был реализован контрольный этап эксперимента. Характеристики положения выборок на контрольном этапе эксперимента контрольной группы ($X_{ср.}=2.686$, $Mo=2$, $Me=2$) и экспериментальной группы ($X_{ср.}=3.5769$, $Mo=4$, $Me=4$) существенно различаются. Серединные значения выборки контрольной группы соответствуют показателям низкого уровня развития гибкости мышления. Тогда как характеристики положения выборки экспериментальной группы соответствуют показателям среднего уровня развития гибкости мышления. Процентное соотношение результатов оценки уровня развития гибкости мышления школьников обеих групп представим в таблице.

Воспользуемся t -критерием Стьюдента для сравнения двух выборочных средних арифметических значений выборок X_k и Y_k , полученных на контрольном этапе эксперимента. Принимаем предположение о нормальности распределения генеральной совокупности, из которой получены результаты. Для оценки выдвинутой двусторонней гипотезы ($H_0: X_{ср.} = Y_{ср.}$) был использован t -критерий Стьюдента при уровне значимости 0.05. Альтернативная гипотеза заключалась в следующем: уровень развития гибкости мышления учащихся контрольной и экспериментальной групп имеет значимые различия на контрольном этапе эксперимента.

Расчёты, полученные в среде Excel, позволили нам воспользоваться средними арифметическими значениями выборок и дисперсиями

(контрольного этапа), которые соответственно равны $X_{ср.}=3.5769$; $Y_{ср.}=2.6857$; $D_x=1.1338$; $D_y=1.5159$. Для вычисления t -эмпирического воспользуемся формулой (*).

Она позволяет найти значение $t_{эмп}=2.9103$. Число степеней свободы $\nu=59$. Полученное значение $t_{эмп.}$ сравним с критическим значением $t_{кр.}(\alpha, \nu)=2.0001$. Так как $t_{эмп.} > t_{кр.}$, то средние значения сравниваемых выборок не совпадают, достоверность различий средних значений сравниваемых выборок составляет 95%. Таким образом, различие результатов не случайно, оно обусловлено организацией с учащимися экспериментальной группы дополнительной внеурочной деятельности по программе «Занимательная комбинаторика». Проведённая статическая проверка гипотезы и данные таблицы позволяют констатировать, что уровень развития гибкости мышления у учащихся экспериментальной группы выше, чем у учащихся контрольной группы.

Наблюдается положительная динамика в развитии гибкости мышления школьников экспериментальной группы, в сравнении с результатами диагностики этого свойства мышления у школьников контрольной группы.

Применение методов наблюдения и анализа работ детей на уроках и во внеурочной деятельности, а также методов описательной статистики и определения достоверности и различий групп позволили нам прийти к следующим выводам.

Выводы

Конструирование и организация деятельности детей младшего школьного возраста на основе интегративной технологии развития гибкости мышления, средствами решения комбинаторных задач, обеспечивает достижение более высоких результатов в развитии у них такого свойства творческого мышления, как гибкость.

Младшие школьники, имеющие выше среднего и высокий уровни развития гибкости мышления, обнаруживают способности:

– выделять различные признаки и свойства объекта, порой рассматривая его с точки зрения различных понятий и отношений, под «разными углами зрения»;

- составлять разными способами целое из заданных частей (наборы из заданных элементов);
- находить разные способы решения типовых и эвристических задач;
- предлагать разные способы выхода из проблемных ситуаций;
- вырабатывать нестандартные решения математических задач;
- вариативно использовать математические термины, применяя разнообразные речевые обороты.

Перечисленные качества способствуют успешности в математической деятельности при освоении начального курса математики. Об этом свидетельствуют сравнительные результаты успеваемости по математике школьников контрольной и экспериментальной групп. Система занятий дополнительной образовательной программы «Занимательная комбинаторика» последовательно обучает детей решению математических задач, позволяющих выявлять и применять различные для разных условий свойства и связи объектов. Развивающиеся при этом математические представления являются эффективным «психологическим орудием», позволяющим ребёнку выявлять общий принцип решения задачи, мысленно строить сложную структуру отношений между множествами. На основе подобных представлений строятся в дальнейшем многие математические понятия.

Список литературы

1. Колмогоров А.Н. О профессии математика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 33 с.
2. Крутецкий В.А. Психология математических способностей школьников. М.: Просвещение, 1968. 432 с.

3. Папи Ф., Папи Ж. Дети и графы. Обучение детей шестилетнего возраста математическим понятиям. М.: Педагогика, 1974. 192 с.

4. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М.: Просвещение, 1996. 424 с.

5. Румянцева И.Б., Целищева И.И. Дополнительная образовательная программа внеурочной деятельности «Занимательная комбинаторика» для детей младшего школьного возраста (7-10 лет) // Сборник программ внеурочной деятельности. Начальная школа (образовательная система «Школа 2100»). Кн. 1 / Сост. О.М. Корчемлюк. М.: Баласс, 2013. С. 88–102.

6. Ермакова Е.С., Румянцева И.Б., Целищева И.И. Психолого-педагогические особенности организации внеурочной деятельности младших школьников по программе «Занимательная комбинаторика» // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2016. № 3. С. 209–215.

7. Румянцева И.Б., Целищева И.И. Занимательная комбинаторика. Учебное пособие. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «ИвГУ», 2015. 230 с.

8. Аберган В.П. Интеграция профессионально-педагогических знаний в системе подготовки учащихся педучилищ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Минск, 1994. 20 с.

9. Ермакова Е.С. Психологические закономерности формирования гибкости продуктивного мышления у детей дошкольного и младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 42 с.

10. Ермакова Е.С., Румянцева И.Б., Целищева И.И. Развитие гибкости мышления детей младшего школьного возраста с использованием комбинаторных заданий // Одарённый ребёнок. 2016. № 2. С. 74–85.

11. Кочурова Е.Э. Занимательная математика // Сборник программ внеурочной деятельности: 1–4 классы / Под ред. Н.Ф. Виноградовой. М.: Вентана-Граф, 2011. С. 23–73.

12. Ермакова Е.С. Развитие творческого мышления в детском возрасте: Учебные материалы к спецкурсу. Шуя, 2000. 38 с.

DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS' FLEXIBILITY OF THINKING IN EXTRACURRICULAR LESSONS ON THE PROGRAM «ENTERTAINING COMBINATORICS»

I.B. Rumyantseva, I.I. Chelysheva

Shuya Branch of the Ivanovo State University

The article presents the results of application of the authors' program «Entertaining combinatorics» for organizing extracurricular activities of primary school students. The pedagogical experiment was conducted with children aged 7–8 years who made up a control and experimental group at school No. 2121 named after Marshal of the Soviet Union S.K. Kurkotkin, Moscow. To assess the effectiveness of the experimental program, we used T.S. Ermakova's "Find a similarity" method for diagnosing primary school students and the method of testing the statistical hypothesis by means of Student's test. Before the developmental stage of the experiment, both groups on the test were homogeneous (the average results did not have a statistically significant difference). At the control stage of the experiment, the reliability of the differences in the average levels of development of the thinking flexibility of the children in the control and experimental groups was 95% (with significance level $\alpha = 0.05$). This confirmed the hypothesis that the purposeful and step-by-step learning by students of the methods for performing combinatorial tasks contributes to the development of their flexibility of thinking, as an important component of mathematical thinking. The technology of development of students' thinking flexibility by means of solving combinatorial problems involves the sequential realization of the following stages: preparation for combinatorial

tasks; performance of combinatorial tasks on the basis of object modeling; execution of combinatorial tasks on the basis of graphic modeling; generalization of rational systematic search methods as a basis for the subsequent introduction of combinatorial formulas.

Keywords: extracurricular activities of schoolchildren, development of flexibility of thinking in junior schoolchildren, combinatorial problems.

УДК 377.5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕТОДОМ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

© 2018 г.

А.В. Шарина, В.В. Николина

Шарина Анжелика Викторовна, ст. преподаватель кафедры теории и практики управления
Нижегородского института развития образования
sharina_10@mail.ru

Николина Вера Викторовна, д.пед.н.; профессор кафедры педагогики и андрологии
Нижегородского института развития образования
sharina_10@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 26.01.2018**Статья принята к публикации 08.02.2018*

Раскрыты особенности и возможности использования факторного анализа при исследовании процесса формирования предпринимательской активности обучающихся по техническим специальностям профессиональных образовательных организаций. Приведен алгоритм применения факторного анализа для анализа структуры личностной составляющей предпринимательской активности обучающихся, который включает отбор свойств личности, определяющих личностную составляющую; установление факторов, отражающих специфические тенденции в формировании предпринимательской активности обучающихся; оценку изменения структуры и нагрузок на факторы личностной составляющей предпринимательской активности. Описаны результаты использования факторного анализа на контрольном этапе педагогического эксперимента, включающие обоснование структуры личностной составляющей предпринимательской активности обучающихся; выявление общего и групповых факторов и оценку факторной нагрузки в их составе на отдельные свойства личности; обоснование сокращения количества свойств личности, подлежащих контролю в процессе формирования предпринимательской активности обучающихся профессиональных образовательных организаций. Результаты эксперимента подтвердили гипотезу, что разработанная технология формирования предпринимательской активности обеспечивает целенаправленный сдвиг показателей личностной структуры предпринимательской активности.

Ключевые слова: факторный анализ, предпринимательская активность, личностная составляющая, обучающиеся профессиональных образовательных организаций.

Введение

Инновационный экономический прорыв, необходимый нашей стране на фоне смены технологического уклада и глубокой трансформации общества, возможен только в условиях развития предпринимательской активности населения. Предпринимательская активность в настоящее время признается специфическим ресурсом хозяйственной деятельности, который обеспечивает прирост инноваций, способствует повышению уровня жизни населения и становится основой для устойчивого экономического развития страны [1]. Чтобы обеспечить инновационный рывок, экономике нашей страны в большом количестве необходимы специалисты, сочетающие в себе новаторский потенциал в конкретной профессиональной сфере, экономическое мышление и управленческие качества, т.е. люди, обладающие предпринимательским потенциалом. На решение данной задачи государство ориентирует профессиональное образование через систему нормативных документов (Стратегия раз-

вития России до 2020 года, Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций до 2020 года и Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года), в которых одним из ориентиров развития страны выступает рост числа предпринимателей, а необходимыми условиями определены пропаганда предпринимательства и бизнес-образование. Это нацеливает профессиональные образовательные организации на поиск путей формирования предпринимательской активности обучающихся в процессе их профессиональной подготовки. В связи с этим очевидной становится необходимость информирования обучающихся профессиональных образовательных организаций о потенциальных возможностях самореализации на рынке труда через инициативную предпринимательскую деятельность, стимулирование в них предпринимательской активности.

Отдельные аспекты подготовки обучающихся к предпринимательской деятельности явля-

ются предметом научных исследований российских ученых. Одним из актуальных направлений является исследование личности будущего предпринимателя и определение условий, обеспечивающих развитие у молодежи личностных и деловых профессионально-важных качеств, присущих предпринимателю (В.Н. Банькина [2], Н.Н. Габовда [3], О.В. Каткова [4], Ю.И. Панов [5], В.П. Позняков [6], Е.П. Сулаева [7] и др.).

Анализ перечисленных работ позволил определить, что внутренним потенциалом для реализации на практике предпринимательских инициатив является предпринимательская активность обучающегося, которая базируется на определенных свойствах его личности (личностная составляющая предпринимательской активности) и совокупности знаний, умений и опыта в области предпринимательства (профессиональная составляющая предпринимательской активности).

В рамках данного исследования под предпринимательской активностью мы понимаем потенциальную способность и готовность выпускника профессиональной образовательной организации к созданию собственного дела, базирующуюся на личностных и профессиональных компетенциях, направленную на поиск способов самореализации на рынке труда на основе самозанятости в условиях личной ответственности за результат [8].

Постановка задачи использования факторного анализа при анализе предпринимательской активности обучающихся

Главная идея, лежащая в основе осуществленного педагогического эксперимента, состояла в модернизации содержания и процесса подготовки обучающихся по техническим специальностям профессиональной образовательной организации, с тем чтобы обеспечить формирование интегрированной с осваиваемой специальностью предпринимательской активности. В рамках реализованного педагогического исследования в процессе экономической подготовки были апробированы педагогические условия реализации разработанной модели формирования предпринимательской активности обучающихся профессиональных образовательных организаций и технология формирования предпринимательской активности, основанная на задачном подходе; проведено исследование динамики уровня сформированности составляющих предпринимательской активности обучающихся, участвовавших в эксперименте.

Для реализации эксперимента были сформированы экспериментальная и контрольная группы. В контрольной группе экономическая подготовка осуществлялась в традиционном контексте методов обучения (лекции, семинары, практические занятия). В экспериментальной группе экономическая подготовка осуществлялась в условиях реализации разработанной модели формирования предпринимательской активности обучающихся, технологической основой которой стала разработанная нами технология формирования предпринимательской активности. В контрольную группу вошли 88 обучающихся, а в экспериментальную группу – 90 обучающихся по техническим специальностям профессиональных образовательных организаций Нижегородской области.

Эксперимент предусматривал оценку его результатов. Для этого были определены показатели (признаки), отражающие успешность формирования предпринимательской активности обучающихся в процессе обучения, по личностной и профессиональной составляющим. Продемонстрируем результаты эксперимента на примере личностной составляющей предпринимательской активности.

На основании анализа литературы, посвященной видам деятельности предпринимателя, нормативных документов и диссертационных исследований были выделены двенадцать признаков (свойств личности), которые определяют внутренний личностный потенциал обучающихся профессиональных образовательных организаций к осуществлению предпринимательской деятельности [2–5]. Нами исследуются такие свойства личности, показатели предпринимательской активности, как мотивация, коммуникационные и организаторские способности, лидерство, креативность, целеустремленность, ответственность, способность к риску, уверенность в себе, подверженность стрессу, настойчивость и рефлексивность (табл. 1). Совокупность показателей создавалась так, чтобы были отражены все основные области, к которым могут относиться факторы, влияющие на успешность формирования у студентов личностной составляющей предпринимательской активности.

Для оценки свойств личности, значимых для предпринимательской деятельности, использовались: экспресс-диагностика направленности личности МЭДНАЛ Б. Басс – В. Смейкала, оценки коммуникационных и организаторских способностей В.В. Синявского и В.А. Федорошина, методика оценки склонности к риску А.Г. Шмелева, методика оценки лидерства А. Казанцева, В. Подлесных и Л. Серова, методика оценки уверенности в себе Рейзаса,

Таблица 1

Личностная составляющая предпринимательской активности	
Свойство личности	Характеристика свойства личности
Мотивация	волевая готовность к созданию своего дела, к решению поставленных задач
Коммуникационные способности	способность вступать во взаимодействие с людьми и устанавливать взаимоотношения
Организаторские способности	способность координировать свою деятельность и работу других людей
Лидерство	способность оказывать влияние на поведение других людей, побуждать их к деятельности
Креативность	способность продуцировать новые идеи
Целеустремленность	способность инициировать активные действия, направленные на достижение цели
Ответственность	способность отвечать за принятые решения и действия
Способность к риску	способность нестандартно действовать в условиях неопределенности
Уверенность в себе	способность оценивать как достижимые свои решения, вера в собственную правоту
Подверженность стрессу	способность действовать в экстремальных ситуациях
Настойчивость	способность преодолевать преграды на пути к достижению цели
Рефлексивность	способность познания себя на основе содержательного и деятельностного самоанализа

методика оценки креативности Е.В. Потемкиной, методики оценки упорства и настойчивости В.В. Бондаренко, Е.П. Ильина, Е.К. Фещенко, методика оценки уровня субъективного контроля Дж. Роттера.

Анализ показателей в контрольной и экспериментальной группах изначально позволил выявить, что по уровню сформированности конкретных личностных качеств, определяющих личностную составляющую предпринимательской активности, обучающиеся контрольной и экспериментальной групп статистически не различимы с достоверностью $p < 0.05$.

В конце обучения сравнение показателей по каждой группе показало, что имеются статистически достоверные различия между контрольной и экспериментальной группой по уровню сформированности по всем компонентам личностной составляющей предпринимательской активности. Оценка производилась на основе расчета критерия χ^2 для $p < 0.05$.

Полученные результаты свидетельствуют о более эффективном формировании предпринимательской активности в экспериментальной группе. Какие факторы обеспечивают такие различия? Какова степень их влияния на уровень сформированности личностной составляющей предпринимательской активности? Для ответа на эти вопросы актуальным стал выбор диагностического инструментария, который обеспечил бы выявление тенденций в развитии личностной составляющей предпринимательской активности в процессе ее формирования и оценку динамики изменений. Для этого был использован факторный анализ, который позволил выделить наиболее значимые компоненты изучаемого явления и установить характер влияния образовательного процесса на развитие

личностной составляющей предпринимательской активности [9; 10].

Результаты использования факторного анализа при анализе предпринимательской активности обучающихся

Факторный анализ структуры личностной составляющей предпринимательской активности включал следующие этапы:

- 1) определение факторов, определяющих результативный показатель – личностную составляющую предпринимательской активности в начале обучения [11];
- 2) интерпретация факторов, определяющих результативный показатель – личностную составляющую предпринимательской активности в начале обучения [12];
- 3) оценка изменения личностной составляющей предпринимательской активности после завершения обучения.

На первом этапе были выявлены факторные признаки, оказывающие существенное влияние на личностную составляющую предпринимательской активности обучающихся профессиональных образовательных организаций, и проведено предварительное сокращение на этой основе числа признаков личностной составляющей предпринимательской активности, подлежащих отслеживанию в процессе формирования у обучающихся профессиональных образовательных организаций предпринимательской активности для оценки эффективности процесса формирования предпринимательской активности обучающихся.

Для определения числа факторов, формирующих личностную составляющую предпринимательской активности, использовался метод

Таблица 2

**Объединение параметров в факторе и выделение базового параметра в контрольной группе
(в начале обучения)**

Фактор, % дисперсии	Состав объединения параметров в факторе	Фактор- ная на- грузка	Базовые параметры
Способность к инновационному лидерству, 34.38%	Мотивация	0.768	Мотивация Коммуникативные способности Организационные способности Лидерство Уверенность в себе Креативность Целеустремленность Настойчивость Ответственность
	Коммуникативные способности	0.705	
	Организаторские способности	0.598	
	Склонность к риску	0.444	
	Лидерство	0.698	
	Уверенность в себе	0.700	
	Креативность	0.664	
	Целеустремленность	0.383	
	Настойчивость	0.617	
	Ответственность	0.613	
Способность идти на риск в стрессовой ситуации, 10.20%	Склонность к риску	0.466	Подверженность стрессу Целеустремленность
	Подверженность стрессу	0.538	
	Креативность	-0.465	
	Целеустремленность	0.539	
	Рефлексивность	0.394	
Способность к эффективной рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях, 10.98%	Организаторские способности	0.439	Подверженность стрессу Целеустремленность Рефлексивность
	Подверженность стрессу	0.556	
	Целеустремленность	-0.549	
	Настойчивость	-0.349	
	Рефлексивность	0.548	
Способность идти на разумный риск, 7.67%	Мотивация	-0.431	Склонность к риску
	Склонность к риску	0.491	
	Лидерство	0.320	
	Настойчивость	0.314	
	Ответственность	0.321	

главных компонент и критерий Кайзера. Обработка результатов педагогического эксперимента осуществлялась с помощью программного продукта IBM SPSS Statistics.

Первые замеры были сделаны в контрольной и экспериментальной группах в начале обучения. В результате было выделено три фактора, суммарная доля дисперсии которых при уровне статистической значимости 0.05 в контрольной группе составила 63.23%, в экспериментальной группе – 64.27%. В структуру каждого фактора вошли личностные признаки с высокими факторными весами, взаимосвязи в каждом из выделенных факторов оказались в общих чертах сходны для контрольной и экспериментальной групп (табл. 2, 3). Рассмотрим факторы более подробно.

Первый фактор, являющийся доминирующим и униполярным, был определен нами как «Способность к инновационному лидерству». В контрольной группе он имел вес 34.38% и положительно коррелировал с признаками «Мотивация» ($r = +0.768$; $p < 0.05$), «Коммуникационные способности» ($r = +0.705$; $p < 0.05$), «Организаторские способности» ($r = +0.598$; $p < 0.05$), «Склонность к риску» ($r = +0.444$; $p < 0.05$), «Лидерство» ($r = +0.698$; $p < 0.05$), «Уверенность в себе» ($r = +0.700$; $p < 0.05$), «Креатив-

ность» ($r = +0.664$; $p < 0.05$), «Целеустремленность» ($r = +0.383$; $p < 0.05$), «Настойчивость» ($r = 0.617$; $p < 0.05$), «Ответственность» ($r = +0.613$; $p < 0.05$), «Рефлексивность» ($r = +0.394$; $p < 0.05$).

В экспериментальной группе на долю первого фактора приходилось 35.46% дисперсии, он нес следующие значимые положительные факторные нагрузки: «Мотивация» ($r = +0.729$; $p < 0.05$), «Коммуникационные способности» ($r = +0.737$; $p < 0.05$), «Организаторские способности» ($r = +0.754$; $p < 0.05$), «Лидерство» ($r = +0.756$; $p < 0.05$), «Уверенность в себе» ($r = +0.645$; $p < 0.05$), «Креативность» ($r = +0.537$; $p < 0.05$), «Целеустремленность» ($r = +0.709$; $p < 0.05$), «Настойчивость» ($r = 0.658$; $p < 0.05$), «Ответственность» ($r = +0.494$; $p < 0.05$), «Рефлексивность» ($r = +0.354$; $p < 0.05$).

Сравнение структуры первого фактора в контрольной и экспериментальной группах показывает, что в экспериментальной группе первый фактор оказался не взаимосвязан с признаком «Склонность к риску», в остальном существенных отличий между группами по первому фактору не было. Интерпретируя полученные данные, следует отметить, что для осуществления предпринимательской деятельности обучающемуся необходимо иметь бизнес-идею и

Таблица 3

Объединение параметров в факторе и выделение базового параметра в экспериментальной группе (в начале обучения)

Фактор, % дисперсии	Состав объединения параметров в факторе	Факторная нагрузка	Базовые параметры
Способность к инновационному лидерству, 35.46%	Мотивация	0.729	Мотивация Коммуникативные способности Организационные способности Лидерство Уверенность в себе Креативность Целеустремленность Настойчивость
	Коммуникативные способности	0.737	
	Организаторские способности	0.754	
	Лидерство	0.756	
	Уверенность в себе	0.645	
	Креативность	0.537	
	Целеустремленность	0.709	
	Настойчивость	0.658	
	Ответственность	0.494	
Способность идти на риск в стрессовой ситуации, 11.27%	Склонность к риску	0.767	Склонность к риску Подверженность стрессу
	Подверженность стрессу	0.623	
	Ответственность	0.323	
Способность к эффективной рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях, 9.10%	Подверженность стрессу	0.469	Подверженность стрессу Рефлексивность
	Рефлексивность	0.761	
Способность давать оценку инновациям с точки зрения их эффективности, 8.44%	Склонность к риску	-0.415	Креативность
	Креативность	0.557	
	Ответственность	0.400	

лидерский потенциал, который реализуется через умение устанавливать контакты и организовывать свою деятельность и деятельность других людей, через волевые установки личности (целеустремленность, настойчивость, уверенность) и отражение собственной деятельности в своем сознании.

Второй фактор мы определили как «Способность идти на риск в стрессовой ситуации». В контрольной группе на его долю приходилось 10.20% дисперсии, и он имел положительные факторные нагрузки на признаках «Склонность к риску» ($r = +0.466; p < 0.05$), «Подверженность стрессу» ($r = +0.538; p < 0.05$) и «Целеустремленность» ($r = +0.539; p < 0.05$); отрицательные – на признак «Креативность» ($r = -0.465; p < 0.05$).

В экспериментальной группе этот фактор имел значимость 11.27% и являлся униполярным, положительный полюс в нем был отмечен у признаков «Склонность к риску» ($r = +0.767; p < 0.05$), «Подверженность стрессу» ($r = +0.623; p < 0.05$) и «Ответственность» ($r = +0.323; p < 0.05$).

Сопоставляя взаимосвязи второго фактора в каждой группе, можно отметить, что структура фактора в контрольной группе немного сложнее, чем в экспериментальной, но отличий по сути нет. Интерпретируя состав фактора, следует указать, что поскольку для предпринимательской деятельности характерны неопределенность и риск, то для достижения успеха в бизнесе обучающемуся нужно обладать способностью принимать решения и реализовывать

рискованные проекты в условиях неопределенности, просчитывая возможные последствия и принимая меры для «страхования» от возможных неудач.

Третий фактор, который мы определили как «Способность к эффективной рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях», в начале эксперимента в контрольной группе имел вес 10.98%. При этом положительные корреляции были отмечены с признаками: «Организаторские способности» ($r = +0.439; p < 0.05$), «Подверженность стрессу» ($r = +0.556; p < 0.05$), «Рефлексивность» ($r = +0.548; p < 0.05$); отрицательные – «Целеустремленность» ($r = -0.549; p < 0.05$), «Настойчивость» ($r = -0.349; p < 0.05$). В экспериментальной группе на долю данного фактора приходилось 9.10% дисперсии, были отмечены значимые положительные факторные нагрузки у признаков «Подверженность стрессу» ($r = +0.469; p < 0.05$) и «Рефлексивность» ($r = +0.761; p < 0.05$).

Несмотря на то что структура третьего фактора в контрольной группе более сложная, чем в экспериментальной, ключевые параметры схожи. Это позволяет интерпретировать фактор в контексте действий предпринимателя в условиях неопределенности и риска. Предпринимателю часто приходится принимать решения в состоянии высокого эмоционального напряжения, а потому его решения не должны быть импульсивными, он должен принимать просчитанные решения, а для этого должен быть способным к содержательной и деятельностной рефлексии.

Четвертый фактор в контрольной и экспериментальной группах содержательно имеет разную структуру, при этом вес его в дисперсии и в той, и в другой группе меньше 9%. В контрольной группе данный фактор положительно коррелирует с признаками «Склонность к риску» ($r = +0.491$; $p < 0.05$), «Лидерство» ($r = +0.320$; $p < 0.05$), «Настойчивость» ($r = +0.314$; $p < 0.05$), «Ответственность» ($r = +0.321$; $p < 0.05$); отрицательно – «Мотивация» ($r = -0.431$; $p < 0.05$). Такое распределение признаков позволило нам интерпретировать данный фактор для контрольной группы как «Способность идти на разумный риск». В экспериментальной группе четвертый фактор имеет более простую биполярную структуру: положительный полюс – признаки «Креативность» ($r = +0.557$; $p < 0.05$) и «Ответственность» ($r = +0.400$; $p < 0.05$); отрицательный – «Склонность к риску» ($r = -0.415$; $p < 0.05$). Фактор с таким распределением признаков определен нами для экспериментальной группы как «Способность давать оценку инновациям с точки зрения их эффективности».

В обеих группах значимые факторные нагрузки по четвертому фактору отмечены у признака «Склонность к риску» и «Ответственность», это позволяет сделать вывод, что, рассматривая возможность реализации рискованных проектов, предприниматель не должен принимать авантюрных решений. Творческие инновационные идеи предпринимателя должны обеспечивать жизнеспособность бизнеса, принимаемые решения должны быть ответственными, а риск обоснованным и просчитанным.

Результатом факторного анализа в начале эксперимента стало определение базовых компонентов по каждому фактору [10], чтобы направить процесс обучения в рамках разработанной модели формирования предпринимательской активности на развитие свойств личности, имеющих доминирующее значение в контексте каждого выделенного фактора. По первому фактору «Способность к инновационному лидерству» – мотивация и лидерство; по второму «Способность к осторожному риску в стрессовой ситуации» – подверженность стрессу и склонность к риску; по третьему «Способность к эффективной рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях» – подверженность стрессу и рефлексивность; по четвертому – склонность к риску и креативность.

Таким образом, была определена структура личностной составляющей предпринимательской активности обучающегося, в нее вошли такие качества личности, как мотивация, лидерство, склонность к риску, подверженность

стрессу, креативность и рефлексивность. Выявленная структура позволила нам соответствующим образом организовать образовательный процесс по формированию у обучающихся по специальностям технического профиля профессиональных образовательных организаций предпринимательской активности. Отличительными особенностями процесса формирования предпринимательской активности стали:

- формирование приверженности обучающихся предпринимательской деятельности путем вовлечения их в разработку прикладных экономических проектов, в олимпиады и конкурсы, в работу учебной фирмы;

- задачная форма организации образовательного процесса в рамках вариативного курса «Экономика предпринимательства», которая обеспечила возможность приобретения опыта решения учебных задач, сопряженных с видами деятельности предпринимателя, и соответствующих им профессиональных компетенций (способом решения учебной задачи был выбран алгоритм принятия управленческого решения, а предъявление обучающимся учебных задач осуществлялось в условиях конкретной ситуации, что задавало диапазон возможных решений и являлось основой становления личного рефлексированного опыта обучающегося);

- обеспечение непрерывного «погружения» обучающихся в процесс принятия управленческих решений в условиях функционирования учебной фирмы, где моделировался весь цикл бизнес-процессов в контексте осваиваемой специальности (обучающиеся получали опыт реализации конкретных процессов в роли учредителей и сотрудников учебной фирмы, выполняли все необходимые действия по организации, осуществлению и документационному сопровождению хозяйственных операций [1]);

- осуществление индивидуального сопровождения бизнес-идей обучающихся в рамках деятельности консультационного центра.

Как уже было сказано выше, в конце обучения при проведении сопоставления показателей по контрольной и экспериментальной группам были выявлены существенные различия по всем компонентам личностной составляющей предпринимательской активности. Это позволило сделать вывод, что реализованный в экспериментальной группе образовательный процесс обеспечил целенаправленное формирование предпринимательской активности обучающихся. Насколько при этом изменилась структура факторов, выделенных в начале эксперимента, и как изменились факторные нагрузки на отдельные признаки в каждой группе, показал третий этап факторного анализа.

Таблица 4

Объединение параметров в факторе и выделение базового параметра в контрольной группе (после завершения обучения)

Фактор, % дисперсии	Состав объединения параметров в факторе	Факторная нагрузка	Базовые параметры
Способность к инновационному лидерству, 31.95%	Мотивация	0.726	Мотивация Коммуникативные способности Лидерство Уверенность в себе Креативность Настойчивость Ответственность
	Коммуникативные способности	0.692	
	Организаторские способности	0.469	
	Склонность к риску	0.533	
	Лидерство	0.707	
	Уверенность в себе	0.695	
	Креативность	0.663	
	Целеустремленность	0.330	
	Настойчивость	0.659	
Способность идти на риск для достижения цели, 12.30%	Ответственность	0.510	Подверженность стрессу Целеустремленность
	Рефлексивность	0.311	
	Склонность к риску	0.294	
	Подверженность стрессу	0.601	
Способность к эффективной рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях, 8.78%	Креативность	-0.438	Рефлексивность
	Целеустремленность	0.736	
	Уверенность в себе	-0.307	
	Ответственность	-0.466	
Способность организовывать деятельность в стрессовых ситуациях, 8.52%	Рефлексивность	0.740	Организаторские способности Подверженность стрессу
	Организаторские способности	0.627	
	Подверженность стрессу	0.531	

Таблица 5

Объединение параметров в факторе и выделение базового параметра в экспериментальной группе (после завершения обучения)

Фактор, % дисперсии	Состав объединения параметров в факторе	Факторная нагрузка	Базовые параметры
Способность к инновационному лидерству, 34.07%	Мотивация	0.861	Мотивация Коммуникативные способности Организаторские способности Лидерство Уверенность в себе Креативность Настойчивость Ответственность Рефлексивность
	Коммуникативные способности	0.711	
	Организаторские способности	0.714	
	Склонность к риску	0.338	
	Лидерство	0.662	
	Уверенность в себе	0.636	
	Креативность	0.495	
	Целеустремленность	0.480	
	Настойчивость	0.607	
	Ответственность	0.512	
	Рефлексивность	0.514	
Способность идти на риск для достижения цели, 9.97%	Склонность к риску	0.754	Склонность к риску Ответственность
	Целеустремленность	0.337	
	Ответственность	-0.584	
Способность достигать цели в стрессовых ситуациях, 11.03%	Подверженность стрессу	0.867	Подверженность стрессу Целеустремленность
	Креативность	-0.480	
	Целеустремленность	0.534	
Способность давать оценку инновациям с точки зрения их эффективности, 8.88%	Уверенность в себе	-0.354	Рефлексивность
	Креативность	0.446	
	Настойчивость	-0.334	
	Ответственность	0.391	
	Рефлексивность	-0.503	

На третьем этапе давалась оценка изменений, произошедших в структуре личностной составляющей предпринимательской активности после завершения педагогического эксперимента (табл. 4, 5).

По первому фактору «Способность к инновационному лидерству» существенных структурных изменений не произошло. В контрольной

группе удельный вес фактора снизился до 31.95%, факторная нагрузка на признаки существенно не изменилась.

В экспериментальной группе доля первого фактора в дисперсии значимо не изменилась и составила 34.07%. При этом увеличилась факторная нагрузка на признаки «Мотивация», «Склонность к риску», «Рефлексивность», сни-

зилась факторная нагрузка на признаки «Целеустремленность», «Лидерство». После эксперимента базовым компонентом по данному фактору в экспериментальной группе стала мотивация. Это позволило сделать вывод, что мотивация, как волевое намерение к открытию бизнеса, как направленность «на дело», связанная с достижением поставленных целей и решением задач, становится ведущим компонентом на этапе реализации намерений по осуществлению предпринимательской деятельности (создание бизнеса) в условиях осведомленности человека о сущности предпринимательской деятельности и получения первого опыта осуществления бизнес-процессов.

Произошли существенные изменения во втором факторе «Способность к осторожному риску в стрессовой ситуации». В контрольной группе у данного фактора увеличился удельный вес до 12.30%. При этом перестали нести значимую факторную нагрузку признаки «Организационные способности» и «Рефлексивность», признаки «Настойчивость» и «Целеустремленность» сменили направление своего влияния с отрицательного на положительное, положительным полюсом фактора стал признак «Целеустремленность» ($r = +0.736$; $p < 0.05$), а отрицательным — «Креативность» ($r = -0.438$; $p < 0.05$).

В экспериментальной группе удельный вес данного фактора незначительно снизился до 9.97 % дисперсии. При этом отмечено увеличение нагрузки на признаки «Целеустремленность» и «Ответственность»; признак «Подверженность стрессу» перестал нести значимую факторную нагрузку. После эксперимента структура второго фактора стала иной: положительный полюс — «Склонность к риску» ($r = +0.754$; $p < 0.05$), «Целеустремленность» ($r = +0.337$; $p < 0.05$); отрицательный полюс — «Ответственность» ($r = -0.584$; $p < 0.05$).

При сравнении взаимосвязи второго фактора в каждой группе был отмечен дефицит способности идти на риск и креативности в контрольной группе, при этом ярко выраженной оказалась подверженность стрессу, в то время как в экспериментальной группе фактор приобрел более четкую структуру. Полученные результаты свидетельствуют о том, что, имея «багаж» знаний в области предпринимательства, обладая профессиональными предпринимательскими компетенциями, человек способен пойти на более значимый риск, если уверен, что это приведет к достижению поставленных целей. Поэтому данный фактор был уточнен нами как «Способность идти на риск для достижения цели».

Третий фактор, определенный нами в начале эксперимента как «Способность к эффективной

рефлексии (самоанализу) в стрессовых ситуациях», в контрольной и экспериментальной группах после завершения обучения имеет разную структуру. В контрольной группе доля третьего фактора снизилась до 8.78%. Перестали нести значимую факторную нагрузку признаки «Организаторские способности», «Подверженность стрессу», «Целеустремленность», «Настойчивость», при этом выросла нагрузка на признак «Рефлексивность», который стал базовым параметром по данному фактору в контрольной группе. После завершения обучения структура фактора стала таковой: положительный полюс — «Рефлексивность» ($r = +0.740$; $p < 0.05$), отрицательный — «Уверенность в себе» ($r = -0.307$; $p < 0.05$) и «Ответственность» ($r = -0.466$; $p < 0.05$).

В экспериментальной группе третий фактор увеличил свой удельный вес в дисперсии до 11.03%. Признаки «Подверженность стрессу» и «Целеустремленность» увеличили свою факторную нагрузку, признак «Креативность» увеличил нагрузку и сменил свое направление с положительного на отрицательное, признак «Рефлексивность» перестал нести значимую факторную нагрузку. Структура фактора стала следующей: значимая положительная нагрузка у признаков «Подверженность стрессу» ($r = +0.867$; $p < 0.05$) и «Целеустремленность» ($r = +0.534$; $p < 0.05$); отрицательная — у признака «Креативность» ($r = -0.480$; $p < 0.05$). Базовым компонентом стала подверженность стрессу. Такое распределение пунктов позволило нам уточнить третий фактор как «Способность достигать цели в стрессовых ситуациях». Это свидетельствует о том, что в условиях стресса, когда высоко эмоциональное напряжение, успешность предпринимателя определяется его способностью принимать решения с предсказуемыми последствиями, поступательно двигаться в направлении достижения цели «проторенной тропой», в целях сохранения бизнеса в ситуации высокого риска и неопределенности; что обучающиеся стали более рационально подходить к принятию рискованных решений после получения первичного опыта реализации бизнес-процессов, последствиями которых были понесенные убытки.

Четвертый фактор, удельный вес которого в обеих группах остался меньше 9%, определенный нами как «Способность идти на разумный риск» в контрольной группе и как «Способность давать оценку инновациям с точки зрения их эффективности» в экспериментальной группе, после завершения эксперимента изменил свою структуру и приобрел новые факторные нагрузки. В контрольной группе состав пара-

метров изменился полностью. Фактор после завершения обучения образован двумя признаками: «Организаторские способности» ($r = +0.627$; $p < 0.05$) и «Подверженность стрессу» ($r = +0.531$; $p < 0.05$). Такое распределение свидетельствует о дефиците в контрольной группе у обучающихся уверенности в себе, настойчивости, рефлексивности, креативности и ответственности.

В экспериментальной группе факторная нагрузка на признак «Креативность» снизилась, нагрузка на признак «Склонность к риску» снизилась и изменила свое направление с отрицательного на положительное; появилась значимая отрицательная нагрузка на признаки «Уверенность в себе» ($r = -0.354$; $p < 0.05$), «Настойчивость» ($r = -0.334$; $p < 0.05$) и «Рефлексивность» ($r = -0.503$; $p < 0.05$). Базовым компонентом стала рефлексивность. Такое распределение признаков в факторе после завершения эксперимента подтверждает наш вывод о том, что для обеспечения жизнеспособности бизнеса идеи должны быть инновационными, решения ответственными, риск обоснованным и просчитанным, и все это должно основываться на самоанализе успехов и неудач в бизнесе.

Осуществленный эксперимент и полученные в рамках него результаты позволили уточнить наименования факторов и определить состав базовых компонентов личностной составляющей предпринимательской активности: первый фактор «Способность к инновационному лидерству», базовые компоненты в котором – мотивация и лидерство; второй фактор «Способность идти на риск для достижения цели» – склонность к риску; третий фактор «Способность достигать цели в стрессовых ситуациях» – подверженность стрессу; четвертый фактор «Способность давать оценку инновациям с точки зрения их эффективности» – рефлексивность.

Результаты факторного анализа показывают, что развитие мотивации, способности идти на риск, рефлексивности в условиях повышенного эмоционального напряжения и умственных нагрузок, характерных для стрессовых ситуаций, в экспериментальной группе является значимым при формировании у обучающихся предпринимательской активности. В контрольной группе развитие этих способностей было менее значимым, их значения являются более низкими, и формирование предпринимательской активности обучающихся отличается меньшей успешностью по сравнению с экспериментальной группой.

Выделенные базовые параметры были использованы нами в качестве показателей оценки эффективности формирования предпринимательской активности обучающихся по специ-

альностям технического профиля профессиональных образовательных организаций в отношении личностной составляющей предпринимательской активности.

Заключение

Анализ полученных результатов показал, что реализация экспериментальной модели формирования предпринимательской активности обучающихся на основе использования технологии формирования предпринимательской активности оказала влияние на структуру личностной составляющей предпринимательской активности обучающихся по специальностям технического профиля профессиональных образовательных организаций. Это подтверждается изменением факторной нагрузки по отдельным свойствам личности в составе выделенных факторов, усилением проявления личностных качеств обучающихся, которые позволяют им добиваться более высоких результатов в проявлении предпринимательской активности на компетентностном уровне.

Использование метода факторного анализа в рамках педагогического исследования позволило: во-первых, обосновать применимость факторного анализа к исследованию предпринимательской активности; во-вторых, обнаружить и упорядочить по значимости факторы, влияющие на формирование предпринимательской активности обучающихся; в-третьих, определить алгоритм сокращения количества измеряемых параметров личностной составляющей предпринимательской активности на основе выделения базовых параметров; в-четвертых, установить специфические тенденции, характерные для формирования предпринимательской активности обучающихся по техническим специальностям профессиональных образовательных организаций.

Учитывая методику проведения педагогического эксперимента, можно утверждать, что причиной, оказавшей определяющее влияние на изменение показателей личностной составляющей предпринимательской активности, стала целенаправленная реализация разработанной модели формирования предпринимательской активности обучающихся по специальностям технического профиля профессиональных образовательных организаций на основе использования разработанной технологии формирования предпринимательской активности.

Список литературы

1. Николина В.В., Шарина А.В. Модель формирования предпринимательской активности студентов в

- системе среднего профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 4. С. 134–144.
2. Банькина В.Н. Формирование предпринимательской культуры обучающихся учреждений среднего профессионального образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2010. 24 с.
3. Габовда Н.Н. Формирование предпринимательской культуры специалистов банковского дела в учебном комплексе «Школа – Колледж»: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2010. 28 с.
4. Каткова О.В. Дидактические основы моделирования учебного курса «Основы предпринимательской деятельности» при подготовке учителя по специальности «Технология и предпринимательство»: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2002. 24 с.
5. Панов Ю.И. Развитие предпринимательской активности современной молодежи в процессе обучения // Человек и образование. 2008. № 4. С. 94–99.
6. Позняков В.П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире. Мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007. 645 с.
7. Сулаева Е.П. Формирование предпринимательской компетентности у обучающихся техникума: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2011. 22 с.
8. Шарина А.В. Формирование предпринимательской активности у обучающихся профессиональных образовательных организаций на основе интегративных учебных занятий // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журн. 2016. № 3. С. 229–237.
9. Гребенев И.В., Лозовская Л.Б. Методика определения когнитивных стилей учащихся в контексте дифференциации обучения физике // Нижегородское образование. 2014. № 1. С. 46–52.
10. Grebenev I.V., Lozovskaya L.B., Morozova E.O. Methodology of determining student's cognitive styles and its application for teaching physics // Springer Plus. 2014. V. 3. P. 449.
11. Короспелкин Б.Г. Применение методов корреляционного и факторного анализа в психолого-педагогических исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. С. 46–55.
12. Лебедева И.П. О специфике применения факторного анализа в педагогическом исследовании // Образование и наука. 2003. № 2 (20). С. 10–25.

DETERMINING THE STRUCTURE OF STUDENTS' ENTREPRENEURIAL ACTIVITY BY USING THE FACTOR ANALYSIS METHOD

A.V. Sharina, V.V. Nikolina

Nizhny Novgorod Institute for Education Development

The article examines some features and possibilities of using factor analysis to study the process of entrepreneurial activity development in technical specialty students of professional education institutions. We present an algorithm for applying factor analysis to analyze the structure of the personal component of students' entrepreneurial activity, which includes selecting personality traits that determine the personal component; establishing the factors that reflect specific trends in the development of students' entrepreneurial activity; assessing the changes in the structure and the loads on the factors of the personal component of entrepreneurial activity. We also describe the results of using factor analysis at the control phase of the pedagogical experiment, including justification of the structure of the personality component of students' entrepreneurial activity; identification of common and group factors and estimation of factor loading on individual properties of the personality; providing a rationale for reducing the number of personal traits to be controlled in the process of development of students' entrepreneurial activity. The results of the experiment have confirmed the hypothesis that the proposed technology for developing students' entrepreneurial activity provides an intended shift in the indicators of the personality structure related to entrepreneurial activity.

Keywords: factor analysis, entrepreneurial activity, personal component, students of professional education institutions.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (49)

2018

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 20,9. Усл. печ. л. 18,1. Тираж 100 экз. Заказ № 146.
Дата выхода в свет: 30.03.2018
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.